

Только 20 километров

Вальтер Ведель

Вальтер Ведель

ТОЛЬКО 20 КИЛОМЕТРОВ

Молодость, проведенная в русских лесах

Кременчуг «Христианская Заря» 2009

Nur zwanzig Kilometer © 2007 by Walter Wedel

Благодарю прежде всего Того, Кто успокаивает страждущих и обремененных — Бога: переводчицу иной книги с немецкого Эльфриду Стасевич. Бывшую учительницу химии и биологии песчанской школы-интерната. Качирского района, Павлодарской области (Казахстан): всех, кто приобретая эту книгу, автоматически поддерживает Божье дело, так как автор при выпуске первого издания дал обет Господу — все гонорары, связанные с иной книгой, посвятить на Его дело!

*«И помни весь путь, которым вёл тебя Господь, Бог твой...»
Второзаконие 8:2*

*Посвящается нашим детям и всем, интересующимся участью
ссылных в русских лесах.*

Автор

Вальдемару Кран исполнилось лишь 13 лет, когда он с матерью и двумя сестрами, в составе группы немецких женщин и детей, был выслан на север в глубину тайги, на тяжелые работы. Юноша слабее своих сверстников. Выдержит ли он все тяготы ссылки?

Вступление

В последнее время желание узнать как можно больше о ссылных (депортированных) немцах в годы Второй мировой войны и после неё все чаще высказывается многими людьми, и это побудило меня написать о том, что пережил сам.

И хотя в этой книге речь идёт только о небольшой группе людей в отдельно взятом месте, всё-таки эти переживания сродни тем, что испытали многие люди в различных регионах Советского Союза. Я не вёл дневник, и поэтому мне было невозможно удерживать в памяти все даты. И если некоторые даты не совсем точно совпадают с днём

и месяцем описанных здесь событий, то пусть мне простят те, которые делили со мной ту жизнь.

Эта книга была написана после искренних молитв и долгих размышлений, как это вскоре заметит внимательный читатель. Если ему что-то покажется излишне жёстким, то пусть он не отложит эту книгу в сторону, а пусть подождёт со своей оценкой до тех пор, пока не дочитает её до конца.

Я благодарю моего Бога, что Он невозможное сделал возможным.

Вальтер Ведель

«Мы вас не расстреляем, нет, и так подохнете там, на севере, куда вас отправим. А этот, он еще мал, когда поймет действительность, будет нашим!» — это сказал советский офицер пару месяцев назад.

И всё-таки никто не догадывался о предстоящем ужасе. Страшные переживания во время войны очерствили сердца многих.

Качание вагонов, длительные остановки, во время которых их перемещали с пути на путь, сделали большинство людей такими безразличными, что последний визг тормозов и дёргание останавливающегося поезда их не тронули.

И лишь только некоторые почувствовали страх, когда они поняли, что это конечная станция их пути следования и что они должны выйти и начать выгружаться.

Возможно, им пришли на память слова того офицера, а может, у них были представления о том, каково здесь, на севере, в зоне для ссыльных.

Изменилось ли что-нибудь здесь с 30-х годов? Например, Брауны были высланы сюда как «кулаки». Отца теперь с ними не было, и мать

с ужасом думала, как она с двумя дочерями перенесёт предстоящие холода.

Она и многие другие догадывались, что будет трудно. Но как тяжело, нет, об этом не догадывался никто!

Дорога на эшафот

Первая половина дня была сырой и холодной. Это не так сильно чувствовали те, кто был занят разгрузкой вагонов. Но стариков и детей промозглая сырость пронизывала до костей.

— Подходить и записываться! — рявкнул какой-то мужчина. Приказы привычно шли из полуоткрытого рта, полного фальшивых зубов.

— Повторяю последний раз! Всем записываться! Никакого сомнения, это было серьёзно сказано, и поэтому женщины с детьми, а также несколько мужчин окружили стоящий на снегу стол, за которым сидел маленький, но внушительный мужчина. Он спрашивал: имя, дату и место рождения, сколько в семье лиц старше шестнадцати лет, и сколько детей. Затем началась перекличка.

— Вы — грузите багаж в первый и второй вагоны, другие — в третий и четвёртый вагоны. Первый и второй вагоны выгрузить на двадцатом километре, третий и четвёртый — на семнадцатом. Понятно?

Нам необходим провиант, мы уже несколько дней ничего не получали, — подал голос один из мужчин.

Да, да, — поддержали его другие.

— Потом всё выдадут, а сейчас — вперёд! — скомандовал маленький мужчина.

Вперёд, но куда это «вперёд»? Где эти вагоны, которые нужно разгрузить на двадцатом и семнадцатом километре? И вообще, что это значит: семнадцатый и двадцатый километр?

Вскоре подошли сани.

Груз на сани! — прозвучал знакомый голос. При погрузке почти не обращали внимания на плачущих детей, которые отчаянно мёрзли от холода. Но когда сани тронулись, и все прошли за ними с километр, подбодрились даже дети. Все согрелись от ходьбы.

Первые сани уже остановились. Люди с удивлением уставились на странное сооружение. Посреди леса тянулся длинный, без конца и края, ряд столбов, на которых поверху были прикреплены брусья. А на брусьях — рельсы. На рельсах стояли одноколёсные вагонетки, по бокам которых висело что-то похожее на весы. Чуть дальше ещё одни «весы», и ещё одни. Неужели это те вагоны, о которых недавно говорил мужчина? У них не оставалось времени для раздумий.

Командный голос оборвал молчание:

— Первые два вагона — на двадцатый километр, остальные — на семнадцатый! Загружайте!

Один узел за другим грузился на эти странные платформы. Погрузка была сопряжена с трудностями. Стоило на одну сторону загрузить на пару килограммов больше, как эта сторона наклонялась и ударялась о столб. Необходимо было сохранять на платформе равновесие.

На задних платформах дела обстояли сравнительно неплохо. Не только потому, что они были ближе к грузу, но и потому, что там грузчиками были мужчины. На двух первых среди женщин и детей был лишь один мужчина.

— Эй, вы что там наделали? — прервал погрузку голос низкорослого мужика.

— Вы что, не видели верёвок под вашим грузом? Вы как собираетесь тянуть эти вагоны? Они ведь сами по себе не поедут!

Да, они должны были бы сообразить, что эти вагоны им придётся самим тащить, как раньше бурлаки тащили суда вверх по течению

Волги. Теперь очередь за ними.

В то время как из-под груза вытягивались верёвки и заново укладывался багаж, прозвучало объяснение:

— Ещё пару лет назад эти платформы тащил за собой мотовоз. Но со временем столбы подгнили так сильно, что некоторые мотовозы сорвались, и теперь мы тянем платформы с помощью верёвок. Кстати, это не так-то уж трудно.

После короткой паузы он добавил:

— Если хотите добраться до места до наступления темноты, то поторопливайтесь!

— Давайте, мужики, поторопитесь. Он прав. Иначе мы должны будем в лесу ночевать, а это было бы жутко, — подтвердил один из мужчин.

И снова началась погрузка, уже в более быстром темпе, так что вскоре груз был распределён на платформах, во всяком случае, у мужчин. Напоследок погрузили на платформы стариков и детей.

Поначалу, всё это выглядело приключением. Платформы, шедшие до семнадцатого километра, были уже давно загружены, тогда как первые две были загружены лишь наполовину. Работающие там женщины, обычно очень ловкие, с трудом передвигали вещи с места на место, восстанавливая на платформах равновесие. Наконец-то, уже после обеда, было всё готово и «поезд» смог тронуться вперёд, сохраняя между «вагонами» дистанцию в пять метров.

Пока путь был ровный, силы ещё не исчерпаны, дети еще не устали от бега, слышны были то тут, то там шутливые замечания. Особенно интересным такой способ передвижения казался молодым людям. Их было немного, лишь несколько девушек и юношей. Но вскоре дорога пошла в гору и всем пришлось помогать тянуть верёвки, даже детям, которые шли пешком. И когда достигли вершины холма, все вздохнули с облегчением.

После короткого отдыха тронулись дальше. Все вначале были рады тому, что платформы легко двигались, достаточно было только держать верёвки. Но уклон увеличился, люди с трудом успевали за платформами и им стало страшно.

— Держите верёвки, не выпускайте их из рук, там дети! — кричала одна из матерей, чьи дети сидели на одной из платформ сверху на багаже.

О, Господи! — кричала она. — Мы не можем удержать верёвки!

Мгновение позже видны были убегающие вдаль платформы и бегущие за ними люди, которые плакали, кричали в ожидании самого страшного...

Сложив руки, стояла Анна Кран перед платформой, на которой сидела её дочь. Дети даже не заметили опасности. Но она всё ещё чувствовала ужас, пронзивший её до мозга костей. Что случилось бы с её дочерью и с другими детьми, если хотя бы одна из платформ соскочила бы с рельс? Или если бы одна из платформ, поднявшись по инерции на следующий холм, скатилась бы снова вниз и столкнулась с летящей под гору второй платформой?

Так же молча стояли рядом с ней остальные. Это было невероятно, что всё обошлось благополучно!

— За это спасение мы должны вечно благодарить Господа! — сказала Анна.

— Да, вы правы, — согласилась с ней Ниманн. Вскоре показались другие платформы, которые удерживались сильными мужчинами.

— Всё в порядке? — спросил Майер и, после полученного ответа, нахмутив лоб, сказал: — Вам, бабы, опять повезло. Разве можно было верёвки из рук выпускать? Выругавшись, он добавил:

— Мы уже думали, будут похороны. Одна из женщин пробормотала:

— А мы думали, что вы, мужики, нам поможете. Но её никто не расслышал.

Путь проходил по труднопроходимой местности. Приходилось перепрыгивать с пня на пенё, с валежника на что-то другое устойчивое, чтобы не замочить ноги. Это всё так утомило людей, так истощило их силы, что они согласны были переночевать прямо здесь, в этой низине. К сожалению, это было невозможно. Единственный дом, попавший в поле зрения, был настолько обветшалым, что не мог предоставить им убежище, тем более что окна в нём были все разбиты. Так что им не оставалось ничего другого, как собрать последние силы и двинуться дальше.

Наступил ясный вечер. На небе необычно ярко светили звёзды. Луна сопровождала ослабевших путников холодными лучами, словно хотела сказать им: «Я отдаю вам всё, что у меня есть».

Единственный проводник, знавший местность, давно исчез. Вообще-то он должен был довести людей до цели, но в таком случае и ему пришлось бы заночевать в лесу, а этого ему совершенно не хотелось. Так что он ускорил шаги, и вскоре от рослого, метр восемьдесят, парня видна была лишь точка, которая вскоре исчезла из вида.

Сейчас, ночью, беднякам нужен был кто-нибудь, кто смог бы показать им дорогу в этом дремучем лесу. Но лишь рельсы безмолвно и беспощадно указывали им путь. Это всё больше походило на путь на эшафот. И всё-таки они ему следовали. Остановиться — означало умереть. Мороз усиливался, проникал через влажную одежду, а вода в обуви, казалось, превратилась в лёд. Преодолели девятый километр. То и дело слышны были вздохи, ругательства, плач детей. Но того, что могло бы воистину помочь, никто не слышал: это были молитвы о помощи, возносимые некоторыми женщинами.

Когда луна стала спускаться, многих объял страх. Что для них означало наступление темноты, понимали все, глядя на замёрзшую обувь. Лёд, покрытый тонким слоем снега, трещал под ногами, вода чавкала в ботинках, но переобуться не было возможности, так как

никто не смог бы отыскать своих вещей на платформах. А что будет, когда уж совсем не видно будет, куда ступает нога?

Опасения оправдались. Луна скрылась за огромными елями, чьи тени при слабом свете звёзд казались жуткими привидениями, готовыми в любой момент наброситься на «бурлаков».

— Помогите! Помогите! — отчаянный крик пронзил темноту.

— Да помогите же, я завязла! — умолял голос. Платформы остановились, и люди бросились вытаскивать увязшую по колено в трясине девочку.

Это была Марианка, крепкого телосложения девочка лет двенадцати. Она старательно помогала женщинам тянуть верёвки, ловко перепрыгивая при этом с пня на пень, и хотя, как многие другие, несколько раз оступалась, вода, к счастью, доходила ей только до щиколоток. Теперь, когда её сестра и одна из пожилых женщин её переодевали, она тряслась от холода.

— Не надо было тянуть с нами за верёвку, ты ещё слишком мала для этого, — сказала одна из женщин.

— А кто же должен тащить моего маленького братика и мою больную маму, если не я с сестрою? — возразила она в ответ.

Похожие происшествия происходили и с другими. «Что с нами будет? О, хотя бы наступило утро!» Слышны были стоны, и плачь, но большинство молча тянули груз.

Они шли молча, словно лишённые дара речи, как приговорённые к смерти, приближающиеся к пропасти, в которой их ожидал бы конец и вместе с тем — избавление от этих невыносимых страданий.

К середине ночи они вышли на поляну. — Здесь мы, возможно, найдём ночлег, — сказал кто-то. — Здесь, кажется, живут люди. Действительно, стал виден деревянный барак и рядом маленький домик. Когда несколько человек зашли в барак, чтобы узнать, можно

ли в нём переночевать, в одном из окон маленького дома загорелся свет. На улицу вышла пожилая женщина. Кажется, она знала, кто эти люди. Возможно, ей сказал об этом сбежавший проводник.

— в одной из комнат вы можете отдохнуть, — объяснила она. — Там только несколько стёкол выбито. В других комнатах застеклённых окон вообще нет. Не вздумайте только топить печь. Она не в порядке. Иначе вы сожжёте весь барак, — добавила она.

— Но послушайте, женщина, посмотрите на нас, как мы выглядим: наши ноги покрыты льдом, нам ведь надо их согреть. Да и горячего чаю нам нужно напиться, иначе мы пропадём!

— Тогда вытащите из соседней комнаты железную печь, но только хорошо следите, чтобы пожара не наделать. — А где нам взять дрова?

— Дрова? в лесу этого добра хватает. Как исключение можете по ту сторону барака пару поленьев взять. Только осторожно, не сожгите мне ещё барак! Спокойной ночи!

С этими словами она исчезла.

С большим трудом удалось зажечь собранные во дворе сырые дрова. Через пару часов все напились горячего чаю. Дети и некоторые взрослые уснули. Анне Кран не было покоя. Её преследовали воспоминания о том вечере в Кремине. Она пыталась избавиться от них, вглядываясь в лица своих детей, которые были видны в мерцании огня.

— Мои бедняжки, — думала она, — что вас ещё ожидает?

Вот лежит её старшенькая дочь, которой едва минуло шестнадцать. Чудом она спаслась от рук тиранов. Для солдат, дошедших до животного состояния, никто не был ни слишком мал, ни слишком стар. От них не было покоя ни днём, ни ночью. С содроганием думала она о том жутком дне, когда она с ещё одной женщиной были вызваны к коменданту...

Она посмотрела на сына, который спал рядом со своею сестрой.

— Этот, — молнией пронзили слова офицера, — этот станет нашим.

Да, что он еще говорил? Мысль ускользнула. О, Господи! Почему именно сегодня ночью пришли эти мысли? И внезапно в памяти всплыли слова коменданта: «Мы вас не расстреляем, вы и так подохнете, а этот станет нашим».

Она снова посмотрела на сына. Ему только тринадцать. Понял ли он, что имел в виду комендант? Её сын— предатель? Она вспомнила о тридцатых годах, когда сотни людей избрали этот лёгкий путь и выдавали других, чтобы сохранить свою шкуру. Но подошла очередь и до этих Иуд. Когда им некого было уже предавать, забрали и их.

Но порядочные люди такого не делали никогда! Во всей их родне и среди друзей таких подонков не было. И её сердце забилося от гордости: «Нет, мой сын не станет предателем!»

«Ну, а что же с мужем твоей сестры? — она вздрогнула. — А его родители? Они были порядочными людьми. И не только это — они были хорошими христианами».

— О, Господи, — прошептала она смиренно, — прости мне, что я опиралась на свою плоть и кровь; вся моя праведность, как запачканная одежда! Ты и Сам говоришь в Твоём Слове, что нет праведного ни одного. И я не исключение. Так пусть же Твоя праведность и милость изольётся на моих детей. Моего сына, Господи, веди Ты Сам; веди его путём, которым Ты хочешь, только не допусти ему стать предателем. Господи, если нам суждено здесь всем умереть, — Ты ведь видел, как мне тяжело дались эти четырнадцать километров, тогда позволь нам быть у Тебя. Ради Твоей благодати. Аминь!

После этой молитвы она успокоилась и, наконец, уснула.

Цель — двадцатый километр

Две задних платформы остановились на семнадцатом километре. Прощание было коротким. Наконец и две другие достигли своей цели — двадцатого километра! От Семигородней до этого места было ровно двадцать километров и для их преодоления им понадобилось 24 часа.

Когда Анна Кран оглядела себя, своих детей, и всех, кто стоял у выгруженного багажа, она с удивлением констатировала: мы все дошли! А через несколько дней ей придётся ещё другое засвидетельствовать: «бурлачество» через этот дремучий лес не вызвало ни малейшего заболевания! Да, Бог чудесно ответил на молитвы!

Вскоре подошел начальник участка товарищ Чистяков. Это был крупный мужчина с кривым носом, пронзительными глазами и слегка кудрявыми волосами.

Прибывших разместили в большом помещении, в котором каждой семье было отведено определённое место, где они смогли сложить свой багаж и, плотно уложившись один возле другого, смогли, наконец, выспаться, вытянувшись во весь рост. Об этом уже давно все мечтали: теснота в вагонах, где они провели последние два месяца, да ещё этот путь через лес утомили их основательно.

— Позже каждая семья получит свою комнату, — сказал начальник.

Он разговаривал с дефектом «р-р-р-р».

— И если вы будете хор-р-рошо р-р-работать, то получите добавку в пр-р-родовольственном снабжении. Ну а сейчас ступайте в столовую и получите овсяной кисель! Дважды повторять не пришлось — в столовую уже потянулись люди со своей посудой. Возвращались оттуда с чашками, полными сероватой массы. Это и был овсяной кисель, излюбленное лакомство местных посельчан, кисловато-горьковатое варево из заквашенной овсяной мякины и горечь!

— Бр-р-р, ну Люди были слишком голодны, чтобы отказаться от киселя, но и после нескольких попыток никто не смог его съесть. У дверей уже стоял начальник: — Ну что, вкусно? — ухмыльнулся он.

— Послушайте, тут что-то не так, он же горький, его невозможно есть!
— возмутился Майер.

— Что? Этот чудесный кисель?! И нельзя его есть?! Ну, тогда что-то не так с вашим вкусом! Это лучшая еда, которую здесь можно получить! Так что настройтесь на это!

Он возмущённо захлопнул за собой дверь. Голод позаботится, чтобы то, что не нравилось, стало вкусным. Как это произойдёт — этого ещё не могли себе представить люди, занятые распаковкой собственного провианта.

Вечером опять пришёл начальник. С ним была женщина — Белова. Они вдвоём по списку распределили рабочие места:

— Утром, точно в восемь часов, каждый должен быть на своём рабочем месте. До работы вы получите топоры и пилы. Каждый подпишет квитанцию о получении инструментов. Если кто их потеряет или кому в голову придёт идея их продать, знайте, что из его заработка будет вычтена сумма, в пять раз превышающая их стоимость. Есть вопросы?

Ну нет! Какие уж тут вопросы!

С утра была составлена бригада, в которой вместе с другими женщинами работала и Анна Кран. Женщины валили деревья, распиливали их и складывали в штабели от 2-х до 5-ти кубов. Через несколько дней работы Анна так устала от таскания тяжёлых брёвен, что, чувствуя себя окончательно измождённой, пошла к начальнику и попросила более лёгкую работу. Но таковой не было. В полнейшем унынии шла она вечером домой. Долго она так не выдержит. И что же тогда будет с её детьми?

Все уже спали, а она всё ещё сидела и размышляла. Её глаза наполнились слезами, и в тусклом свете светильника — фитиля в небольшом количестве жира в блюде, она почти не могла штопать порванные чулки. Она с трудом сдерживалась, но дамба внезапно

прорвалась, она уронила голову на грудь, и рыдания прорвали тишину ночи.

— Господи! — всхлипывала она. — Ты видишь, я не могу более снести этот груз. О, помоги, помоги!

Один из детей, потревоженный всхлипами матери, метался в кровати из стороны в сторону. Нет, она хочет обереечь детей от всего того! Она не хочет обременять их нежные сердца!

Прежде чем пойти спать, она решила почитать Слово Божье и взяла в руки драгоценную книгу, ту самую, которая ей уже столько раз давала утешение. Она была при ней в рюкзаке, на пути из России в Германию. И до сих пор была эта старая Библия с нею. Но просто лишь поддержать её в руках давало ли ей силу? Нет, она не относилась к тем суеверным людям, которые считали, что достаточно положить Библию под подушку и, без чтения Божьего Слова и следования Ему, получить Божье благословение. Но осознание того, что это Слово не только псалмопевцу Давиду, но и ей уже столько раз было «светильником ноге и светом стезе», явилось для неё большей радостью. Но в эту ночь ей не удалось почитать. Она открыла Библию и оттуда выпал сложенный листок бумаги — последнее письмо её мужа. Она развернула его и прочла уже столько раз читанные слова: «Передай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит» (Псалом 36:5).

Как ей сейчас необходимы были такие слова! Как она была ему благодарна за эти, написанные дрожащей рукой, утешительные строки. Тогда, в сентябре 1941 года после изнурительного марша, он писал их, ослабевший от голода, который слегка удавалось утолить найденными на дороге арбузными корками. Да, той самой, когда-то сильною рукою, что раньше так нежно гладила её по волосам, когда он поздно вечером возвращался домой после уроков.

Она читала дальше: «Анна, береги себя, ведь люди тебя беречь не будут». О да, это она познала уже в полной мере. Люди могут быть беспощадными. Но как беречь себя? Чуть больше думать о себе означало одно: дать детям умереть с голода! Её взгляд снова упал

на строчки: «Передай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит». Она собрала все силы и передала все пути своей семьи в руки Всевышнего, что управляет звёздами; ей внезапно стало ясно, что Господь и для неё, и для её близких найдёт верный путь.

И всё-таки с каждым днём голод становился сильнее. Наконец-то кто-то из женщин догадался обменять в соседних деревнях одежду на еду. Идея тут же превратилась в дело. Несколько женщин с детьми пошли через лес в ближайшую деревню, до которой было двенадцать километров. И снова такой же путь: болото, валежник, тропинки, такие узкие, что местами невозможно пройти двум рядом. Все медленно продвигались вперёд. Тяжелее всего было у маленьких речушек, но, к счастью, их встретилось только две.

Когда первые «разведчики» вернулись назад с небольшим количеством картошки и муки, многие повторили этот путь. И чем больше людей обменивали вещи на еду, тем меньше продуктов они получали взамен, и вскоре у большинства осталась только крайне необходимая одежда, постель и посуда. Всё остальное перекочевало в соседние деревни.

Ну а местные за свои товары требовали основательные цены. Они знали, что ссыльные нуждаются в валенках, без которых им зиму не пережить, и требовали за пару валенок 600 рублей, а это было больше, чем Анна могла заработать за полгода. А пара валенок нужна была каждому.

День скорби

В один из дней пришёл начальник и сказал Анне Кран и Ниманн:

— Ваши показатели слишком низки. С завтрашнего дня пойдёте пилить столбы на подвесной дороге.

Эта работа была легче, но она хуже оплачивалась. Если за работу в лесу давали 600 грамм хлеба в день, то за другие работы — только 500 грамм.

Вечером в семье обсуждали, что же делать, если хлеба теперь будет меньше.

— Мама, — сказал тринадцатилетний Вальдемар, — я спрошу начальника, можно ли мне, как Рихарду, возить дрова из лесу для столовой. Тогда я тоже буду получать 500 грамм хлеба.

Анна внимательно посмотрела на сына и покачала головой.

— Ну почему нет, мама? Думаешь, я ещё мал для этого?

— Да, это так.

Ну мама, давай я попробую: думаю, у меня получится.

Начальник не имел ничего против такого намерения и вот Вальдемар уже стоял перед штабелем брёвен, которые он должен был нагрузить на сани. Хоть бы сани были бы как сани! Но это были странные сани. На оглоблях, между которыми была запряжена лошадь, на высоте около пятидесяти сантиметров была деревянная поперечина, на которую ложился и закреплялся один конец бревна. Другой конец бревна волочился по снегу. Но как ему поднять на эту волокушу бревно, которое было раз в восемь тяжелее, чем он сам?

Вальдемар стоял и думал. Где-то он видел, что с помощью рычага это можно сделать легче. Он решил попробовать. Вырубив маленькое деревце, которое он думал использовать в качестве рычага, с трудом соорудив подобие мостика от штабеля до волокуши, он начал рычагом поднимать верхнее бревно. Ему почти удалось дотолкать его до волокуши, как лошадь дёрнулась и все усилия оказались напрасными.

Дрожа от невероятных усилий, потеряв контроль над собою, он заорал:

— Ну подожди! Я тебе сейчас! Он подбежал к лошади и уже занёс было бич, чтобы её ударить, но вовремя одумался: лошадь могла

в любой момент убежать, и что тогда? Он решил попробовать по-хорошему.

— Давай-ка назад, — сказал он, схватив уздечку и всеми силами надавив на голову сивки. Но бедная лошадь не могла сообразить, что же от неё требуется.

— Да назад же, говорю я тебе! — закричал он. Но лошадь не двигалась с места. Оба не могли сообразить, что же теперь дальше делать, они стояли и смотрели друг другу в глаза. Наконец, он развернул лошадь, сделал круг и подвёл её снова к штабелю. Надо же, получилось!

И всё повторилось сначала. С большим трудом удалось ему докатить бревно до мостика, связывающего штабель дров с волокушей, так как это бревно было тяжелее первого. Если лошадь опять тронется с места, все усилия пропадут даром. С тревогой в сердце он поглядывал на лошадь, двигая потихоньку бревно к цели.

— Ах, ну что ты нервничаешь, — подумал он про себя. — Привязал лошадь, а сам думаешь, что она тронется с места.

И только он это подумал, как вдруг хлипкий мостик пошатнулся, и волокуша медленно стала сдавать назад. Он быстро отскочил в сторону, чтобы не попасть под бревно, если оно упадёт с волокуши. Снова стоял Вальдемар в раздумье и вдруг заметил, что вожжи висят свободно. Опять он что-то сделал не так! А может, погрузка дров не та работа, которая под силу такому мальчику, как он? Вальдемар начал вновь обдумывать технику погрузки, и после долгого раздумья и мучений первое бревно было на волокуше. Но до места, куда его надо было привезти, было ещё далеко. Но главное дело было сделано. Теперь надо только так закрепить бревно, чтобы оно не упало с волокуши.

— Ну, моя дорогая, — сказал он лошади, — тебе холодно, а я уже вспотел. Так что, давай вперёд!

Он поднял кнут со снега. Лошадке этого было достаточно, чтобы понять, что нужно двигаться с места. И она хотела это сделать. Она

тронулась, но волокуша осталась на месте. Вальдемара охватил гнев.

— Ну, ты, ленивая скотина! Одно бревно с места сдвинуть не можешь! На тебе — раз! На тебе — два! На тебе!.. До третьего удара дело не дошло. После второго удара лошадь дёрнулась с такой силой, что вырвала из рук мальчика вожжи. И хотя лошадь тронулась, волокуша, словно забетонированная, осталась на месте.

С большим трудом ему удалось снова запрячь лошадь. Но волокуша по-прежнему не трогалась с места. От возбуждения и слабости он дрожал всем телом. Охотнее всего он бросил бы всё здесь и убежал бы домой. Но тогда ему достанется! А хлеб?! Нет, ему нельзя без дров возвращаться! Он, единственный мужчина в доме, не может позволить, чтобы его мать работала до изнеможения и с его старшей сестрой кормила семью! Пусть будет, что будет, но он должен помочь матери!

Притаптывая снег до полозьев, он медленно обошёл волокушу, завязшую в снегу. И вдруг увидел причину; поперечина волокуши зацепилась за пень.

Было уже поздно, когда он подъехал к столовой. — Если бы мы ждали твои дрова, — сердито сказала одна из поварих, — то рабочие получили бы кисель только завтра утром.

Смертельно уставший он улёгся в постель, не рассказав дома ничего о том, как трудно ему было сегодня. Но мать видела, как он был обессилен. Она посмотрела ему в глаза и увидела, что он готов расплакаться. Но Вальдемар повернулся на бок и вскоре уснул. А мать ещё долго стояла над ним и смотрела на его маленькое, исхудавшее лицо.

— Моя ты кровинушка, — прошептала она. Несколько лет после рождения старшей дочери у них не было детей. После соответствующего лечения родился долгожданный сын. Но с какими муками! Лёжа на животе, по совету акушерки Берг, чтобы избежать щипцов, рожала она его!

Вот уж поистине кровинушка! Она думала об этом, глядя на вздрагивающего во сне сына. И снова пришёл вопрос: была ли это Божья воля, что она так настойчиво молила Его о сыне? «Этот станет нашим...» Нет, ни за что! Он принадлежит Тому, у Кого она его вымолила и от Кого она его получила!

Одинокой женщине нелегко

Обычно раз в месяц приезжал старший комендант Киселёв, служивший в органах безопасности, и все, кто мог расписываться, должны были прийти и поставить свою подпись, подтверждающую, что они ещё здесь.

На этот раз он хотел сообщить что-то важное, что касалось и тринадцатилетнего Вальдемара. Старший комендант сказал:

— Вы высланы сюда пожизненно. Без специального разрешения вы можете передвигаться только в пределах рабочего места и до центральной конторы в Семигородней. Но если вы хотите поехать в районный центр (он находился в шестнадцати километрах от Семигородней), то должны подать заявление для получения специального разрешения. Любое нарушение разрешённых пределов передвижения будет считаться побегом и повлечёт за собой двадцатилетнее заключение в лагерях строгого режима. Всем понятно? Расписывайтесь!

Поняли ли они? Конечно. Худенькой детскою рукою поставил Вальдемар свою подпись. По пословице «бумага всё стерпит», она равнодушно приняла подписи и тринадцатилетних, и восемнадцатилетних, и всех остальных.

На этот раз старший комендант был терпеливым. Он вообще-то и не был торопыгой. Хотя он по внешности и напоминал того коротышку, что давал им команды при загрузке платформ: так же мал ростом, с похожим взглядом и даже причёской — по характеру он был совершенно другой.

Когда тот говорил, то казалось, что он стоит на строевом плацу перед колонной солдат. А товарищ Киселёв относился к числу людей, которые считают, что не они изобрели работу и поэтому нечего торопиться. Он прекрасно понимал смысл пословицы: «работа не волк — в лес не убежит» и действовал по принципу: «всё равно, где работать, лишь бы не работать». Он терпеливо наблюдал, как люди ставят свои подписи, время от времени показывая толстым пальцем, где её следует ставить.

Одна женщина, лет тридцати, уже давно стояла у стола, чтобы поставить свою подпись, но каждый раз, когда она намеревалась взять ручку, старший комендант подставлял список другому. Она стояла в ожидании и недоумевала, что бы это значило. Когда последний подписавшийся покинул комнату, старший комендант обратился к ней:

— Теперь ваша очередь. Но пожалуйста, садитесь, так как я думаю, что у нас есть о чём поговорить.

Эти вежливые речи были слишком хорошо ей знакомы. Она прекрасно знала, что за этим скрывается: обычно после такого вступления женщина получала одно из двух предложений. Иногда оба сразу.

Но она даже не хотела слышать ни о каких предложениях, ни от какого мужчины! После того, как она в результате депортации распрощалась с комендантом Йоппе, у которого в Хохенцитене работала кухаркой, она ни в коем случае не хотела к этому возвращаться!

Второе предложение — работа агентом секретной службы — её интересовало ещё меньше. Она не решалась сесть.

— Дорогая моя, почему вы так стеснительны? О, как она ненавидела эту скользкость!

— Вы что, меня боитесь? Нет, вы не должны меня бояться, я не хочу вам зла, наоборот, я хочу вас защитить. Садитесь, пожалуйста! — закончил он свою мягкую речь, взял её за руки и с усилием усадил её на табуретку, стоящую рядом с ней.

Мысли молнией пронеслись в её голове. Её прошлое встало перед нею. Она видела себя стоящей с любимым и дающей ему обет верности. Вспомнила о первых годах супружества.

Это был 1933 год — год голода, год, в котором они познакомились и поженились. Тогда жилось не так тяжело, как сейчас, но им обоим приходилось быть изобретательными, чтобы не голодать. В 1934-м родился их первый сын, огромная радость для обоих. Она успела родить ещё двух сыновей... И тут разразилась война. Мужа тут же взяли в армию, и с тех пор она ничего не знала о нём. Через несколько лет...

Нет, будь что будет, но она не хочет так дальше продолжать. Кроме того, её дети были уже большими. Как она им в глаза смотреть будет?

Это был выбор её совести. Но разум говорил другое, и комендант заметил её внутреннюю борьбу.

— Ну, Шнейдер, я вас понимаю, но вам не следует всё так драматизировать! Забудьте о себе и подумайте о детях! Я вас уверяю, голод усилится, — продолжал он, — а я хотел бы помочь вам и вашим детям. В качестве платы за всё от вас не требуется ничего, только немного ответной любви. А её ведь нетрудно дать взамен на то, что я вам обещаю. Хорошенько подумайте. Если вы не согласны, тогда я поговорю с другой женщиной. В конце концов, мне ведь нужно местечко, где я мог бы находиться, когда буду приезжать контролировать ссыльных. Да и будет это не чаще раза в месяц.

После этих слов он счёл разговор оконченным. И действительно, он встал и пошёл к двери, но не для того, чтобы выйти, а для того, чтобы запереть её изнутри.

— Нет, нет, — заплакала она, когда поняла, что теперь случится, — я не могу, мне нельзя, отпустите меня! — Что это такое: я не могу, мне нельзя? — возмутился комендант.

— Мои дети, — пролепетала она.

Бестолковая баба, детям вовсе не для чего знать это!

— Да, конечно. Но моему старшему сыну уже двенадцать, и если мы время от времени станем встречаться, дети ведь всё поймут. И, кроме того, я не могу согласиться, ведь я... ведь у меня есть муж, а у вас жена.

— Ха, ха! Вот уж поистине насмешила: у меня есть жена! Я тебя спрашиваю, как может моя жена мне помешать? И твой муж тебе? И вообще, жив ли он ещё? Его вежливое обращение на «вы» закончилось.

— Я не знаю, жив ли он, я только знаю, что я должна оставаться ему верной.

— с чего это оставаться верной? Ты не прикидывайся тут мне, ещё и года не прошло с тех пор, как ты о верности забыла. Или у коменданта Йоппе глаза красивее моих?

Когда она услышала это, то покорно опустила на табуретку. Вот так: дай дьяволу палец, как он норовит схватить всю руку.

И мысленно она продолжала: нет, не маленький палец ты ему дала, ты отдала ему своё тело, свою честь, свою верность и...

— А что мне было делать? Он принуждал меня снова и снова! — в отчаянии всхлипывала она.

— Успокойся, — сказал комендант, — что ты могла сделать? Это было военное время, он был твоим начальником, ты должна была ему подчиняться. Ничего страшного. Если ты когда-нибудь встретишься с мужем, он, несомненно, поймёт тебя и твоё положение, в которое тебя поставили обстоятельства. Ты же не виновата. Я твой комендант и приказываю тебе. Понимаешь, я не открою дверь, пока... Но если ты действительно не хочешь, чтобы твои дети тебя спросили, почему ты так поздно домой вернулась, тогда решайся скорее. Впрочем, я могу позаботиться, чтобы твои дети были определены в детский дом. И о тебе тоже позаботятся... Видишь, как я хорошо к тебе отношусь?

Я ведь мог бы взять тебя силой, но я этого не хочу, ты мне очень нравишься. Ну?..

Её тошнило от его дыхания. Что ей оставалось делать? Она покорно склонила голову.

Весна 1946 года

Первая зима в изгнании закончилась, а с нею и семь месяцев мороза и снежных метелей. С началом весны росла и радость, что скоро можно будет варить крапиву и другие травы. Но только лишь появились первые всходы, сборщики, в основном — старики и дети, быстро опустошили все ближайшие полянки. Так что вскоре приходилось отходить от посёлка на два-три километра, чтобы хоть что-нибудь найти. Но и там вскоре ничего не осталось.

Местным русским было легче. Они не голодали, так как у них была земля, на которой они выращивали в основном картофель, которого им хватало на весь год. Они дали переселенцам хороший совет: выкорчёвывать пни, чтобы у каждого был свой огородик. Далеко не все следовали этому совету. Некоторые высмеивали тех, кто это делал. Они упрекали их в политической близорукости, так как были уверены, что если здесь осесть, то это будет на руку властям.

— Тогда мы никогда не вернёмся в Германию, — предупреждали они. Впрочем, речи о возвращении велись здесь с первого дня.

Другие, напротив, предупреждали их, что если они не хотят умереть от голода, то должны взяться за дело и как можно больше земли сделать пригодной для посадки.

Анна Кран и её дети последовали совету русских. И когда весеннее солнце послало на землю первые тёплые лучи, она сказала детям: Дети, нам надо поговорить!

Вальдемар, который больше не осмеливался браться за тяжёлую работу возчика дров, был рад хоть чем-то помочь семье. После

обсуждения, где и какого размера должен быть их участок, взялся сразу за дело, но стоило ему поработать топором несколько минут над одним из многочисленных пней, как силы оставили его. И ему пришлось сесть, чтобы отдохнуть.

— Любое начало должно быть спокойным, — подбодрила его мать, — да и вообще надо начинать с малого чтобы оставались силы для большого.

По мнению Вальдемара, тяжёлое следовало делать в первую очередь, а потом уже то, что полегче. — Ты знаешь, я тоже так думала раньше, но твой отец мне всё объяснил, и это действительно лучше.

С большим усилием, всей семьёй, наконец, удалось выкорчевать один пень. Мать пересчитала все пни на участке, помножила на время, затраченное на выкорчёвку одного пня, и сказала детям:

— Нам этого не осилить! Мы сможем выкорчевать только четверть этого участка.

Следующий день все старательно работали. Мужество для этой работы нашлось не у многих сосланных, но всё-таки то тут, то там видны были люди, сражавшиеся с пнями.

При всём желании Вальдемар не успевал за своими соседями. Один за другим они выкорчёвывали пни, а он всё ещё боролся со своим вторым. Обе сестры его оставили. Хайфи, младшенькая, и так ничем не могла помочь, а Маргарита так уставала на погрузке вагонов, что была совершенно обессилена. Оставалась только мать. Но и она выглядела такой утомлённой, что ему ничего не оставалось, как справляться с этой работой самому.

Через две недели были высажены в землю первые кусочки картофеля и картофельная кожура. По людским меркам, урожая можно было и не ждать. Это понимала Анна Кран. Но для Бога нет ничего невозможного! При чистке картофеля, там, где глазок уже дал росток, отрезалось чуть больше мякоти и это высаживалось в землю. Когда участок был засажен, Анна вознесла Богу молитву: «Господи, Ты

знаешь, что мы голодаем, и поэтому не можем посадить настоящую картошку. Но Ты, Всемогуций, можешь из кожуры взрастить урожай! Господь наш, не дай нам умереть с голода!»

И действительно, Господь благословил урожай! Люди не могли поверить в это чудо. Когда Анна с детьми копали картофель, дети наперегонки восторженно кричали: — Мама, посмотри, какие большие картофелины! А эти ещё больше!

Солнце садилось. Тени матери и бегающих вприпрыжку детей становились всё длиннее. Внезапно Хайфи остановилась внимательно во что-то вглядываясь. — Что там? — спросил Вальдемар.

— Глянь-ка! — показала Хайфи на тень. Вальдемар встал рядом с нею и тоже посмотрел на тень.

— Я ничего не вижу!

— Погляди, ну погляди же, на что это похоже! — энергично говорила Хайфи, стоя неподвижно.

— Глупышка, на что твоя тень может быть похожа?

На тебя!

-Нет, нет! Она похожа на булку хлеба, что мы каждый день приносили от булочника в Мелентине; она была такая же толстая, и на ней были такие же полоски!

— Тень, может быть, на булку хлеба похожа, но полосок я уже точно не вижу никаких, — Вальдемар ещё раз внимательно посмотрел на тень.

— Ну как же нет! Посмотри, там, между картофельной ботвой видны полоски!

Какое-то время они стояли рядом, вглядываясь в тень, затем Хайфи продолжала:

— Знаешь, Вальдемар, корочка с этими полосками была всего вкуснее! Да, это был настоящий хлеб! — закончила она, как старушка, вспомнившая лучшие времена.

У Вальдемара скопилась слюна во рту, и желудок готов был от голода вывернуться наизнанку.

— Если бы у нас было достаточно нашего хлеба! Он так же хорош, как и тот.

Он нервно оглядывался то на подсохший картофель, лежащий на земле, то на картофельную ботву, которая всё ещё напоминала ему те полоски на булке хлеба, хотя тень от сестрёнки уже исчезла. Что-то поднималось в нём, чего он сам не мог понять. У него было чувство, что необходимо что-то предпринять, чтобы избавиться от постоянного чувства голода. Но что? Картофелины выдавались строго по счёту, и их едва ли хватит на всю долгую семимесячную зиму. И хлеб, предназначенный на завтрашнее утро, едва ли мама даст сегодня вечером. А так хотелось бы его съесть прямо сейчас!

Нет, просить её об этом было бессмысленно — этого она никогда не сделает. Он вновь и вновь просил её об этом, но она твёрдо ему отвечала, что это верный путь к смерти от голода. Да, у матери была стальная воля. Это он знал. Нет, больше он не будет её об этом просить. Это для неё слишком мучительно.

Что он должен быть благодарным за свою жизнь именно этому качеству матери — её твёрдости, — это сознание придёт к нему ещё здесь, на 20-м километре. Но что для матери стоило оставлять хлеб, предназначенный на завтра, нетронутым, видя при этом голодные глаза детей, и всё только для того, чтобы завтра, пусть такие же голодные, они могли жить дальше, этого он в полной мере никогда не сможет понять. Ибо на такое нужно иметь материнское сердце!

Силы, как духовные, так и физические, были так истощены постоянным недоеданием, что проще было сдаться без борьбы. Но Анна эту брань выиграла благодаря Тому, Кто восстал из мёртвых,

и с Его помощью она преодолела то, что должно было, с точки зрения людей, её победить.

И при всём их страстном желании получить этот хлеб, дети чувствовали, что материнская твёрдость в этом вопросе диктовалась её любовью к ним.

Голод

Один мальчишка с 20-го километра, вернувшись из соседней, лежавшей в 12-ти километрах, деревни, рассказал Вальдемару, что там освободилось место пастуха. Местный пастух был выгнан с работы за то, что он выдаивал чужих коров.

Это было чудесное известие! Но справится ли он с целым стадом коров? А если одна из них заблудится в лесу и не вернётся домой? Такие или подобные мысли пришли бы в голову здравомыслящему человеку. Но у Вальдемара была лишь одна мысль, лишь одно желание: однажды наесться досыта!

Тогда было время «чудесных открытий» в искусстве стряпания хлеба. На специальных ручных мельницах мелко размалывались сухие стебли гигеля. Его стебли были похожи на камыш. Берёзовые опилки тоже шли в употребление. Если ко всему этому ещё можно было добавить немного муки с тёртым картофелем и, всё смешав, спечь лепёшки, да еще каждое утро свежие, что местные по обычаю и делали, да если с ними немного молока... Это была царская еда!

И теперь он станет царским сыном! Стоял жаркий августовский день. К деревне можно было пройти двумя дорогами. Одна была короче, а вторая, более длинная, вела через сенокос. Её и выбрал Вальдемар, так как он знал, что сейчас там женщины косят сено.

С какими мыслями шёл бы нынче мальчишка четырнадцати лет через лес? Кто знает! Может, он думал бы о том, кем он будет? Или его мысли были бы заняты школой, предстоящими экзаменами?

Вальдемару удалось закончить только начальную школу. После первых месяцев учёбы в пятом классе они снова стали беженцами. Его экзамен на аттестат зрелости он сдавал здесь, в лесу. И эта дорога к коровам была частью этого экзамена.

И хотя в конце этого экзамена он не получил аттестата, но процесс становления его, как человека, состоялся именно здесь.

Этот процесс так и так происходит не в стенах школы под присмотром учителей. Скорее всего, он происходит именно здесь, где постоянно подстерегает опасность встретить диких зверей, попасть под падающее дерево, провалиться в трясину. И всё-таки надо идти вперёд, куда гнал голод, тоска или насилие со стороны маленьких и больших начальников. И если такие учителя принимали экзамен, то зрелым и взрослым человек становился быстро. Так было и с рыбаками, которые следовали Иисусу. Они стали такими мудрыми, что начали писать книги. Книги, не потерявшие своего значение до сегодняшнего дня.

Всё в этом мире преходяще: всемирно известные труды и теории, и эти строчки, что вы читаете сейчас — ничто не сравнимо с вечным сиянием Распятого. Но Его Слово, записанное рыбаками и пастухами, пребудет в вечности. Но таких мыслей у мальчика, идущего через лес, не было. Он думал о еде, о хлебе, которого у него скоро будет достаточно. Как тетива лука, был от голода натянут каждый нерв, а мысли-стрелы были как бумеранг, брошенный в пространство, вновь и вновь возвращающийся назад: хлеб, хлеб, хлеб!

Что существует ещё и другой голод, Вальдемар узнал позже.

«Вот наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его» (Амос 8:11-12).

Но плоть не насыщалась мыслями, и от воспоминаний желудок не наполнялся. О, как страшен голод!

Вальдемар прошёл около восьми километров, пока достиг сенокоса. Ещё не вся трава была скошена. Часть луга стояла в цвету. Нежный ветерок донёс запах цветов, смешанный с запахом свежескошенного сена. Вальдемар вздохнул полной грудью. Охотнее всего бросился бы он сейчас в траву, чтобы забыть и то, что, несмотря на такую красоту, в мире существует страдание. Но уже виднелись женщины, и он пошёл к ним. Поздоровавшись, он сразу спросил:

— Вам нужен пастух?

Они осмотрели его с головы до ног, прежде чем ответить. Взгляды женщин, сидевших у закопчённого котла, были полны скептицизма, словно хотели сказать: ну, этот тоже будет недолго пасти коров.

Наконец одна из них, а это была звеньевая, сказала:

— Да, нам нужен пастух, но только надёжный. И если ты такой, то можешь приступить к работе сегодня. Оговорили плату: он будет получать ежедневное пропитание, а осенью от каждого двора полпуда картофеля.

— Это хорошая плата, — сказала звеньевая и, обращаясь к женщинам, спросила: — Согласны, бабы?

Они кивнули головами, кивнул и Вальдемар, не отрывая взгляд от котла. Всё ли он понял? Едва ли! Им владела в этот момент лишь одна мысль: позволят ли ему женщины выскрести котёл?

Женщины это заметили. Они дали ему ложку и уступили место у котла.

Что это было, что-то светло-жёлтое по краю котла? Была эта еда для людей сварена или для неземных существ? Была ли манна в пустыне, о которой так часто ему в детстве рассказывали мама и тётя, вкуснее? Он скрёб и скрёб, и жадно глотал одну ложку варева за другой. — Дно котла тоже можешь соскрести.

Волчий аппетит усиливался с каждой ложкой еды. И вскоре отскрёбывать было нечего: котёл был чист!

— Ну, мальчик, стадо выпасается теперь ночью, так что до вечера! — сказала одна из женщин и добавила: — Сегодня ты будешь у Берёзкиной.

В деревне главами семей теперь были женщины. Война передала и в этой деревне, как во всех деревнях и городах Советского Союза, руководство в руки женщин, так как большинство мужчин не вернулись с войны. Неизвестно, где лежали их тела, захороненные без венков и надгробий.

Просить милостыню тяжело

После этой божественной еды Вальдемар был переполнен чувством счастья. Казалось, деревья и птицы радуются и благодарят вместе с ним.

На пути к Берёзкиной он миновал одну деревню и решил немного отдохнуть. Ведь до вечера, когда он должен будет приступить к работе, времени было более чем достаточно. Он нашёл место на берегу канавы, где в безопасности смог вытянуться и свесить усталые ноги. Свои вещи — старую сумку и резиновые боты — он положил рядом. Как это чудесно — больше не попрошайничать! Это было впервые, когда он прошёл через всю деревню, не зайдя ни в один двор, чтобы попросить милостыню. И теперь, когда его желудок был полон чудесной, сваренной на молоке овсяной кашей, отвращение к попрошайничеству было особенно сильно. Тяжелее всего были «пустые» походы по деревням. Порою из четырёх-пяти дворов подавали что-нибудь в одном. Конечно, местным надо было и самим как-то перебиться. Разница между изгнанными, или репатриированными, как их здесь называли, и местными была велика. У изгнанных умирали от голода ежедневно люди. А у местных было иначе, у них было достаточно картофеля и для них, и для их скота. Но это было исключением, если кто-нибудь пригласил за свой стол изгнанника.

О таком исключении Вальдемар вспомнил сейчас. Тот день он никогда не забудет. Они с Хансом Тиссенем шли со двора во двор и слышали постоянно повторяющиеся слова: «Бог подаст!» Наконец, они подошли к тому дому. Ханс, более опытный, зашёл первым. Они сняли шапки, и Ханс перекрестился по православному обычаю и сказал: — Подайте, Христа ради!

Вальдемар, не перекрестившись, повторил эти же слова.

За столом сидела женщина лет тридцати с напряжённым лицом, нервно постукивая ложкой по столу. Она почти не обратила внимания на вошедших; к ним она уже привыкла, сегодня это были наверняка десятые. Поэтому и ответ её на просьбу о милостыне, был таким же, какой слышали Вальдемар и Ханс сегодня, пожалуй, в десятый раз: «Бог подаст!»

Ханс и Вальдемар уже повернулись к выходу, когда услышали голос мальчика:

— Мама, ну подай же им кусок хлеба!

Оба просящих словно выросли в пол. И снова произнёс тот же голос:

— Мама, у нас ведь есть хлеб, дай им кусочек! — Сыночек, так нельзя, они ведь идут и идут целый день! Где мы столько всего достанем?!

Мамочка, ну пожалуйста, подай этим! Казалось, что мать просьбе сына не могла противостоять, и сказав:

— Подождите, сейчас принесу, — она взяла из кухонного шкафчика пару лепёшек и дала каждому. Как счастливы были мальчишки! И не только они, и их заступник, а также его милосердная мать!

Об этом вспоминал Вальдемар, сидя на берегу канавы. И очень хотел, чтобы скорее пришло время, когда будет достаточно хлеба и он сможет каждый день есть досыта.

Внезапно над головой размышляющего мальчика словно пронеслась гроза: крик, угрозы и удары один за другим посыпались на него. Он испуганно вскочил. Перед ним стояла разгневанная женщина. Одной рукой она удерживала его, а другой наносила удары его же резиновыми ботами. При этом она кричала:

— На тебе, на тебе! Больше не будешь воровать! Мало того, что они целыми днями попрошайничают, они ещё и воруют! погоди! Я покажу тебе, как воровать! До вашего появления здесь дома стояли день и ночь незапертыми, а теперь и к соседям невозможно сходить без того, чтобы все твои крынки с молоком не опустошили и весь хлеб не украли! Если ты, сорванец, ворует, то зачем ещё и горшки опрокидываешь?! Чтоб тебя...

Поток ругательств и удары сыпались на голову Вальдемара.

— Скажи, где ты всё спрятал? — кричала она, бросив его пустую сумку ему под ноги.

— Я, я ничего не брал, я не был ни в чьём дворе, — всхлипывал Вальдемар, глядя на разбитые об его голову и спину боты.

— Ты ещё и оправдываешься?! Пошли со мной! Я тебя в сельсовет отведу, там ты сразу сознаешься! И она потащила его за собой. С растрепанными волосами, с багровым от гнева лицом ввалилась она в сельсовет.

Вот он, — закричала она, — поглядите на этого вора! Он украл у меня молоко и хлеб! Вальдемар только сейчас заметил, что она была пьяна.

— Дорогая моя, — пыталась успокоить её молоденькая девушка, видимо, секретарша. — Этот мальчик вообще ни в чей дом не заходил. Я его видела, когда он вошёл в деревню и когда он вышел из неё. Я сама удивилась, что он никуда не зашёл, хотя обычно почти в каждый дом заходят. Может, у вас побывала та девушка, что часа два назад прошла через деревню?

Она бросила сочувствующий взгляд на Вальдемара и продолжала:

— Он не мог этого сделать, так как слишком быстро прошёл через деревню. «А вы долго дома отсутствовали?» — спросила она женщину.

Женщина, окончательно утомившаяся от алкоголя и вспышки гнева, пролепетала запинаясь:

— Я, я была у крестницы, у неё... сегодня им...имени-ны... Бр-р-р, как мне плохо, — с этими словами она уронила голову на стол.

Этот момент использовала секретарша, чтобы движением руки отпустить Вальдемара.

Ангел-хранитель, защити моего сына!

Когда он проходил мимо того места, где за каких-то полчаса до этого он так мирно отдыхал, почувствовал Вальдемар, как в его сердце поднимается ненависть.

— Погодите, когда у меня будут силы... Отца угробили и меня убить хотите. Погодите, вот стану взрослым!.. — всё более возрастал его гнев.

Он теперь размышлял не только о своём, но и о том, что переживают подобные ему изгнанники.

Какое они совершили преступление, что с ними так обращаются? Разве они виноваты в этой войне, в которой погибло столько советских граждан? Нет, немецкие переселенцы не могли быть за это ответственными, они ведь уж почти 200 лет жили в России! Какое право имели местные называть их «фрицами» и «фашистами»? Какое право имели местные мальчишки плевать ему в ведро с водой, после чего ему приходилось вновь возвращаться к колодцу за свежей водой? Их обзывали «немецкими свиньями» и еще более бранными словами. За что? Только за то, что они были немцами?!

Он видел себя за школьной скамьёй в Крушвице. У него и у его сестры не было ни тетрадей, ни учебников, когда они пришли в школу. Но когда они после занятий шли домой, в их сумках было всё необходимое. После первого урока то один, то другой ученик спрашивал их, что им надо. Один дал карандаши, другой — тетради, третий — учебник, и так почти все. Особенно доброжелательно к ним отнеслась одна девочка. Её звали Криста. Это она утешила их, когда один из мальчишек обозвал их «черноморскими немцами». По дороге домой она говорила:

— Не принимайте это так близко к сердцу! Ваша родина — Черноморье, моя — Померания, кто-то живёт в Мюнхене. Но мы все равны, понимаете, все равны, — повторяла она.

Равным другим — как хотел он быть таким! Чтобы к нему относились, как к равному, чтобы и еду он получал такую же, чтобы он перестал бояться, что его побьют те, у кого сил побольше! Но нет, это было невозможно, ведь он был немцем.

Он вспомнил песню, что пел с другими мальчишками, маршируя с гордо поднятой головой. И сейчас он снова запел её в такт своим шагам: в наших жилах течёт немецкая кровь; Народ, взяться за оружие — будь готов!

Вот, что надо было, чтобы стать равным другим! в его жилах текла немецкая кровь! Недоставало только оружия!

Показалась деревня. Это было Фалино. Он вдруг услышал нежный женский голос, доносившийся из одного из окон. Женщина пела колыбельную песенку:

Храни мою детку,

Ангел-хранитель!

Дай ему сладко уснуть!

Лю, лю, лю.

Лю, лю, лю.

Голос был таким ласковым, что Вальдемар остановился и прислушался. Почему не спал малыш? Не хотел? Или был болен? Он слышал, как дитя всхлипывало. Мама пела и пела песенку; заканчивая её, начинала с начала: Вырастешь, Ванечка, большой,

В лес по ягодки пойдёшь.

Лю, лю, лю...

Только что хотел Вальдемар стать как можно быстрее восемнадцатилетним или, по крайней мере, шестнадцатилетним. Но в этот момент ему было бы милее всего стать опять таким, как этот мальчик там, в доме. И его мама, глядя его по головке, напевала бы: Спи, Вальдемар, спи...

Внезапно он почувствовал, как тоска по матери охватила его с новой силой.

Перед ним был дом, где ему предстояло сегодня остановиться. Когда он вошёл в кухню, то увидел, что семья готовится ужинать.

— Добрый день, — произнёс он робко.

— День добрый, — ответила ему женщина лет сорока пяти, отставляя в сторону крынку с молоком.

Где ты так долго пропадал? Мы уже думали, что ты не придёшь коров пасти, — проворчала она. — Так, а теперь ешь побыстрее и за работу! Обычно в это время коровы уже на пастбище в лесу. Ну ладно, на первый раз женщины тебе простят.

О чём она говорит? Коровы в это время уже на пастбище в лесу? Ему что, ночью надо коров в лесу пасти? А если коровы заблудятся? Как он их тогда найдёт? с ужасом подумал, что ночь ему придётся провести в лесу. Конечно, он уже, бывало, проходил ночью через лес и боялся при этом. Да, но это длилось 2-3 часа, а не в ночь?!

Ему оставалось немного времени на размышление, ужин уже стоял на столе. За столом сидели, взявшись неизвестно откуда, трое, нет — четверо ребяташек.

— Теперь быстро ешь и вперёд! — женщина поставила перед ним тарелку с квасом, в котором плавали пёрышки лука и положила рядом две лепёшки из гигелевой шелухи.

Он откусил от лепёшки и попытался проглотить кусок с помощью кваса. Это далось ему с трудом. Еда была ещё хуже, чем дома! Они что, здесь все так едят. Но ведь это несъедобно! Он посмотрел в тарелки других. И хотя там был тот же квас, в нём плавали кусочки картофеля и даже яиц. И лепёшки, которые с таким аппетитом уплетали дети, были из муки с картофелем. Как хотелось ему получить ту же еду, что и эти ребяташки ели!

Он чувствовал себя униженным и оскорбленным, когда шёл по улице в направлении к уже ожидавшему его стаду. Солнце уже садилось. Его багровые лучи отражались в облаках тёмно-лилового, серого и черного цветов. Казалось, что эти свинцовые, тяжёлые тучи свалятся сейчас на солнце и навсегда затмят его. У Вальдемара было ощущение, что он и это стадо крошечные песчинки по сравнению с этой мощью!

Медленно и неуверенно шёл следом за стадом навстречу надвигающемуся ненастью. Зигзаги молний прорезали время от времени наступившую темноту. Молнии исчезали там, где зашло солнце. Вот так постепенно и он, и стадо, и деревня, и всё окружающее исчезнет в небытие! Небо покроет их и всё исчезнет. Не будет ни голода, ни кричащего начальника, который так страшно ругает маму, если она не справляется с работой. Не будет тех злых мальчишек, которые часто его бьют. Всё исчезнет!

Исчезнет? Огромная молния прорезала всё небо и следующая — за ней. Удар грома привёл Вальдемара в себя. Полило, как из ведра. Он быстро вымок и стал замерзать. Что же теперь делать? Остаться здесь невозможно. Оставить стадо и вернуться в деревню? Нет, пастух так не может поступить! И он погнал стадо назад в деревню.

Коровы охотно возвращались домой и вскоре мычали у своих дворов, просясь в тепло сараев.

Когда он подошёл к своему двору, хозяйка была уже на улице. Дождь закончился и лишь лёгкий ветерок веял вдоль домов и заборов. Небо было чистым.

— Это ещё что? Ещё как следует не стемнело, а ты уже пригнал стадо домой? — спросила она недовольно. — Но ведь был такой сильный дождь, — сорвалось с губ промокшего и дрожащего пастуха.

— Дожди будут часто идти, и если ты из-за каждой капли дождя будешь возвращать стадо, тогда... — она не договорила и пошла привязывать корову. Возвращаясь в дом, она движением руки позвала его за собой.

Тут можешь лечь, — и указала на место у стены. Вальдемар устался на добела выскобленные доски, на которых не лежало ни одной тряпки, которой он мог бы укрыться от холода или хотя бы подложить под голову. Позвать ушедшую в комнату женщину он не решился. Ему ничего другого не оставалось, как свернуть свою сумку, сделать из неё подобие подушки и укрыться мокрой курткой.

Вообще-то ему не было непривычным спать на полу. Но холод мешал уснуть. Он лежал, свернувшись калачиком, на голых досках. И вдруг он вспомнил, что ещё не молился. Но как молиться здесь — в таких непривычных условиях? Да и он привык молиться вместе с матерью. Он пролепетал детскую молитву:

«Дорогой Господь, помоги мне стать благочестивым чтобы я попал на небо к Тебе!»

После этой молитвы обычно следовало самое важное «верни папу домой» или «пусть мама выздоровеет». Всегда что-нибудь добавлял к этой молитве. И сейчас закончив коротенькую молитву, он хотел что-нибудь добавить. Два желания были сильнее всего. Он хотел, чтобы всё прошло, вообще всё прошло! Чтобы всё исчезло и ничего больше не было! Хоть бы всё исчезло вслед за солнцем в этой огромной дыре

между небом и землёй! Второе желание — как можно скорее увидеть маму! О чём же ему молиться?

Вальдемар уже решился молиться о втором, но вспомнил, что страдания начнутся заново. Это было бы здорово, снова очутиться у мамы, но тогда ей опять надо будет работать. Да и ему самому надо будет ишачить. Ему снова придётся копать канавы, а он так сильно устал от этой работы! Наверное, всё-таки лучше, если всё исчезнет! Но был ли он воистину за то, чтобы всё исчезло?! Он вспомнил прошедший день и почувствовал снова удары по спине... Ворочаясь с боку на бок, он понял, что не хочет, чтобы всё прошло. Ненависть заставила его подняться. Он взял сумку и куртку и вышел из дома. Было семь часов утра, когда он подходил к 20-му километру. Солнечные лучи, проникавшие сквозь деревья, были уже достаточно тёплыми, чтобы высушить его одежду. Если бы ночью было так тепло! Одеревеневшие от лежания на голых досках руки и ноги разогрелись. Он чувствовал себя легким и подвижным. Ночной страх прошёл. Всё прошло. И его чувства мести исчезли. Он не верил себе, но желание мстить исчезло.

И когда он рассказывал своей матери о той женщине, что так безжалостно его избила, он оставался спокойным.

И мать, как это часто было, сказала слова из Библии, которые повторяла она, чувствуя бессилие перед насилием:

«Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение. Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12:19).

Это слово излечило его от чувства мести. Да, он знал, что люди не должны вмешиваться в Божьи дела. Даже Иисус предоставил отмщение Своему Отцу. И не только это. Он даже молил Отца о своих врагах: «...Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Луки 23:34). И если Сын Божий так поступал, тогда и я тоже хочу так поступать, да поможет мне в этом Бог! Так был избавлен Вальдемар от чувства ненависти, возникшего в его сердце от слов: «Народ, за оружие!»

Это был очередной экзамен в жизненной школе Вальдемара, и он его выдержал.

Рабский труд

Местные жители часто употребляли поговорку: «чем дальше в лес, тем больше дров». Так было и с голодом. Чем дольше длился голод, тем больше людей умирало от него. Особенно сильно поразило голод людей, живших на 14-м километре. На этом участке они провели ночь на пути на 17-й и 20-й километры. Сюда привезли ссыльных после них. Настал день, когда на 14-м километре не осталось ссыльных — все умерли от голода. На 17-м километре умерла почти половина ссыльных, на 20-м — почти треть.

Семья Фукс жила сперва на 17-м километре. Молодая вдова с тремя детьми: Леоноре — 15, Эльфриде — 13, а младшей — Иоганне — 6 лет, была переведена на 20-й километр. Как и другие женщины, она должна была работать на лесоповале. Но через несколько дней тяжёлой работы Фукс поранила ногу. Рану перевязали. Но и после заживления раны она не сняла повязку. Из-за этого её и перевели на 20-й километр. Ей удалось убедить начальство, что нога всё ещё болит, и её поставили работать ночным сторожем детского сада. Теперь её дети не голодали.

Ниманн было столько же лет, как и Фукс. И она была вдовой, и у неё были маленькие дети. Она тоже была больна, но освобождение от работы не получила и лёгкой работы для неё не было.

Ниманн, Эльфрида Фукс, Вальдемар и Инга Ферншауэр работали в одной бригаде. Их заданием было копать дренажные канавы для новой узкоколейной железной дороги. Через весь лес была прорублена просека двадцатиметровой ширины. И теперь там надо было выкорчёвывать пни и копать канавы. Была установлена норма: пятнадцать метров на рабочего в день. А сколько там пней было, не играло никакой роли. Эти пятнадцать метров должны быть выкопаны в любом случае до конца рабочего дня. Каждый

выкорчеванный пенёк оплачивался отдельно, поэтому их в конце рабочего дня пересчитывали.

Август в этом году выдался особенно жарким. Этот день, когда Вальдемар после неудавшегося пастушества вернулся домой, казалось, превзошёл сам себя. Мокрая земля парила, влажный зной, словно невидимое облако, окутывал исходящих потом рабочих, а сто, двухсот, даже трёхсотлетние ели, стоявшие плотным строем по обе стороны просеки, не пропускали свежего ветерка, могущего смягчить этот зной.

Ниманн, работавшая рядом с Вальдемаром, простонала:

— Ну и жарище! Хотя бы вода здесь была хорошая, но она ведь кишит от всякой нечисти!

У Вальдемара, мучавшегося с очередным пнём, не было желания вступать в разговор. Всё это он слышал от неё уже сотни раз. Как будто это поможет — без конца говорить о плохой воде и о голоде! Лучше от этого не станет. Сегодня у него вообще сил не было ещё и жаловаться. В прошлую ночь он смирился со своею судьбой и поэтому упорно молчал. Он решил теперь жить сегодняшним днём. Не думать о прошлом, не мечтать о будущем! Будущее в любом случае ужасно. Тем более, что он от матери слышал, что в Библии тоже написано:

«Не заботьтесь о завтрашнем дне; ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы» (Матфея 6:34).

Но соседка снова и снова жаловалась, и Вальдемар невольно прислушался:

— А вы, бедные дети, должны с малых лет с такими чудовищами мучиться. Такой работой запросто можно спину угробить.

Одной рукой придерживая поясницу, она продолжала: — Моя поясница уже не сгибается, я сегодня уже семь пней выкорчевала!

Выкорчёвывая очередной пенёк, Вальдемар сделал вид, что её не слушает, но она продолжала:

— Если ты слишком большие тяжести поднимаешь, то у тебя может опуститься желудок.

И хотя он ничего не ответил на это, она жалостливым голосом спросила:

— Ты, верно, вчера был болен? Поэтому и на работе не был? Караканов... — она как обычно начала заикаться, произнося эту фамилию. Бригадира, впрочем, звали Тараканов. Не удивительно, что он предпочитал, чтобы его звали по имени-отчеству, и полностью это звучало внушительно: Константин Васильевич Тараканов. Но она с трудом выговаривала всё вместе, а если была возбуждена, то ей и вовсе не удавалось это. Она продолжила:

— Караканов этого даже не заметил, иначе он что-нибудь бы сказал. Он ведь так страшно ругается, если кто-нибудь пропускает работу. Впрочем, мне надо в контору сходить (она была в четырёх километрах от их рабочего места). Как ты думаешь, он сегодня ещё придёт? Вальдемару пришлось-таки прервать молчание:

— Может быть, и не придёт. Бригадир приходил обычно к концу рабочего дня, чтобы учесть сделанную работу.

— Если вы сейчас пойдёте, то до конца рабочего дня успеете, — предположил он.

— Придет он или нет, а мне надо сходить за деньгами чтобы выкупить хлеб. Так что я пошла, мой мальчик. Всего хорошего!

Он посмотрел ей вслед и подумал о матери. Она была старше и слабее Ниманн. И если уже эта шла шатаясь, то сколько ещё сможет выдержать мать? Он и видел-то её только утром рано до работы и вечером после работы. Да, и ещё в воскресенье, во время очередного похода в деревни, где они обменивали вещи на съестное. Но эти походы лежали уже в прошлом. Во-первых, те вещи что у них ещё

остались, были им самим необходимы. Во-вторых, летом можно было собирать ягоды, которые были хорошим подспорьем в их бедном меню. О сколько он уже насобирал ягод! Он даже иногда пропускал работу, теряя при этом 600 грамм хлеба. Но зато приносил домой иногда до семи килограмм ягод. И такие дни его желудок был полон.

Места, где росли ягоды, были хорошо известны местным людям. Но они очень неохотно брали с собой ссыльных. Поэтому у тех частенько поиски ягод заканчивались неудачей.

Одна пожилая женщина из местных людей милостиво отнеслась к Вальдемару. Она взяла его однажды с собой по ягоды.

— Сегодня я проверю, стоит ли тебя и дальше с собой брать.

Он подумал: «Наверное, это будет зависеть от того, как я себя поведу».

Они не прошли по лесу и пятидесяти метров, как она обратилась к нему:

— Глянь-ка, какая красивая берёза, — она указала ему на дерево, стоящее позади него. Он повернулся и посмотрел на дерево. Дерево как дерево. Тысячи таких видал он уже.

Потом обратила она его внимание на старую осину, затем на огромный пенё. Она посылала его то направо, то налево под предлогом поиска ягод. Вальдемар не мог сообразить, что бы всё это значило. Наконец старушка сказала:

— Так, а теперь осталось выяснить, где тот путь, по которому мы пришли сюда?

Ну, над этим ему и думать не пришлось! Частые походы в лес выработали в нём что-то вроде внутреннего компаса, и поэтому он сразу указал направление домой.

— Хорошо, экзамен ты выдержал, — сказала добрая женщина. — Теперь можешь всегда со мной ходить. Я знаю все ягодные места.

Только одно ты должен мне обещать: никому не выдать эти места.

Он был несколько смущён этим условием, но в то же время и рад. Гордый вернулся он домой с полным ведром ягод...

Ниманн ещё не вернулась, когда Вальдемар увидел высокую фигуру приближающегося бригадира. Он шёл напрямик к Вальдемару, покручивая пальцами усы.

Это был знак нервозности. И очень часто его нервозность не заканчивалась только кручением усов. Если ему что-нибудь не нравилось, он начинал размахивать во все стороны руками и так орать, что дикие звери не отваживались высунуться из леса. Но его рабы должны были подойти к нему как можно ближе, чтобы услышать его приказы и указания. По его мнению, этим «отбросам общества» что-либо объяснить можно было только тогда, когда они стояли рядом.

Вальдемар и сегодня опасался его разборки, но, странно, он опасался гнева бывшего офицера не из-за того, что вчера сам не был на работе, а из-за этой бедняжки Ниманн. Едва ли кто из рабочих выслушивал столько ругательств, как она. То канава была недостаточно глубока, то откосы неправильны, то земля выброшена слишком близко к краю канавы, то ещё что-то — вечно находил он к чему придраться. Ведь он контролёр! в придирках и упрёках он был совершенен!

— Куда эта баба опять исчезла? — захотел он узнать, остановившись возле Вальдемара.

— Она только что, буквально сейчас, пошла в контору. У неё нет денег, чтобы выкупить хлеб. Она должна скоро вернуться.

— Это же смехотворно! — его ухмыляющаяся до этого физиономия приобрела гневное выражение, и он проскандировал: — Сме-хо-творно! Едва ходит, а хочет тут же вернуться! Четыре километра туда, четыре — обратно, да ей на это потребуется, как минимум, три часа!

Он вытащил из кармана кiset и скрутил самокрутку. Сделав это, нашел в карманах спички. Раз за разом чиркал он спичкой, пока она

ни сломалась. Вторая, третья тоже сломались. Наконец ему удалось закурить. Между двумя затяжками, прочтя на коробке «сделано на фабрике «Белка», он сказал:

— Это же свинство, такие спички! — и при этом поглядел на Вальдемара настороженным взглядом, словно хотел сказать: кто знает, кто там на этой фабрике работает, не такие ли, как этот. Они точно навредят государству такими спичками.

Наконец он засунул коробок в карман, подбросил кисет в воздух и сказал:

— Надо же, как здорово сделано!

Вальдемар уставился на него.

— Ты что, не понимаешь, что я говорю? — и, показав на вышитые цветочки на кисете, продолжил: — Они тебе не знакомы?

Вальдемар покачал отрицательно головой... — Ладно, я вернусь полпятого, надеюсь, она уже будет здесь, иначе она сегодня напрасно работала, — и с этими словами он зашагал прочь.

Сколько людей здесь напрасно работает! При рытье канав хоть что-то можно было заработать. Но другие, работавшие на более тяжелых работах, получали иногда в конце месяца так мало, что не всегда могли выкупить ежедневную норму хлеба. Причин для задержания заработных денег находилось предостаточно. А жаловаться было некому. Начальник всегда прав. А если не прав, то действовал § 1 медвежьего закона тайги: начальник всегда прав, даже если он не прав. И хотя этот закон был не писан, на лице товарища Тараканова он легко читался. Ровно в четыре часа он начнёт свой вечерний контроль. Через полчаса он будет уже здесь. Вальдемар снова и снова смотрел в направлении 17-го километра, откуда должна появиться Ниманн. Но она всё не шла. Он ещё раз пересчитал выкорчеванные сегодня пни и, убедившись, что всё в порядке, сел на один из пней в ожидании бригадира. Внезапно у себя за спиной услышал он треск хвороста. Он

обернулся и увидел выходящую из лесу Ниманн. Её синие пальцы выдавали её: она собирала чернику.

Когда Вальдемар рассказал ей о своём разговоре с бригадиром, она запричитала:

— Ох, хоть бы он меня опять так сильно не ругал! Синие зубы и язык выдали её с головой.

— Товарищ Та-ра-ка-нов, — заикаясь, обратилась она к бригадиру, который после короткой проверки работы Вальдемара подошёл к ней.
— Мне обязательно надо было в контору. У нас уже нет денег, чтобы выкупить хлеб.

— Не рассказывай мне о хлебе, деньгах, конторе и детях! Ты была в лесу и ела ягоды! Я по твоим рукам и языку вижу, что ты меня обманываешь! У меня враньё не пройдёт! — его гнев набирал обороты.

— Я тебе не малое дитя! — орал он. — Меня ты не разжалобишь слезами! Москва слезам не верит. Когда ты, наконец, поймёшь это!

Он кричал так громко, что другие рабочие оставили свою работу, чтобы послушать. Опять эта Ниманн чем-то бригадиру не угодила!

— Константин Васильевич, ну, пожалуйста, поверьте мне, я была в конторе! На обратном пути через лес немного поела ягод.

От волнения она не могла дальше говорить. — Я поверю тебе, — сказал проявивший немного человечности бригадир, — если ты мне покажешь деньги.

Ниманн была в смятении: ей ведь не дали денег! Но как она могла объяснить всё происшедшее этому человеку? Да и был ли он вообще человеком? После небольшой паузы она сказала:

— Деньги будут на следующей неделе.

— Это ты могла бы сразу сообразить, ведь месяц еще не кончился.

Между тем вокруг него собрались почти все рабочие. Один из бригады обратился к нему:

Константин Васильевич, месяц почти закончился, мы ещё и за прошлый денег не получили.

— Хватит об этом! Приступайте к работе! — и обратившись к Ниманн он сказал:

— Сколько пней ты сегодня выкорчевала?

— Семь.

Он сделал отметку в своей тетради.

— А какой длины канаву выкопала? — и уже принялся измерять канаву.

— Восемь метров, — записал он в тетрадь и уже хотел идти, как вдруг споткнулся об один из пней. — Его надо было подальше отодвинуть!

А когда на его пути оказался ещё один пенёк, он закричал:

— И этот лежит на дороге! Ты, наверное, все семь не убрала как следует? — и начал пересчитывать пни:

— Один... три... пять, — он поискал глазами два недостающих, и не нашедши, спросил: — А где ещё два? — Они были все здесь.

— Ну тогда сама пересчитай!

Ниманн пересчитала пни, но их действительно было только пять.

— Вот видишь, а я ведь чуть не ушёл! Вам вообще ни в чём нельзя доверять!

— Я, наверное, их землёй засыпала, там было столько маленьких пней.

— Нет уж, я записываю столько выкорчеванных пней, сколько вижу. Покажи мне ещё два!

После некоторых усилий она нашла один засыпанный землёю пенёк.

— Другой пенёк тоже ищи!

Но седьмой пенёк найти ей так и не удалось. Был ли он где-то совсем внизу или она ошиблась при подсчёте? Так что остались записанными только шесть пней и у бригадира сложилось впечатление, что Ниманн хотела его обмануть. Немного погодя, когда бригадир ушёл, Вальдемар спросил её:

— Они что там, в конторе, не могли вам дать немного денег на хлеб?

На что Ниманн ответила:

— Ах, мальчик, разве в «коровнике» деньги получишь.

Изобличена

Был конец мая, когда Ольга Шнейдер сидела за столом над продуктовыми карточками.

— Неужели ничего нельзя сделать? Неужели нет такого места, нет такого человека, которому можно было пожаловаться? — шептала она себе под нос, опершись подбородком на руки. — Зачем нам вообще эти бумажки дают, если на них в магазине ничего не купишь? 500 грамм жира в месяц на человека, несколько килограммов муки, килограмм сахара и дополнительная карточка в столовую — всё только на бумаге, и так целый год! Ведь это ужасно! Надо что-то предпринять!

В это же время и Анна Кран с сыном тоже сидели над продуктовыми карточками. Она покачала головой:

— Какая несправедливость! Мы так не сможем долго выдержать! Даже соли нет в магазине!

— Мама, ты не знаешь куда делась наша соль? — спросил Вальдемар.

— Куда она может деться? Её просто нет! — Нет, нет, там есть соль, только они нам её не дают, потому что они её за деньги продают в колхозах.

Будь осторожен с такими заявлениями! — ужаснулась мать.

Точно, мама, — зашептал Вальдемар. — Люди на 17-м километре уже не раз видели, как начальник Смирнов на своей лошади с мешком соли проезжал колхоз и там её продавал. Продавец с 17-го километра, Шагаров, ты ведь его знаешь, мама?

Анна кивнула.

— Они со Смирновым это проделывают. Люди говорят, что милиция уже вышла на их след. Как ты думаешь, их посадят? — вопросительно посмотрел он матери в глаза и, не услышав ответа, ещё раз спросил: — Скажи, мама, они заплатят за такую несправедливость?

Анна не смогла сразу ответить. Внутри у неё всё кипело: «Они богатеют на соли, которую воруют у ссыльных! О, их надо бы наказать за это!» Чтобы успокоиться, она поднялась, взяла штопку и принялась за работу. «Посадить бы их в тюрьму! И не выпускать, пока они за всё не заплатят! Спросить бы с них за души умерших!» — подумала она.

Но вдруг она услышала внутренний голос: «Ты ведь христианка! Если бы Христос так рассуждал, Он никогда бы не взошёл на крест! Ведь Он тоже и за таких, как Смирнов и Шагаров, страдал!»

Короткая, но сильная внутренняя борьба была закончена, когда она вспомнила слова святого апостола Павла из послания Филиппийцам: «Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Фил. 2:5). — Будут ли они наказаны или нет, — сказала она, — это в руках Божьих. Мы не должны взывать к отмщению. Бог сказал: «Мне отмщение, и Я воздам».

— Я это знаю, мама, мне только интересно, сделает ли это Бог теперь?

— Время вечерней молитвы подошло. Где Хайфи? Позови её. Сегодня вы узнаете о великом чуде, произошедшем почти 2000 лет назад: о сошествии Святого Духа. Ведь послезавтра Троица.

Вальдемар только хотел позвать сестрёнку, как в комнату вошла Шнейдер.

Конечно, уже поздно, но я хотела с тобой кое о чём очень важном поговорить, Анна. «Найдется ли у тебя время?» — спросила она.

Её нервные движения выдавали внутреннюю тревогу. Анна оглянулась. Дети ведь не должны слышать их разговор! Но комната так мала, что даже разговор потом будет детям слышен. И тогда она решила:

— Тётя Анюта прочтёт вам эту историю, дети, и потом вы сразу пойдёте спать! А мы выйдем на полчаса подышать свежим воздухом.

Она вопросительно взглянула на всех. Золовка кивнула, дети тоже не имели ничего против.

Небо и лес отражались в больших и маленьких лужах. Тут и там, в местах, недоступных солнечным лучам, виднелся ещё снег. Солнцу требовалось много времени, чтобы растопить двухметровый слой снега, выпавший за зиму. Они шли вслед друг за дружкой по узким брускам в направлении бывшей «дороги на эшафот». Мало что от неё осталось. Только след этой легендарной дороги был ещё виден. Короткие пни спиленных столбов в сумерках наступившего вечера казались вы росшими из земли головами.

Они всё ещё шли молча. Стоял месяц май, единственный тёплый месяц в году, в который можно было гулять по вечерам не опасаясь гнуса и комаров. И как всегда в это время, веял свежий ветерок, приносивший из пробуждающегося к жизни леса чудесные весенние благоухания.

По Ольге было видно, что у неё на сердце было не только что-то очень важное, но и что-то вызывающее у неё беспокойство. Что её так

тревожило? Анна знала кое-что о её прошлом. Они ведь давно были вместе. В Хохенцитев и в Бэрфельде работали они вместе на кухне. Ей и тогда уже бросалась в глаза легкомысленность этой молодой женщины в общении с одним офицером. Позже это подтвердилось. Вернулась она снова к старому и поэтому тревожилась? Искала она человека, которому могла открыться? Что-то с ней происходило, но что?

Но Шнейдер пришла поговорить не о своём сомнительном прошлом и настоящем. Нет, она хотела поговорить о тех негодных людях, которые у сосланных воровали продукты и затем продавали их, тех, которые были настолько бессовестными, что даже жизненно важную соль использовали в качестве платы за услуги легкомысленных женщин. Она дома уже разработала целый план, как их разоблачить. С этим планом хотела она познакомить Анну и заручиться её поддержкой.

Но теперь, получив возможность спокойно об этом поговорить, она не могла начать этот разговор. Вдруг идущая рядом с ней скажет: «Это хорошо, что ты хочешь разоблачить Смирнова, Шагарова и других жуликов и неверных супругов, но не хотела бы ты с себя начать?»

И внезапно поняв двойственность своего положения, она не смогла начать разговор о причине, приведшей её к Анне. Нет, она ничего не могла ей сказать. И так они ходили уже около часа, не говоря ни слова. Наконец Анна не выдержала молчания и спросила:

— Ольга, у тебя что-то очень важное на сердце, верно? Не хочешь ли ты поделиться со мной? Если я сразу не смогу ответить, то обещаю дома над этим подумать. Мне вообще-то надо домой. Извини меня, но ведь ты знаешь, завтра меня ждет тяжёлая работа.

Ах, Анна! — нерешительно ответила та. — Я хотела кое-что важное с тобой обсудить, но сегодня уже действительно поздно, мы поговорим об этом как-нибудь потом. О чём, она не сказала. Когда они подошли к баракам, она коротко бросила:

— Спокойной ночи, — и исчезла в темноте. Анна Кран осталась в недоумении. Совершила ли она ошибку? Может, ей не надо было говорить, что пора домой? Её терзали сомнения. Она понимала, что Ольга ожидала от неё помощи, но не получила её. Может быть, лучше пойти к ней? Нет, так тоже нельзя. У действительно поздно: что, если кто-нибудь из детей проснётся, а её нет дома? Что тогда?

Она зашла в комнату. Дети спали. Она встала у окна чтобы еще раз помолиться. Подняв глаза к небу, она от всего сердца молилась словами псалма:

«Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, что Ты посещаешь его?» (Псалом 8:4-5).

Что в воскресенье приобретёшь, то в понедельник с собой не возьмешь

— Мама, ты видела объявление, что на дверях магазина висит? — спросил Вальдемар мать, когда они с матерью шли на следующий день домой вместе после работы — Нет, а что там написано?

— в магазине в воскресенье принимают клюкву взамен на соль.

— Всё это хорошо, только где мы её возьмём?

— Мы её соберём и сдадим.

— Куда собирать, не ночью же?

— Завтра мы все дома, и Маргарита тоже завтра свободна.

— Но сыночек, завтра ведь Троица! в такой великий праздник мы не должны удовлетворять свои земные потребности!

Вальдемар недоумённо посмотрел на мать. — Но если мы эту возможность упустим, то как мы иначе получим соль?

Мать положила ему руки на плечи, показывая этим, что она согласна уступить.

— Мы все вместе обсудим это дома, — сказала она.

Дорогой продолжала она раздумывать над этим. Он прав, говорила она сама себе. Если мы этой возможностью не воспользуемся, то может так случиться, что скоро и мы грибной суп без соли есть будем. Без соли он будет вообще несъедобным, так как соль была единственной приправой, которая этот жиденький суп из перезимовавших грибов и свежей травы делала съедобным.

Когда они обсудили всё, то решили в воскресенье пойти на болото, что у 12-го километра, чтобы собрать клюкву и сдать Шагарову взамен на соль. Анна оправдывала своё решение тем, что и Давид, когда он был голоден, взял из святыни хлеб предложения, который никто не имел права есть, кроме священников. Иисус не осудил этот поступок Давида, значит, и её поступок Он не осудит.

Солнце ещё не взошло, а они с вёдрами и корзинами были уже в пути. Они молча шли, наслаждаясь тишиной начинающегося утра.

Первой прервала молчание Хайфи. Она, как младшая в семье, меньше всех страдала от тяжёлой жизни. Бесконечными, но в общем-то простоватыми — так по крайней мере, казалось, Вальдемару — вопросами осыпала она, как обычно, мать и брата с сестрой. Вначале она хотела знать, почему это дерево такое высокое, тогда как другое, тоже старое, осталось маленьким. А когда над их головами с громким хлопанием крыльев пролетел глухарь и исчез в лесу, она закричала: — Глядите, глядите, что это за птица? Да такая огромная!

Вальдемар, раздумывавший над вопросом, как бы эту птицу заполучить без ружья в кастрюлю, ответил:

— Это глухарь. Со своими десятью килограммами он далеко летать не может, но, к сожалению, всё-таки достаточно далеко, чтобы мы его могли поймать!

А если он на дерево сядет, — перебила энергично Хайфи, — смог бы ты туда залезть? Вот было бы здорово!

— Вообще-то поймать его можно, — продолжал Вальдемар, — глухарь ведь ничего не слышит, когда он утром рано начинает токовать. Тогда он делает странные прыжки, издаёт звуки, словно он давится, щёлкает или стонет. И если в этот момент к нему подходишь, он ничего не слышит. Но если он перестанет токовать, тогда даже пошевелиться нельзя, он это сразу заметит. Ну а когда он снова начнёт токовать, то можно к нему ещё ближе подойти...

— И, — перебила его Хайфи, — тогда можно прыгнуть ему на спину, схватить его за крылья, чтобы он не улетел, открутить ему голову, как ты это курам делал в Бэрфельде, и скорее бежать с ним домой, чтобы его сварить! Вот это будет суп!

При этих словах у всех во рту собралась слюна. Хороший мясной суп был бы кстати! Но это желание было несбыточно.

— Ведь верно, мама, такой суп был бы намного вкуснее, чем тот, из мёртвой ондатры? Я его, конечно, ела, но как об этом вспоминаю, мне всё еще не по себе.

Хайфи посмотрела на мать и добавила: — А травяной суп я вообще не люблю, я его с трудом проглатываю.

— Я же всегда говорю: ты не голодная! — Вальдемар, как всегда, был возмущён, если Хайфи привередничала в еде.

— Нет, я была голодна, я и сейчас голодная, да ты вообще не знаешь, как я сильно голодна! — с этими словами она взяла мать за руку и расплакалась.

— Вечно вам двоим надо ссориться! Прекратите, наконец! Лучше послушайте, как чудесно поют в лесу птички. Ведь сегодня Троица!

Мать не могла продолжать, её глаза наполнились слезами, она едва видела тропинку. Они шли дальше и пред её внутренним взором

вставляли картины прошлого.

Она вспомнила разговор с мужем, когда дети ещё были совсем маленькими. Вальдемару было четыре года, а Хайфи — два. Муж сказал ей тогда: «Анна, я часто наблюдаю за ними, когда они вместе играют. Думаю, пока они вырастут, у них будет много конфликтов. Малышка хочет заполучить всё, что есть у брата, и если он ей это не отдаёт, то она добивается своего криком. Но и он неуступчив. Смотри, смотри, он забирает свою игрушку назад и держит её руки, чтобы она не трогала его игрушки».

Дети росли, но эти разногласия оставались. Она привычно попеняла: «Вальдемар, не дразни Хайфи, а ты, Хайфи, не начинай сразу плакать!»

Сейчас, по дороге к болоту, её вновь объяло беспокойство, как всегда, когда дети ссорились. Она чувствовала себя в таких ситуациях совсем беспомощной, не способной прекратить ссору. Но к счастью, ей вспомнился другой разговор с мужем, который её утешил.

Однажды поздно вечером они разговорились о детях. Эти драчливые петухи опять целый день ссорились, дразнили друг друга, гонялись друг за другом и мешали друг другу.

«Поговори ты с ними завтра утром», — попросила она мужа. Он согласился, а потом очень спокойно сказал: «Не надо об этом так сильно тревожиться. К подростковому возрасту эти разногласия потеряют свою силу, а потом и вовсе сойдут на нет».

К сожалению, это время еще не наступило. Она огляделась и увидела, что один из детей исчез: не хватало Маргариты. Она плелась сзади. Все остановились, чтобы её подождать. Но она тоже остановилась и махнув рукой, дала им знать, чтобы они шли дальше.

— Пойдемте, пусть она одна побудет, — сказала мать, она хочет побыть одна. Это тоже очень важно, быть иногда одному.

— Нет, я никогда одна не хочу быть! — сказала успокоившаяся и опять радостная Хайфи. — Я всегда, всегда хочу быть с тобой, мамочка! Если бы ты мне разрешила, я бы с тобой в одной кровати спала!

— И на работу с мамочкой ходила бы и дрова с ней колола бы, и в столовую их относила бы, и пол добела дресвой тёрла бы, и всё с мамочкой делала бы! Так, да? Или только с мамочкой спала бы? Если уж хочешь везде с мамой быть, то это значит, не только спать в одной постели! — не мог остановиться Вальдемар.

И снова чуть не началась ссора, но в этот момент их остановила Маргарита:

— Эй, вы уже прошли мимо! И точно, узкую тропинку с правой стороны они и не заметили. Они развернулись и почти одновременно Маргаритой вышли на дорожку, ведущую к болоту. Метров через двадцать закончились заросли, и они увидели огромную поляну, на которой то тут, то там виднелись сухие деревья. Их ноги выше щиколотки увязали во мху.

— Пойдёмте туда, — Вальдемар показал на один валежник. — Мы можем тут начать собирать клюкву. Это место мне хорошо знакомо. Здесь осенью ягод было словно насыпано, да таких крупных!

Сбор ягод был его любимым делом. Никто не мог сравниться с ним в скорости. И только предложение матери прежде позавтракать удержало его от того, чтобы тотчас же начать сбор.

Они сели на валежник. Мать открыла сумку и к радостному удивлению детей достала каждому по большому куску хлеба. Как она умудрилась увеличить хлебную порцию без того, чтобы тронуть хлеб, оставшийся на завтра, дети не могли понять. Да они об этом и не спрашивали, а только с нетерпением ждали, когда мать поблагодарит Господа за еду, и они смогут, наконец-то наполнить свои желудки. После этого сбор ягод будет сплошным удовольствием.

— А у меня корзинка уже почти полная, — Вальдемар с любопытством заглянул в корзину старшей сестры. Но у той едва

было дно прикрыто.

— Ну, девочка, ты всё ещё в мечтах? — спросил он. Не ответив, она отвернулась и ушла.

— Что-то особенное с ней происходит, — подумал удивлённо Вальдемар. Сочувствие переполнило его. Он усердно продолжил сбор и когда его корзинка наполнилась, он, недолго думая, пересыпал её содержимое в корзину Маргариты и снова принялся наполнять свою корзину.

На поляне было уже много народа, когда они покинули её, тяжело нагруженные ягодами. Ноги под их тяжестью чуть не по колено вязли в болоте.

— Ты ведь обычно так быстро собираешь ягоды, — удивилась мать.

Сегодня ей пришлось помочь ему наполнить корзину. Хотя его распирало от гордости за совершённое доброе дело, и он с трудом удерживался, чтобы не расхвастаться, он всё же ничего не сказал.

Дорога домой была трудной, усталость одолевала их, и корзины с ягодами становились всё тяжелей. Наконец они увидели вдали между деревьями просвет. Это был 17-й километр.

— Ещё чуть-чуть, и мы преодолели, — утешала себя малышка Хайфи.

В глазах Маргариты стояли слёзы. Тихо скатывались они по исхудавшим щекам. Она хотела их скрыть, но держа в каждой руке по корзине с ягодами, не могла этого сделать и поэтому низко опустила голову. Но чем дольше продолжалась борьба со слезами, тем тяжелее ей становилось на душе, и вскоре она не выдержала. Поставив тяжёлые корзины с ягодами, она ринулась в лес, спряталась за одним из деревьев и дала воли слезам.

Преодолели! Преодолели! — повторяла она замечание Хайфи.

Ничего она не преодолела! Будет этот ужас всю жизнь длиться? Ей скоро восемнадцать! И это жизнь? Ещё шестнадцатилетней она должна была прятаться, чтобы не подвергнуться насилию солдат. Сколько страха она тогда испытала! Она была ко многому тогда готова, но только не к насилию! Когда-то страшное время минуло, началось время насильственного переселения, неоднократной перегрузки багажа из вагона в вагон, ночёвки под открытым небом, полные опасности и страха. Всю эту зиму она грузила лес на вагоны на шестом километре. И вечный, изо дня в день голод! И видеть, как другие умирают от голода! Всё это разрушало её душу и психику. Другого пути для неё нет! Этому не будет конца! У неё нет надежды!

Мама, с ней ещё что-нибудь случится, — сказал Вальдемар, — иди к ней, посмотри, что она там делает.

Всхлипывания уже не были слышны, и Маргариту не было видно. Может, она убежала? Вальдемару стало страшно за сестру. Он знал случай, когда, отчаявшись, люди накладывали на себя руки. Поэтому он повторил:

Ну иди же к ней, посмотри, что с нею! — Пусть она одна побудет, мой мальчик, она с этим справится. Господь ей в этом поможет.

«Справится? О Боже, помоги ей, как Ты помог мне в ту страшную ночь моего пастушества!» — молился про себя Вальдемар.

— Так, поставьте ваши вёдра и корзины на весы, что бы я мог их взвесить, — сказал им продавец, когда они, уставшие до изнеможения, наконец-то дошли до цели. Он посмотрел своим единственным глазом сперва на ягоды, затем на семью.

— Вы хотите получить много соли, — констатировал он. Вальдемар заранее радовался этому количеству соли. — Сорок восемь килограмм, — пробормотал продавец про себя, высыпав в бочку ягоды. — Так, а теперь пустую тару на весы. Только поторопитесь, а то другие ждут!

Взвесив пустую тару, он сказал:

— Восемь килограмм, — и добавил. — Соли у меня больше нет, но я запишу вашу фамилию, и когда у меня вновь будет соль, вы её получите. Итак, как ваша фамилия? Анна назвала её.

Когда они вышли на улицу, Хайфи сказала:

— Вот жулик! Видали вы, как он надавил на опорожненную тару, чтобы весы больше показали?

— Да, — сказал Вальдемар. — Наша пустая тара весила не более пяти килограмм.

Когда уставшие Анна и её трое детей подходили к 20-му километру, солнце посылало свои золотистые лучи, освещая верхушки деревьев и унылые бараки, словно хотело этим сказать, что оно должно это делать по повелению Того, Который его сотворил, чтобы оно всходило и заходило как для злых, так и для добрых людей. И, разумеется, в том числе и для Шагарова, который наверняка чувствовал себя замечательно, обманув людей, не намереваясь вообще дать им соль взамен на принесённые ягоды. Анна предчувствовала это, но до конца не могла в это поверить и уж, конечно, не говорила об этом детям.

Когда через какое-то время её предположения оправдались, она сказала детям:

— Что в воскресенье приобретёшь, то в понедельник с собой не возмёшь.

Но в этом случае были виноваты не воскресенье и не понедельник, а Шагаров! Да смилуется Господь над ним, когда он предстанет перед Его судом!

Хлеб

Да, что-то надо было предпринять, Ольга Шнейдер была права. Да и другие пришли к такому же заключению.

Было составлено письмо, в котором ссыльные обращались к официальным лицам с просьбой выдавать им причитающиеся продукты питания. И с большим количеством подписей письмо было отправлено по назначению.

Поскольку прокуратура уже вела дело против Смирнова и Шагарова, то она очень быстро отреагировала на это послание. Приехали следователи, чтобы опросить тех, кто подписал письмо. Все принесли с собой продуктовые карточки, которые до сих пор не были отоварены. Упование на справедливость многих взбодрило. Даже шли слухи, что будет выплачена компенсация. Эта надежда поддержала упавших духом и дала им новые силы в борьбе со свирепствующим голодом.

Проходили дни, недели, месяцы. Виновные были уже давно посажены, но для ссыльных ничего не изменилось. В магазине, как и прежде, не было жиров, сахара, и переселенцы не получали почти ничего съестного. Время от времени давали немного гороховой муки, а вместо мяса то, что оставалось после кастрации быков, кабанов и жеребцов. Лошадиные и свиные брюшины был большой редкостью, так же как и их внутренности. Голод не уменьшался, он усиливался.

Самым трудным были лето и осень, а также половина зимы 1947 года. Ежедневно умирали люди от голода. Их хоронили без гробов: выкапывалась яма глубиной около метра, в неё клали труп, чаще несколько, и всё засыпалось землёй. А если кого-то хоронили в гробу, то надо было встать на гроб или придержать его лопатами, что бы гроб не всплыл на воде, заполнившей могилу. И только потом насыпалась земля. Вымирили целые семьи.

Большинство семей потеряло кого-нибудь из близких, редко какие семьи оставались в полном составе. В комнате рядом с семьёй Кран жили Малеры. Их старший сын пошёл на работу, но до конца рабочего дня не смог продержаться на отёкших от голода ногах. Его привезли домой, занесли в комнату, а на следующее утро он умер. Его отец подвозил продукты в столовую и детский сад. Однажды, не выдержав голода, он наелся мороженых пряников и умер. Антон, их второй сын, обморозил ноги и умер. Все мужчины в этой семье умерли.

В соседнем бараке жила молодая женщина по фамилии Роллстейн. У неё один за другим умерли брат и отец. Она завернула трупы в одеяло, положила их на санки и повезла на кладбище, находившееся на 17-м километре. Протащив этот груз три километра, она так выбилась из сил, что ей уже было всё безразлично, и она просто оставила трупы на кладбище. Чуть позже умерла и её мать.

В том же бараке жила семья Шатц. Их старший сын пас в колхозе коров. Когда его мама бывала рядом, а это случалось довольно часто, так как она ходила просить милостыню, она навещала его. Однажды, когда она была у него, сын хотел во что бы то ни стало пойти с ней домой, так как его очень мучил большой нарыв на ноге. Но мать не захотела его взять с собой. Она это оправдывала тем, что им тогда всем грозит смерть. Когда все уговоры не помогли, пятнадцатилетний мальчик поплёлся, хромя, за матерью. Тогда мать избила его своим костылём и он, изнемогший духовно и физически, поковылял обратно. Когда он приплёлся к своей хозяйке, она заставила его собирать картофель. А на следующее утро его нашли мёртвым возле кучи картофеля.

Как страшно кричала его мать, обвиняя себя в смерти сына!

Уже упоминавшаяся Ниманн пошла однажды в колхоз, чтобы обменять кое-что из оставшихся вещей на съестное для своих детей. А вечером следующего дня нашли мёртвой в двух километрах от 20-го километра. Уже замёрзшая, лежала она на краю дороги. Один валенок лежал под её головой. Люди потом говорили, что накануне вечером были слышны её крики о помощи. Но помощь не пришла. Все были так ослаблены что для помощи сил уже не оставалось! Напал ли кто на неё? Или она от слабости упала и замёрзла? Только Господь знает, на чьей совести была смерть этой женщины. Она была верующей.

Дренажные канавы были прокопаны до 20-го километра. От Семигородней до 18-го километра была проложена узкоколейная железная дорога. Под шпалы, на которых укреплялись рельсы, делалась насыпь. В некоторых местах узкоколейку приходилось поднимать до полутора и более метров. Иной раз работы шли на одном участке насыпи по три и более дней, так как за день успевали насыпать

не более полуметра. Для первых двух слоёв брали глину, которая находилась вблизи. А для верхнего слоя необходим был гравий.

Глина нагружалась на платформы и вновь разгружалась в нужном месте группой, состоящей из трёх человек. Почти всегда те, у кого было побольше сил, работали вместе. При таком распределении им не приходилось работать за слабых рабочих. И когда группы распределились, то у последней платформы остались Эльфрида Фукс, Вальдемар и Инга Ферншауэр. Первым было по четырнадцать, а Инге тринадцать лет. Июньское солнце посылало свои жаркие лучи на истомленных детей. С большим трудом втыкала Инга свою лопату в мокрую глину. Когда она кидала глину на платформу, то та не отлипала от лопаты и почти вся возвращалась назад. Тонкие, исхудавшие детские руки едва поднимали лопату. Да и двум другим было ненамного легче.

Готово! — услышал Вальдемар нетерпеливый голос. Мы ведь не можем ждать, пока эти трое закончат погрузку.

Все по этой команде запрыгнули на свои платформы и поезд тронулся.

При разгрузке всё повторилось: все были уже готовы, а дети всё ещё выгружали глину, хотя на их платформе было её меньше, чем у других. Казалось, глина, склеившаяся в сплошную массу, изо всех сил сопротивлялась лопатам. С трудом, лопата за лопатой, выгружали дети её. Перерывы для отдыха не были предусмотрены. «Для отдыха достаточно времени по дороге туда и обратно» сказал мастер. Но это было всего лишь 200 метров. Едва они усаживались на платформы, как уже надо было снова вставать. Вода, которую из-за жары пили они в большом количестве, делала их только слабее.

Около трёх часов дня дети были так обессилены, что и пустые лопаты стали тяжелы. Но не нашлось ни одного человека, который бы пожалел детей.

Нет, больше сил не было! Словно сговорившись, бросили они лопаты на землю и горько заплакали. Слёзы текли по их впавшим щекам, оставляя во рту горько — солёный привкус. Как тяжело им было! Но

и теперь никто не сжалился над ними! И сознание этого было ещё горестнее, чем слёзы! Они чувствовали себя покинутыми. Вальдемар стыдился, что плакал, вместо того чтобы как-то поддержать девочек. Но как ему было не плакать? Он больше не мог выдержать боли в уставших ногах, руках и спине.

Слёзы давно уже высохли, когда они плелись через лес домой. Но сердца их всё ещё плакали, и даже чудесный вечер не мог утешить их. Как всегда, в такие дни щебетали птицы, прыгали с ветки на ветку белки; дикие пчёлы летели к своим ульям, построенным высоко на деревьях; муравьи, чьи постройки дети обходили стороной, были, как обычно, заняты работой. Всё было, как и в прежние дни. Только в молчании идущих через лес детей чувствовалась крайняя подавленность. До сих пор в их сердцах жил огонёк надежды на лучшую жизнь, но теперь он гас. Они были и физически, и духовно сломлены. Это они понимали, несмотря на возраст, очень хорошо.

Но... должны ли они теперь сдаться? Они долго шли молча рядом, но со временем разговорились. Нет, они не сдадутся, будь что будет! Ни одного дня не будут они больше работать на погрузке глины!

На следующий день их послали на участок, где насыпали верхний слой гравия. Эта работа была много легче. Хотя и здесь им приходилось целый день работать лопатой, но гравий не налипал на неё, как глина. И гнетущее чувство вскоре прошло, тем более что почти все, здесь работавшие, были их возраста.

Здесь работал и Карстен Клаус, весёлый паренёк, вечно что-то выдумывающий. Когда он начинал разговор о маминых пончиках или об особенно вкусном хлебе, то всех текли слюнки. И такие разговоры вёл он постоянно. И сейчас, когда Ирина со своей двоюродной сестрой Эльфридой пошли за киселём, он снова начал о том же как всё было вкусно и как было бы вкусно, если бы он было! Но, к сожалению, ничего не было: ни пончиков, ни чудесного хлеба, ни пирогов со сливами и никакой другой стряпни с такими замечательными приправами как корица, гвоздика или анис. При этом он так забавно выглядел, что слушатели одновременно и плакали, смеялись.

Со смехом в последнее время было скудно, но здесь он время от времени звучал, особенно если разговор вступал Вальдемар.

— Но, — сказал он, — самую лучшую приправу твоя мать всё-таки забыла.

— Ну, как же, — оправдывался Карстен. — Я ведь назвал и гвоздику, и корицу.

Он прервал себя, облизнул губы и вздохнул:

— Ах, как это было вкусно!

А ещё что?

— И-и-и... анис, — начал заикаться Карстен, раздумывая, кладётся ли анис в сладкий пирог.

— А ещё перец горошком и стручки перца. Все засмеялись.

— Ну, я такого не говорил. Перец в сладкий пирог не кладётся!

— Твоя мать разве никогда пирог с перечной мятой не стряпала? — серьёзно спросил Вальдемар. Опять раздался хохот.

— Ох, да прекратите же, у меня уже живот от смеха болит, — сквозь смех простионала Альма Гербер. — Он не переваривает пирог с перечной мятой, — заметил кто-то, и все снова засмеялись.

— Да послушайте вы! — успокаивал их Карстен. — Перцем мама посыпала жареный картофель. А когда картошка была со всех сторон поджарена, тогда мы её ели. О, как бы я сейчас!..

Его лёгкое замешательство от спора с Вальдемаром исчезло, и он вновь был прежним:

— Когда её берёшь вилкой, жир так и капает вниз... — И тогда у тебя одна забота была, чтобы не закапать брюки. Верно?

— Нет, нет, я имел в виду, какая она маркая была, — при этом он имел в виду жир, что капал с картошки. — Маркая? А что, твоя мать перед готовкой не мыла картофель? — спросил насмешливо Вальдемар. Опять послышался дружный смех.

— с вами и не поговоришь. Я ведь не о грязи говорю, — он показал на землю, обозначая этим движением грязь. — Говорю, что она маркая от жира, — при этом он погладил свой впавший живот, обозначая этим брюшко, которого у него не было.

Вальдемар подметил, что ему для этой цели лучше подошёл бы живот Маруси Беловой, которая была поперёк себя толще. Тогда все сразу же поняли бы, о чём речь идет.

— Уже двенадцать часов, — сказал бригадир дядя Антон, который мало что понял из разговора, ведущегося на немецком языке, но рад был, что рабочие своим смехом разрядили гнетущую атмосферу. Он тоже много пережил, когда в тридцатых годах был выслан сюда в качестве кулацкого сына. Дом, двор, плодоносные поля — всё было оставлено там, откуда он был выслан. Взамен всего этого ему и ему подобным предоставили бесконечную тайгу, в которой они должны были жить и работать. Тогдашние переселенцы были просто высажены под открытым небом и им было сказано: «Стройте себе жильё, как можете!» Его друг попытался сбежать, но его выследили собаками. Беднягу привязали к лошади и волоком притащили назад.

— Дядя Антон, а что вы такой тихий? — спросила его Ольга, остававшаяся серьёзной и во время шутливого разговора.

— Я немного раздумывал о своей судьбе. Жизнь бывает такой жестокой.

— Да, она такая, и не только иногда, — подметила женщина, укладываясь отдыхать, как и другие, в ожидании киселя. До того, пока Ирина и Эльфрида не вернутся с киселём, им не надо работать, даже если это будет длиться до вечера. Этот бригадный закон возник как-то сам по себе. Поскольку сегодня что-то долго киселя не было и многие

себя чувствовали уставшими не только от работы, но и от смеха, все улеглись.

Большинство сразу уснули, некоторые отдыхали с закрытыми глазами.

Только один не знал покоя — Карстен. Он вертелся из стороны в сторону, то открывая глаза, то закрывая их, словно хотел прогнать своё беспокойство. Что-то его очень мучило. Он теперь не понимал, как он мог это сделать?! И всё-таки, это всё голод виноват! Ощущение страшного голода было не только в желудке, но и во всем теле. После разговора о пирогах и жареном картофеле голод оказался сильнее его. Разве он это сделал бы, не будь он так голоден?! Но эта попытка оправдать себя не помогла. Только хуже стало. Он чувствовал, что должен с кем-то поговорить, и разбудил Вальдемара.

— Вальдемар, Вальдемар, ты спишь? Я не могу спать. Я думаю, может, следует посмотреть, не взял ли кто-нибудь у Эльфриды хлеб?

Вырванный из сна Вальдемар посмотрел на него полуоткрытыми глазами и сказал ворчливо:

— Иди спать и не думай о глупостях!

Карстен пошёл на своё место и улегся. Но уснуть не мог, хотя убеждал себя, что всё это глупости, как сказал Вальдемар. Если даже хлеб и исчез, то это мог и кто-то другой сделать! Так что спать! И всё-таки сон не шёл. Вальдемар только уснул, как вновь был разбужен Карстеном:

— Идём же, идём же со мной, — уговаривал он. — Мы ведь только посмотрим, там ли хлеб. Мне кажется, его там нет.

Вальдемар с трудом пришёл в себя. И так как Карстен от него не отставал, он строго посмотрел ему в глаза:

— Что это с тобой сегодня? Не всё в порядке? — Ну пожалуйста, пойдём со мной, посмотрим, на месте ли хлеб!

— Иди и сам посмотри. Мой хлеб не исчезнет, я его уже давно определил куда следует. Чего это ты вообще сегодня так об Эльфридином хлебе беспокоишься? Ты же всегда спишь, как... как убитый, — нашёл подходящее слово Вальдемар. Последние слова он так громко прокричал, что все проснулись.

Что это с вами, — пробурчал один из рабочих, — то вы целое утро смеётесь, то не даёте людям спокойно обед поспать, бегаєте и орёте тут!

Вальдемар лёг опять и стал раздумывать, что бы обозначало беспокойство Карстена? И вдруг ему пришло в голову: а что, если сейчас тот подойдет и скажет, что хлеба действительно нет?

Так и оказалось. Вальдемар только это до конца додумал, как вернулся Карстен:

— Послушай, ты, хлеба действительно нет и бутылка с кофе наполовину пустая.

Вальдемар посмотрел на него и покачал головой, не говоря ни слова. Этого было достаточно, чтобы дать понять своему другу: я знаю кто этот хлеб съел.

— Они уже идут, — прокричал кто-то и все вскочили. — Сегодня вам удалось долго отдохнуть, — сказала Ирина, раздавая первые порции киселя, и добавила: — Хорошо, что я свой хлеб перед уходом съела, а то бы я упала без сил. Эта штука там, — она показала на стоящую на рельсах вагонетку. — Она сегодня трижды с рельсов сходила. Ну и намучились мы сегодня с нею!

Эльфрида была настолько обессиленной, что не хотела разговаривать. Да этого и не требовалось. Ирина, как обычно, говорила за двоих. Так же быстро, как и ее руки, двигался и её язык.

-Ну что ты стоишь как сонная? Иди же кушать, послала она свою двоюродную сестру. — И вы дадите ей часок поспать, иначе она совсем обессилит. В конце концов, она и для вас старалась!

И вновь обратившись к Эльфриде, сказала: — Если бы свой хлеб перед уходом съела, тебе не было бы дорогой так плохо. Ну иди и съешь его хотя бы теперь! Но хлеба не было. Эльфрида села без сил на землю, охватила голову руками и заплакала: — Мой хлеб!..

Карстен, обычно стоящий первым в очереди за киселём, был сегодня последним. Он не решался поднять глаза. Что-то его мучило. Его родители были строгими католиками. Они наверняка ему ещё с детства внушили все заповеди.

Новая баня

«По плану не бывать, без плана не живать!» Эта очень распространённая среди русских пословица была, как нельзя более применимой и в отношении строительного отдела Семигородского леспромхоза, где уже который год планировалась постройка бани для лесорубов. Но постоянно что-то оказывалось важнее, чем баня.

Когда здесь появились переселенцы, вновь заговорили о том, что баня, рассчитанная на 10 человек, слишком мала. Что в бане мылись одновременно мужчины, женщины и дети, не было причиной для строительства новой, так как у местных жителей было в обычае мыться вместе. Там можно было встретить: большого, рыжего Волкова со своей маленькой, кругленькой женой; длинную, как жердь Грашу; маленького, толстого Губина со своей беременной женой, и, конечно, без мускулистого Шахова с женой «общество моющихся» было бы неполным.

Когда они все вместе, да ещё со своими детьми, сидели в бане на полках, хлестали друг друга берёзовыми вениками, тёрли спину своим соседям, напевая вполголоса при этом какую-нибудь песню, — то тогда, окажись сказочники братья Гримм среди пребывающих там, наверняка выбрали бы они этот сюжет для своей сказки, а не Бременских музыкантов. Только в новой сказке им пришлось бы упустить воров, так как здесь таких не было. Впрочем, воры были. Но они не должны были где-то прятаться, как в сказках. Нет, они занимали важные посты и повелевали людьми. Двоих таких уже

посадили. Но таких, которые бы взламывали замки и обворовывали дома, нет, таких воров здесь не было. Двери в бараках стояли день и ночь незапертыми. И в соседних деревнях тоже. Если хозяйка уходила из дома, то она просто ставила перед дверью веник. Это был всем известный знак; дома никого нет. И если сейчас, с приездом ссыльных, бывали случаи мелкого воровства, как это было в доме той пьяной женщины, то раньше такого и «днём с огнём» было не встретить.

Наконец-то новая баня, в которой, как и в старой, было одно помещение, стала реальностью. Она была не только намного больше, чем старая, но и была лучше утеплена. И если теперь в бане поддавали пар, наливая на раскалённые камни воду, то баня не окутывалась снаружи облаком пара, как это было со старой баней.

Местные не могли нарадоваться новой бане. Только Махова, банщица, была недовольна. Ей приходилось теперь гораздо дальше носить воду. Маленькая речушка, из которой брали воду для бани, протекала рядом со старой баней, а теперь расстояние увеличилось.

Начальник решил этому помочь. Он вызвал бульдозер, чтобы с его помощью выкопать резервуар для воды. Яма ещё не была готова, когда бульдозер завяз по самые гусеницы в илово-глинистой смеси. В такой критической ситуации не оставалось ничего другого, как вызвать бригаду Антона Лисечко, чтобы спасти это чудовище. Было уже послеобеденное время, когда товарищ Тараканов, теперь уже в качестве мастера, пришёл в бригаду и распорядился всем срочно идти на 20-й километр спасать бульдозер.

— Дядя Антон, — спросил Карстен, который не понял приказа из-за плохого знания русского языка, — а как мы его будем спасать? Ведь у нас нет оружия?

— Твоя лопата — твоё оружие, — ответил бригадир и скомандовал поторопиться.

По дороге многие радовались, что сегодня будут дома пораньше, ведь дорогой домой они сейчас уже шли. Но в пять часов вечера мастер

объявил:

Никто не пойдёт домой, пока не вытащим бульдозер! Все посмотрели друг на друга и подумали: Тогда нам тут ночевать придётся!

Лопатами невозможно было ничего сделать. Бульдозер вяз всё глубже в ил. Наконец бульдозерист сообразил привязать балки к гусеницам и таким образом затащить их под бульдозер. Бульдозеру, оснащённому мотором в сто лошадиных сил, это удалось с трудом. И когда это получилось, дядя Антон отпустил измученных рабочих домой, решив, что теперь бульдозер уж точно не утонет. Да и завтра с утра опять нужна будет рабочая сила.

Что это ты так поздно? Спросила Фукс свою дочь Эльфриду и испытывающее посмотрела на неё: не случилось ли что-нибудь похуже, чем эта вчерашняя история с хлебом.

Ничего не случилось. Только вот бульдозер завяз там, у новой бани, и нам пришлось его выкапывать.

Слава Богу! — облегчённо вздохнула мать. — Мы уже думали, что-то опять случилось, и хотели с Анной идти вам навстречу.

Этот же вопрос услышал и Вальдемар, когда изнеможённый пришёл домой. Когда его мать успокоилась, то вспомнила, что сегодня надо идти отмечаться у коменданта.

— Надо тотчас же идти, а то опоздаем, — сказала она. Товарищ Киселёв был, как обычно, в детском саду. Во-первых, там была большая комната. Во-вторых, здесь было всегда чисто. В-третьих, ему кое-что перепало из того, что предназначалось детям. И, в-четвёртых, в этом здании была ещё и маленькая комната, в которой он чувствовал себя уютнее, чем у себя дома в спальне.

После того, как все из семьи Кран расписались, он обратился к Анне:

— Послушайте, Кран, мне надо с вами поговорить, Отошлите детей домой, а сами подождите в соседней комнате; там, мне кажется, только

три семьи осталось, — Мама, мы тебя одну не оставим, — сказала всё понимающая Маргарита.

— Да, да, — закивал решительно Вальдемар. — Вам что, нельзя домой идти? — спросила Фукс. — Нет, он хочет со мной поговорить.

— Ох уж эти разговоры! — покачала головой Фукс. Сколько уж таких разговоров вели с ней! До сих пор Господь не допустил... Хотя от этой свиньи ей приходилось однажды убегать. К счастью, он забыл запереть дверь. И если бы даже запер, ему не удалось бы её сломить. Нет, никогда! Она боролась бы не на жизнь, а на смерть. Чем больше она об этом думала, тем беспокойнее становилась: легко сказать, на смерть, а что было бы тогда с её младшей — Иоганной?

— Мама, ты, того гляди, свалишься со стула, — упрекнула её Эльфрида.

— Следующий! — раздался голос коменданта. Шатц зашла в кабинет. Разговор коменданта с ней становился всё громче. Бедняжка плохо понимала по-русски, а уж разговаривать и вовсе не могла. Сегодня ей это пригодилось. Комендант хотел знать подробности смерти её сына, который умер в колхозе. Но как он об этом ни спрашивал, в ответ звучало одно:

— Не понимай!

— Если бы речь о хлебе шла, ты бы сразу всё поняла, — проворчал комендант.

— Хлеб нету. Я голодный очень.

— Вы посмотрите на неё! Сказал же я, только заведи речь о хлебе, они сразу всё понимают! А впрочем, чего ради я этим делом занимаюсь? Есть же следователи, пусть они и разбираются. Я хочу вам только хорошего. Вот если бы он без спросу ни пошёл в колхоз, то сегодня был бы ещё жив. Ты сама в этом виновата! Последние слова он говорил так громко, что в комнате ожидания буквально всё было слышно.

Скоро и Мельх, вызванная для подписи, вернулась назад. Комендант заметно торопился.

— Следующий!

Наступила очередь Фукс, но она медлила, и так как никто не заходил, комендант, не открывая дверь, прокричал:

— Если все расписались, то, пожалуйста, Кран! Его голос звучал мягче. Ведь он понимал, что признания добиться легче, если с человеком разговаривать вежливо. Приказной тон не всегда успешен. Он уже был готов встать из-за стола и вежливо открыть дверь, как вместо Кран перед ним предстала Фукс со своими детьми.

— О, добрый вечер! Вы сегодня что-то так поздно, — и окинув её взглядом с головы до ног, добавил: — Вы неважно выглядите. Кто-то вас обидел? Вы мне только его назовите, я ему покажу! Вы ведь знаете, для вас я готов...

Он говорил без умолку и пришёл в себя, только увидев старшую дочь этой уважаемой женщины. Элеонору, стоящую за спинной Эльфриды, он до этого не заметил. После короткого молчания он сказал:

— Вы, вероятно, думали, что с ней что-то случилось, — он кивнул в сторону Эльфриды, — что она так поздно с работы пришла. Да и понятно. Матери всегда беспокоятся. Они не могут иначе. Таковы уж женщины. Моя, она тоже такая же. Не представляю, что бы она делала, если бы я в войну не был дома. Но у меня такая работа, что и фронта не нужно. Здесь ещё опаснее, чем фронте.

Фукс привыкла к таким речам и поэтому даже не вслушивалась. Она была рада, что дети с нею и что это удерживало его от обычных комплиментов. Но скоро она заметила, что и перед детьми он не очень-то стесняется. Пара стаканчиков, что он опрокинул в себя во время перерыва, развязали ему язык. Наконец Фукс не выдержала:

— Там вас кто-то ещё ждёт.

Ох, с вашим появлением я об этом совсем забыл. Вот видите, как вы привлекательны! Если бы не мой мягкий характер...

Не закончив фразу, он встал.

И что же теперь? — подумала Фукс.

Удивительно, но сегодня она не чувствовала страха. Её дети, когда комендант поднялся, сделали шаг к матери и окружили её кольцом. Он сел и пододвинул им листок для подписи фото.

— Ну, а теперь я желаю вам спокойной ночи! Скажите Кран, пусть заходит.

-Извините, Кран, я несколько задержался, но я думаю, мы быстро покончим с делом, — проговорил он, роясь в своей сумке. — А, вот она где!

Он положил на стол фотографию, пододвинул её к Анне и спросил:

Знаете ли вы этого молодого человека?

Чтобы видеть её, он поднял взгляд и увидел детей. — Мне с вами поговорить надо по секрету, а вы детей с собой притащили! Я вам что, неясно сказал, что дети должны идти спать или ещё что-нибудь делать, да по мне хоть кувыркаться в кроватях, но только не здесь находиться! — отчеканил он повышенным тоном. «Подождите за дверью», — прошептала Анна детям. Дети вышли.

Я еще раз спрашиваю, вы его знаете? — Да, я его знаю.

— Кто он?

— Это сын моей сестры.

— Хорошо.

Он начал читать:

— в 1940 году приехал в Молочанск для дальнейшей учёбы. У его матери, Елены Блок, не было для этого средств. Из-за войны не смог вернуться домой, попал в Крушвиц, где был призван на службу в немецкую армию. Всё верно?

— Да, — сказала Анна.

— Всё ясно, можете идти.

Этой ночью Анна почти не спала. Где теперь этот юноша? Может, где-нибудь в тюрьме? Этот короткий допрос давал надежду, что он ещё жив. Но тогда комендант продолжал бы задавать вопросы!

Она любила сына своей сестры как своего собственного, и от этого боль была ещё острее. Для Маргариты и Вальдемара он был старшим братом. Где он, и что с ним?

Чаша терпения переполнилась

Утром следующего дня вся детвора с 20-го километра собралась у бульдозера. Рабочие рыли и рыли вокруг бульдозера, но без значительного успеха. Временами казалось, что огромные гусеницы уже освобождены от ила, но вновь и вновь проваливалось это чудовище если не глубже, чем прежде, то, по крайней мере, на прежнее место.

Дети, стоящие на краю ямы, подавали всё новые советы, как вытащить бульдозер. Дядя Антон, да и другие рабочие были сыты этими рекомендациями. Наконец, кто-то предложил ребятишкам разойтись по домам. — Видал, — заорал в ответ Серёжа, тот самый, который неоднократно плевал в вёдра с водою и придумывал другие пакости, — видал, мы им мешаем! Мы что, вас сюда звали, вы — фрицы, вы — фашисты! Убирайтесь отсюда!

Другие мальчишки дружно поддержали его смехом. — Мало мы вас, фрицев, поубивали! — закричал и Шурка Белов, младший из них

и добавил пару ругательств. — Эй, вы, я видал на днях в кино, как вас, фашистов, чесали! Вот было здорово!

— Кое-кто из фашистов ещё остался! — Ну, тогда мы их сами истребим!

И уже полетели в яму первые камешки. Поскольку во взрослых не бросали, рабочие-немцы не реагировали на эту выходку. Даже бригадир дядя Антон молчал. Может, он себя тоже считал человеком второго сорта? Вальдемар несколько раз предупреждал ребятишек, но они продолжали бросаться камешками.

— Обед! — прозвучал голос бригадира. Все стали усаживаться и вытаскивать из сумок еду. Пока Вальдемар свою сумку разыскал, все места оказались занятыми. Оставалось свободным место впереди на бульдозере, где он доступнее всех был для нападающих. Поскольку он не был фашистом и не хотел таковым считаться, он почёл за трусость вылезти из ямы и присоединиться к старшим рабочим, поэтому сел на оставшееся свободное место, став при этом мишенью для кидающих.

— Вы гляньте только, этот фриц нас не боится! — закричал Шурка Белов. И снова полетели камешки. Некоторые из них пролетели рядом с головой Вальдемара.

-Ну фриц, ещё чуть-чуть и ты бы к своему кофе добавку получил! — продолжал Шурка.

Старшим детям это всё надоело, и они стали разбредаться. Вальдемар посмотрел им вслед, сожалея, что они уходят. Но, с другой стороны, он был этому рад. С оставшимися легче справиться.

Жуя свой хлеб, он раздумывал, как бы это сделать, когда увидел, что Шурка вновь нагибается за очередным камешком. Разогнувшись, мальчишка с силой метнул его в Вальдемара. Вальдемар ожидал услышать звон камешка о бульдозер, но вместо этого почувствовал острую боль в переносице. Камень нашёл-таки свою цель! Чаша его терпения переполнилась! Он вскипел от гнева, забыв о благоразумии.

Соскочив с бульдозера, он в два прыжка достиг Белова. Рывок — и мальчишка лежал под ним. В этот момент Вальдемар не подумал о последствиях своего гнева для себя и для своей семьи. И что самое печальное, он забыл, что Господу принадлежит отмщение, а не ему.

Другие мальчишки, увидев, как избивают их друга, разбежались, оставив их вдвоём.

— Я — фашист? Вот тебе за это! Я — фриц? Вот тебе за это! Уничтожить ты нас хотел? Вот тебе за это!

Ослеплённый гневом Вальдемар подтверждал каждую фразу ударом кулака. Когда его ярость утихла, он спустился в яму, раздумывая, что же он наделал.

Сперва Шурка Белов от неожиданности и страха не издавал ни звука, но теперь, оставшись один, он заревел изо всех сил:

— Мамочка, он меня чуть не убил! Ой, мамочка, где ты? Ой, ой, ой!

Сбежавшие с поля боя ребятишки разнесли весть об этом по всему участку, и вскоре она достигла и дома Беловых.

— Чего ты тут рассиживаешься, в то время как твоего сына избивают эти фашисты?! — принесла эту весть Беловой её соседка Граша.

Белова вначале не могла сообразить, о чём вообще речь идёт. Но когда услышала у дверей жалостные крики своего сына, то подбежала к нему и запричитала: О, моё золотое дитятко! Что они с тобой сделали?!

Ох, эти изверги! И зачем только их сюда прислали! Он хотят нас всех извести!

Она ощупала сына со всех сторон, не нашла ничего опасного для жизни и с новой силой закричала:

— Ну, подонки, подождите! Мы вам ещё покажем! Мы вас всех туда сошлем, где Макар телят не пас!

После работы Вальдемар, как обычно, пошёл в столовую, чтобы выкупить завтрашний хлеб. Его путь проходил мимо дома Беловых, но его никто не заметил. Конечно, он мог бы пройти и другой дорогой, но не хотел показаться трусом. Ему было страшно, но он собрал всё своё мужество, чтобы преодолеть этот путь. Зайдя в столовую, услышал он шепот, проходивший по рядам стоящих в очереди людей, и подумал: они говорят обо мне. Его чувства были раздвоены. С одной стороны он был рад, что смог отомстить, с другой стороны — ему было стыдно, что он не сдержался.

Когда подошла его очередь, он взял хлеб, вышел на улицу и пошёл опять той же дорогой, мимо дома Беловых. Издалека заметил он старшего брата Шурки, стоящего у двери и явно ожидающего его. Вальдемар похолодел от страха, но продолжал путь. Какое-то мгновение ему даже показалось, что Шуркин брат вовсе не намеревается рассчитаться с ним за младшего братишку. Он уже почти прошел мимо двора, как услышал резкий окрик:

— Как, ты хочешь мимо пройти! Стой на месте, ты, негодяй!

Вальдемар остановился, как вкопанный. Один миг и Юрка стоял перед ним:

— Как ты, уродище, смеешь меньших и слабее себя так избивать?! — и уже посыпались у Вальдемара искры из глаз. Удары кулаками, обрушившиеся на голову Вальдемара, были настолько сильными, что он едва устоял на ногах. Но он не мог защищаться, ведь в его руках была драгоценность — хлеб!

Совесть

Они знали друг друга уже давно, ещё до войны, когда семья Кран жила при школе в Молочанске, немецком селе в Украине. Вальдемару нравилось слушать эту жизнерадостную, разговорчивую женщину. То высоким, то вдруг становившимся низким, хриплым голосом привлекала она к себе всеобщее внимание. Она была русская, или, как она частенько подчёркивала — рязанская, но тем не менее немного

понимала по-немецки, а на диалекте могла даже хорошо разговаривать. Этому она научилась, живя после замужества в немецкой деревне. Он был немец и познакомился с нею, когда служил в армии санитаром. С первого взгляда влюбился он в эту красивую, весёлую девчонку, особенно, в её маленькие ножки. Любовь была взаимной, и она покинула Рязань, свою родину, и поехала с ним в Молочанск. В 1943 году вместе с другими немцами, жителями деревни, покинула она ставшие родными места и оказалась в Германии. Но и будучи беженкой, она не потеряла одно: свою русскую душу. Она сохранила свои русские чувства, мысли, ощущения, как хороший страж охраняет доверенные ему сокровища.

Нина, её дочь, многое унаследовала от матери, но она была немкой по отцу, и это сыграло большую роль, когда они были под нацистским господством. Но теперь, когда семья Майер, как и другие немцы, оказалась в ссылке, это обстоятельство было отягощающим. Но через несколько недель после их прибытия на 20-й километр всё начальство узнало, что Майер «настоящая русская из Рязани». Это сыграло в жизни семьи большую роль и улучшило их положение так, как они и предположить не могли.

— Мои дети не могут делать тяжёлую работу, — сказала она начальнику. — У Нины было кровоизлияние в мозг, поэтому для физического труда она непригодна. Но она могла бы делать умственную работу, она у меня очень образованная. В этом вы, товарищ начальник очень быстро сами убедитесь, если вы с ней поговорите. Посмотрев умоляюще на начальника, она продолжала:

— Нина ещё до войны была кассиршей в сберкассе городе Молочанске, и здесь она могла бы вам тоже очень пригодиться.

В то время в конторе на 17-м километре не доставало счетовода. После разговора с бухгалтером начальник согласился принять Нину на эту работу. В течение испытательного срока выяснилось, что Нина действительно была не только хорошим, но даже замечательным счетоводом.

О том, как она заняла эту должность, на участке в шутку рассказывали друг другу анекдот про бухгалтера, искавшего себе помощника.

«Местом помощника бухгалтера интересовались многие, и поэтому был проведён экзамен. В комнате ожидания уже сидели претенденты, когда зашёл экзаменатор. Он оглядел всех с ног до головы и спросил, нахмутив лоб: — Кто может сказать, сколько будет дважды два?

— Четыре! — поторопился один из претендентов.

— Можете быть свободным. Вы провалились, — сказал экзаменатор и продолжил экзамен: — Не забывают, речь идёт не только о математике, поэтому хорошо подумайте над следующим вопросом: сколько будет четырежды четыре?

Наступило молчание. Наконец, кто-то отважился ответить:

— Четырежды четыре будет шестнадцать, так, как если разделить шестнадцать на четыре, получится четыре.

— Вы тоже можете быть свободным. Возможно, где-нибудь в другом месте понадобится. Так, товарищи. мой последний вопрос гласит: если у меня в кассе 1000 рублей, а мне надо выдать зарплату в размере 1100 рублей, сколько денег останется в кассе?

Все присутствующие недоумённо переглянулись и уставились на него, не решаясь дать ответ. Наконец, один из экзаменуемых наклонился к уху бухгалтера и прошептал: — А сколько, по вашему мнению, должно остаться?

— Замечательный ответ! Вы сдали экзамен!»

Кроме счетоводческой работы Нине вскоре поручили и выдачу ссыльным продуктовых карточек. Настал день, когда ей доверили выдавать зарплату. Денег в кассе вечно не хватало, но это была не её вина.

Однажды она пришла на 20-й километр, чтобы выдать людям хлебные карточки за начинавшийся месяц. Это было в последний раз, когда карточки выдавались вперёд на целый месяц. В дальнейшем их выдавали за проработанный день.

Поскольку в обязанность Вальдемара входило обеспечение семьи продуктами, он после работы пошёл в столовую за хлебными карточками. Там уже было много людей, но поскольку Нина работала быстро, очередь уменьшалась с каждой минутой. Когда подошла очередь Вальдемара, Нина быстро взглянула на него, чтобы удостовериться, кто перед ней, полистала список, отметила что-то в нём, затем оторвала несколько штук карточек, которые были напечатаны на розовой бумаге, пересчитала их и передала ему. Бережно принял он их. Какое сокровище было в его руках! Три карточки по 600 грамм хлеба в день на работающего и две — по 300 грамм для неработающих! И это вперёд на целый месяц! Он заторопился, чтобы выкупить хлеб на следующий день, и сразу же пошёл домой. Дорогой осмотрел он хлеб со всех сторон, Он получил почти целую буханку. Продавщица отрезала только кусочек от неё. Вот если бы Хайфи работала, то буханка осталась бы целой, да и ещё кусочек вдобавок. Он вновь и вновь поворачивал хлеб из стороны в сторону. Жаль, что продавщица так точно отрезала! Вот если бы она чуть больше отрезала, то тогда ей пришлось бы маленький кусочек доложить. И он съел бы этот кусочек дорогой. Если бы этот кусочек был не толще его пальца, он мог бы его съесть, но кусочек чуть потолще надо было обязательно донести до дома и отдать матери. И корочка на этой буханке была целой. Ни с какой стороны нельзя было отломить хоть маленький кусочек. Сколь. ко ни крути её в руках, ничего не найдёшь! И чем дольше искал Вальдемар, где бы отломить хоть крошку, тем сильнее был соблазн отломить маленький, ну совсем крошечный кусочек хлеба и съесть его!

Нет, он не может этого сделать! Все домашние тоже голодны, как и он! Вальдемар был рад оказаться наконец дома.

— Даже кусочка лишнего нет! Что, продавщица так уж точно отрезала? — спросила Хайфи. — Ничего не было, — выдавил из себя

Вальдемар.

Мать взяла хлеб и положила его в сделанный Вальдемаром специально для этой цели шкафчик. Все проводили хлеб глазами. В комнате, как обычно после этого, наступила тишина. Никто не говорил ни слова, но внутри у детей бушевало. Они никак не могли понять мать. Почему она не хочет дать им с вечера хотя бы маленький кусочек хлеба от завтрашней порции?

Тяжелее всего было Вальдемару. Пятью годами старшая Маргарита со временем смирилась с действительностью. Тогда в лесу, когда они собирали клюкву, был, видимо, кризис. Мать часто вела с ней разговоры, и это облегчало ей жизнь. Конечно, и Хайфи голодала, но Вальдемар был уже работник и в то же время по возрасту был ребёнком. Он работал, чтобы заработать эти 600 грамм хлеба и нёс ответственность за семью, как взрослый, единственный мужчина в семье. Но в одном он не имел права голоса: хлеб, предназначенный на завтра, сегодня был неприкасаем. Это решала мать.

Он должен был заботиться, чтобы в доме был запас воды и дров. Даже заботу о недавно купленной козе взял он на себя. Если он всё это должен был делать, то почему тогда он не имел права хоть один раз сделать так, как ему хочется?! Конечно, он понимал, что всегда съедать с вечера хлеб, предназначенный на завтра, очень опасно, но ведь могла бы мать это хоть изредка делать! в этот вечер его мысли вертелись только вокруг хлеба. Чтобы отвлечься, он решил пересчитать хлебные карточки. Он совсем забыл их пересчитать, когда получал, так он был в тот момент возбуждён тем богатством, что оказалось в его руках. А вдруг ему не всё выдали? Как ему тогда за это ответить перед семьёй? Он обругал себя растяпой и вскочил за коробкой, в которую сложил карточки.

На столе разложил он их по количеству едоков. Так: эти две для Хайфи и для тёти Анюты, а эти три — для работающих. Слава Богу, все карточки в наличии! Странно, а это что такое? Ещё одна карточка для работающего! Он ещё раз всё пересчитал, переложив их по-другому, но нет, всё равно получалось, что одна карточка лишняя! У него перехватило дыхание:

— Мама, — закричал он, — мама, ну подойди же скорее! — Ну сынок, что ты так кричишь, словно я не здесь в комнате, а в лесу.

— Ты подойди, посмотри только! Мать подошла, посмотрела на аккуратно разложенные карточки, не заметив при этом ничего особенного. — Хорошую игру придумал ты для себя. Будь только с карточками осторожен, не выброси их нечаянно в мусор, — ответила мать и хотела отойти от стола и вернуться к своей работе, но Вальдемар задержал её: — Мама, ты что, ничего не видишь?

Оставь меня, Вальдемар, у меня нет на это времени. Мне ещё столько чулок заштопать надо, да и твои брюки надо починить, когда ты их перед сном снимешь. Мне опять до поздней ночи работать надо.

— Нина нам лишнюю карточку дала!

— Этого не может быть! — Посмотри, здесь их четыре!

Мать пересчитала:

— Точно, четыре!

Она уже почти готова была выразить радость по этому поводу, как с её губ помимо её желания сорвалось: — Но...

И Вальдемар автоматически продолжил за неё: — Мы должны лишнюю карточку отнести.

— Да, я именно это хотела сказать. Поторопись, а то Нина наверняка скоро уйдёт.

По дороге в столовую он размечтался: он отдаст карточку и в качестве вознаграждения получит возможность выкупить дополнительно буханку хлеба. Он принесёт её домой, сам её разделит и самый большой кусок отдаст матери! И наконец-то будет так, как он мечтал: в их семье однажды вечером все будут есть хлеб!

С бьющимся сердцем открыл он дверь в столовую. К его удивлению, здесь всё ещё была очередь из шести— восьми человек. Люди,

видимо, поздно пришли с работы. К его счастью, иначе Нина уже бы ушла.

Пока он ждал, его стали одолевать сомнения. Даст ли она ему талоны для целой буханки? в груди появилось гнетущее чувство. Ну ладно, уговаривал он себя, если не целую буханку, то хотя бы 1200 грамм, двухдневную норму наверняка отрежет она от карточки! Через некоторое время он был согласен и на 600 грамм. Ведь не может же

она отрезать от карточки меньше одного талона?! Чем ближе он приближался к сидящей за столом Нине, тем сильнее билось его сердце. Он наблюдал, как розовые хлебные карточки переходят из рук Нины в руки стоящих в очереди. Её сумка, откуда она их доставала, казалась бездонной. Так ли уж необходимо было возвращать эту карточку? А может, она сознательно подбросила им эту карточку, желая сделать добро? Он вспомнил, как Нинина мать однажды, когда они еще жили в Молочанске, сказала: «Анна Петровна, друзья познаются в беде!» Нет, он не может, не имеет права присвоить себе чужую карточку! Ведь Нине за каждую карточку должна дать отчёт! Возможно, она должна будет взамен этой отдать свою карточку?! Нет, он не сможет поступить иначе!

Ещё трое стояли перед ним, за ним — никого. Это его успокоило. Он принялся рассматривать Нинино лицо. Она выглядела совсем по-другому, чем те женщины и девушки, которые переносили этот ужасный голод. Её лицо, несмотря на то, что рот после перенесённого инсульта был несколько скошен набок, было полное и свежее. И цвет лица был другой, не такой серый, как у его сестры и матери. Даже в слабом свете керосиновой лампы казалось, что на нём лежит отсвет розовых карточек, лежащих на столе. Нет, она не голодает, подумал Вальдемар. Но карточку надо всё-таки отдать, продолжал он себя убеждать. Хотя бы ради чистой совести. — Всё, наконец-то я свободна, — сказала Нина. Увидав Вальдемара, она удивлённо спросила:

— Вы что, ещё не получили?

— Нет, получили, — ответил Вальдемар, с трудом выдавливая из себя слова. — Но вы нам одну лишнюю дали, — продолжал он, протягивая

ей карточку, крепко сжатую в костлявой руке.

— Ох, а я уж думала, куда я её дела, — сказала Нина неуверенно, опустив карточку в сумку, и решительно пошла к выходу, ни слова не сказав в знак своей благодарности или признания.

Дверь столовой захлопнулась за ней. Вальдемар долго ещё стоял на месте, поглядывая то на дверь, за которой скрылась Нина, унёсшая с собой нечто ценное, не восполнимое, унёсшая частицу его самого; то на свои руки, в которых только что было то, что подавало так много надежды, а принесло так много разочарования. В кухне позвякивала посудой кухарка. Через раздаточное окно из кухни в столовую доносился запах пригоревшего киселя. Лампы догорали, в них кончился керосин. Балки, почерневшие от коптящих ламп, от дыма папирос, запах остывшей еды, доносившийся из кухни, — всё вместе усиливало чувство одиночества. Чем слабее становился свет лампы, тем отверженнее чувствовал он себя. Ещё чуть-чуть и темнота поглотит последний луч света, а с ним вместе и последнюю надежду быть для кого-то нужным, последнюю надежду, что его вообще кто-то ждёт.

Последняя мысль ужаснула его. Это неправда, сказал он себе, иди скорей домой, тебя там с нетерпением ждут, там ты нужен! Он был уверен, мать поймёт его и сумеет утешить.

Переселение

Когда Эмма Фукс пришла домой, младшенькая дочь Иоганна уже спала. Скрип двери и шаги вошедших людей разбудили её. Она уже второй раз за вечер просыпалась. То, что дома никого нет, вызывало у неё чувство страха, не исчезающее и во сне. И сейчас, в полусне, она бормотала что-то о матери и коменданте. Мать наклонилась над ней и нежно прошептала ей в ушко:

— Спи же, спи, моё сокровище! Мы все дома. Спокойная улыбка появилась на личике, освещённом тусклым светом горящего фитиля. Девочка высунула руку из-под одеяла, поискала руку матери,

повернулась на другую сторону, и уже засыпая, попросила мать: — Мамочка, ты ляжешь со мной?

— Да, дорогая, сейчас. Спи спокойно!

Она только уселась за стол, чтобы обдумать всё прошедшее сегодня, как малышка, вскочив, закричала:

— Мамочка, он опять пришёл! Я никуда не уйду!

— Моё бедное дитятко! — мать нежно погладила головку дочери.

Когда всё это кончится? От этих частых нежелательных визитов коменданта дети, пожалуй, ещё нервнобольными станут. В последнее время он стал вообще нахальным. Сегодня вечером она это особенно сильно почувствовала. Как хорошо, что старшие дочери были с ней! И даже малышка Иоганна уже несколько раз спасла её в критических ситуациях тем, что не выходила из комнаты, когда приходил комендант. Эмма не уставала снова и снова повторять своей дочери: «Ни в коем случае не выходи из комнаты, если приходит комендант». И однажды девочка спросила:

— Но почему он так часто приходит к нам? Мать не знала, как всё, что происходит, объяснить малышке. Но после очередного неожиданного посещения коменданта, когда он разгневанный покинул комнату, Эмма сочла момент подходящим, чтобы всё, как есть, объяснить дочери.

— Ты ещё помнишь папу, доченька? — О, да, мамочка: он всегда меня целовал, приходя с работы. Он был такой колючий! А ещё я помню, что когда папу забрали, ты сказала, что может так быть, что он больше не вернётся.

— А что ты на это ответила? — Я..., — она запнулась и закрыла глаза длинными ресницами, — ... я сказала, что теперь он меня царапать не будет. Но если он вернётся, он может меня целовать, сколько хочет, — и быстро добавила: — Мама, а он вернётся?

При этом она так жалобно посмотрела на мать, что той глаза наполнились слезами.

— Доченька, я не знаю этого. Но одно я хорошо знаю, мы очень любили друг друга. Только нам очень мало суждено было быть вместе.

И чтобы дочери всё объяснить, она продолжила: — Видишь ли, а теперь находятся люди, как это — комендант, которые претендуют на нас, как папа. Нет — поправила она себя, — у папочки не было к нам претензий.

Расстроенная неудавшимся объяснением, она, глядя в большие глаза дочери, спросила:

— Ты поняла, что этому коменданту от нас надо? — Он хочет тебя, — коротко ответила Иоганна, — но я тебя не отдам! Я не оставлю тебя одну, если он придёт!

И с тех пор появление этого человека в военной форме так действовало на девочку, что она и во сне не могла успокоиться.

С тяжёлым сердцем, полным печали и заботы о младшенькой дочери, легла Эмма спать. Но сон не шёл. Его прогоняли воспоминания. Её муж был сыном кулака, и из-за этого ему приходилось нелегко пробивать себе дорогу в жизни. С большим трудом ему удалось закончить сельскохозяйственное училище. Потом они поженились. Она много раз уговаривала его, чтобы он женился на другой, так как она была ещё слишком молода, чтобы выходить замуж. Но он не хотел об этом даже слушать. Когда ей, наконец, исполнилось восемнадцать лет, они поженились, и вскоре, через год, у них появился первый ребёнок. Она часто вспоминала свой глупый совет, ведь тогда она не могла ещё себе представить свою жизнь без него. Тогда — да, а теперь? Теперь жизнь столкнула её с жестокой реальностью, и она должна всё выдержать без него!

На следующее утро Эмма, проверив свои запасы продуктов, констатировала, что почти ничего, кроме небольшого количества

овсяной крупы, у них не осталось. На сенокос Элеонора должна была кое-что взять, и тогда дома останется три чашки крупы.

— Слишком мало для всех нас, — сказала мать. — Поэтому нам придётся идти в деревню, чтобы что-нибудь обменять на что-то съестное.

Эльфрида была согласно идти, но что скажет её мастер Тараканов, отпустит ли он её? Впрочем, даже если его спросить, он всё равно не даст разрешения. Но, к их счастью или несчастью, мастер и сам в этот день не явился на работу, так как он переезжал на другой участок.

Его жена получила место воспитательницы в детском саду на 20-м километре, и поэтому они должны были переехать сюда жить. Но комната, которую им предоставили, была маленькой и, вдобавок, находилась в старом, ветхом бараке.

— Разве ты, как бывший советский офицер, не заслужил ничего лучшего? — ворчливо спросила она своего мужа, когда они осмотрели комнату. И обернувшись к начальнику, добавила:

— У ссыльных и то лучше комнаты, чем эта. Об этом моему мужу придётся поговорить на следующем заседании политбюро.

— Уважаемая товарищ Тараканова, — извинительно залебезил начальник. — Если вы не гнушаетесь среди переселенцев жить, то я вам тотчас же обеспечу комнату в новом бараке. Лучше всего, если мы сейчас туда пойдём и осмотрим комнаты. А вещи можно пока тут оставить.

Хайфи стояла в коридоре и мыла входную дверь, когда начальник с незнакомой парой зашли в барак и остановились у двери напротив их комнаты.

— Так, эта — одна из больших комнат. Если она вам снаружи нравится, мы можем сразу же осмотреть её внутри, — сказал начальник.

Здесь совсем по-другому, чем в том старом бараке, правда, Костя? — сказала успокоившаяся женщина. Тогда давайте посмотрим комнату изнутри.

Они зашли в комнату. Там находилась только одна маленькая девочка, которая с испугом и удивлением смотрела на вошедших. Два больших окна и русская печь так понравились Таракановой, что она сразу попросила мужа:

— Костя, прикажи принести вещи сюда! — Я вижу, вам комната понравилась. Я тот же час отдам приказ, чтобы комнату освободили.

Маленькая Иоганна мало что понимала по-русски, но достаточно, чтобы понять, о чём идёт речь. «Куда они нас теперь денут?» — подумала она.

Об этом начальник недолго размышлял. Он приказал пришедшему с ними рабочему Иохану Петерсу перенести все вещи из этой комнаты в комнату напротив.

Тот помедлил, так как знал, что в комнате Анны Кран едва достаёт место для её семьи, состоящей из пяти душ. — Как я всё это туда помещу, товарищ начальник? — нерешительно спросил он.

— Мне что, ещё и объяснять вам это надо? Вам был дан приказ освободить комнату! Извольте поторопиться!

Когда Анна Кран пришла с работы домой, в их комнате всё выглядело по-другому, чем раньше.

— Что тут случилось, почему кровать стоит перед окном? — поразила её она.

Её любимое место, с которого она так часто перед сном смотрела на усыпанное звёздами небо, было занято. Отсюда она в тяжёлые минуты взирала на величие Всевышнего, отсюда ей казалось, что она встречает взгляд мужа, тоже смотрящего в этот момент на небесный

свод. Но увидев маленькую Иоганну на чужой кровати, она всё поняла и без объяснений дочери.

Поздним вечером вернулись домой крайне уставшие за день сёстры Иоганны и её мать. Эмма уже тревожилась о своей младшенькой дочери, остававшейся дома. Когда она открыла дверь в свою комнату, зашла в неё, то по привычке взглянула в угол, где обычно на старом сундуке играла Иоганна, ожидая мать. Она уже хотела спросить, всё ли в порядке, как вдруг вместо дочери увидела сидящую за богато накрытым столом пару, которая вперилась взглядами в вошедших людей. Чужие люди на безмолвный вопрос так же безмолвно и дружно, словно сговорившись, показали указательными пальцами на дверь расположенной напротив комнаты.

А в комнате напротив их давно уже с беспокойством ожидали не только Иоганна, но и Анна Кран. Все были взволнованны их долгим отсутствием.

— Мапочка, — ликовала малышка, — а здесь даже лучше, чем там!

Может, она была счастлива потому, что понимала, что теперь комендант не придёт? А если и придёт, то она не одна с матерью будет!

Эмма молча стояла на пороге. Как они тут разместятся? — Мы уже подумали: девочки могут спать на русской печке, а ты с Иоганной на кровати, — прервала молчание Анна. — А днём перед кроватью можно поставить стол для еды. Ну а мы займём другую часть комнаты, — и она пригласила сестр всё ещё стоящих у дверей соседей.

— Ах, мамочка, всё будет хорошо! — опять вмешалась в разговор Иоганна. — Тётя Анна сказала, что в маленьком сарае найдётся место для многих терпеливых овец.

И вскоре Хайфи и Иоганна, несмотря на разницу в возрасте, стали неразлучными подружками. Маленькая, постоянно что-то напевающая Иоганна внесла в их жизнь нечто радостное. Это наполнило и Хайфи оживлённостью. И даже живущие в соседнем бараке сезонные рабочие радовались этому веселому, вечно бегающему вприпрыжку существу.

Они весело встречали обеих девочек и иногда даже угощали их, чем могли, например картофельной кожурой, которую девочки дома жарили на огне до коричневого цвета и тут же с жадностью поедали. Анна Кран и Эмма Фукс хорошо понимали друг друга. У них было много общего. Даже нехватка хлеба! Что бы они за него только ни отдали! Поэтому ничего удивительного, что когда однажды Эмма пришла домой с очень важным известием, и оно было обсуждено всеми членами обеих семей, было решено, как можно скорее отправиться испытать своё счастье.

Напрасный путь

Работа в бригаде дяди Антона шла своим чередом. Иллюзии Карстена снова вернулись, и происшествие с Шуркой Беловым и его друзьями было забыто. Ребята, когда отдыхали, по-прежнему мечтали о лучших днях.

— Послушайте, что мне в голову пришло, — начал разговорчивый Карстен, едва усевшись отдыхать.

Что это опять твой ум тревожит, ты ведь вечно в иллюзиях витаешь? — насмешливо спросил Вальдемар. — Жаль только, что от твоих фантазий ни крошки в наших желудках не прибавляется, — добавил Георг Холлах, самый младший в бригаде.

— Вы думаете, я опять о пончиках и белом хлебе буду говорить? Нет, мне нечто другое, очень важное, на ум пришло. Мы все расписались у коменданта, что нас сюда выслали на вечное поселение. Это мы сделали, потому что должны были это сделать. А теперь мой вопрос: кто из вас добровольно подпишется под тем, что он всю жизнь будет есть чёрный хлеб досыта и воду пить и при этом будет оставаться довольным? Прошу, кто согласен, поднять руку!

Он только проговорил эти слова, как руки всех присутствующих взметнулись вверх и даже те, кто обычно не реагировал на его фантазии, подняли руки.

— Глянь-ка, все без исключения согласны! — пошутил Карстен. — Это же подтверждает, что это замечательная идея! А вы меня высмеиваете.

В ответ на насмешливый взгляд Вальдемара он продолжил:

— Послушай, ты всегда умничаешь, а руку поднял один из первых и выше и дольше всех её держал. Наверное, подумал, что договор тот же час в силу вступит? Нет, мой дорогой, сперва надо найти того, кто нам это предложит; я ведь только сказал «если», а ты подумал, что это действительно так? Представляете, — мечтательно продолжил Карстен, — нам надо только найти того, у кого мы могли бы подписать такой договор, и тогда мы могли бы утром, в обед и вечером... — И ночью, — добавил Вальдемар.

— ...И ночью, — не дал прервать себя Карстен, — один кусок за другим... — он изобразил, что ест один кусок за другим. Это выглядело так подлинно, особенно когда он делал глотательные движения, что все вокруг замерли, представив себе это чудо.

Но тут прозвучала команда: всем приняться за работу. Эльфрида и Вальдемар работали вместе на левой стороне насыпи.

— Во сколько мы завтра должны выходить, я что-то не очень хорошо понял, — прошептал Вальдемар. — Уже в шесть утра. Мама решила, что она пойдёт с нами. Она считает, что это очень опасно, нас одних отпустить, — тихо ответила Элфрида.

— Мы бы и одни дорогу нашли, но если она хочет, то пусть идёт с нами, — и после короткой паузы Вальдемар добавил: — Вот будет здорово, если мы в детском саду за расколку дров каждый день досыта есть будем! этого больше толку будет, чем от мечтаний Карстена

— Знаешь, я считаю, что это совсем неплохо, что он фантазирует. Так быстрее проходит время и чувств голода становится меньше.

— А у меня всё наоборот. Его разговоры действуют на меня удручающе. Я втягиваюсь в них порой душой и телом, и тогда мне

кажется, что те блюда, о которых он рассказывает, уже у меня во рту и желудке. Но ведь это только внушение, приносящее разочарование. И это делает меня каждый раз слабее. Я лучше останусь в этой действительности, чем каждый раз мечтать о молочных реках и кисельных берегах. Да и для него это нехорошо. Ведь он своих внушениях так глубоко завяз, что когда ему Мухин скверность скверностей за еду предложил, он согласился с ним... Что это было, я тебе даже рассказать не могу.

Действительно, как страшен голод для человека! Он может сделать его вором. Так, например, группа юношей почти каждую ночь залезала через потайной ход в конюшню и крали овёс. Из него они варили кашу. Другие крали в лесу коз, резали их и съедали без угрызения совести, прекрасно зная, что эти козы принадлежат семьям, которым гораздо труднее, чем им. Случалось, что некоторые матери, подоив коз, выпивали молоко, а детям, ожидавшим с нетерпением эту драгоценность, говорили, что коза опрокинула подойник и молоко пролилось. Голод может сделать человека убийцей. И некоторые ими стали — как Библия и повествует (4 Царств 6:25— 30), — и если они не покаются, то будут отвечать за это пред Богом, который знает их имена!

Нет, уж лучше самому умереть! Но пока до этого не дошло. До тех пор, пока, приходят вести, подобные тем, которые сейчас вели их вперед надежда на лучшее оставалась.

Первые двенадцать километров были преодолены, хотя с трудом, но без особых препятствий. Дорога проходила через последнюю деревню их района. На краю деревни стояла церковь, единственное строение из кирпича. Гордо возносился в небо оваянный всеми ветрами церковный купол, словно говоря всем проходящим мимо: «Там, вверху, есть другая страна, которая от этой, земной, отличается, как небо от земли. И хотя путь в ту страну бесконечно долог, вы можете им идти и дойдёте до цели, если только в руководители своей души возьмёте Того, кто сказал: «Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»

(Иоанна 14:6).

Тяжёлая широкая церковная дверь произвела на Вальдемара другое впечатление. Насколько он знал, в Библии написано, что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Матфея 7:14). Для чего же эти широченные ворота? Для чего всевозможные ухищрения, чтобы вернуть людей во власть церкви? Впрочем, это уже давно ушло в прошлое, чтобы власти возвращали людей в церковь. Раньше, когда в России возникло движение штундистов, православная церковь силой возвращала пробужденных в своё лоно. Если не помогала лесть, то прибегали к принуждению, а если и это не помогало, то прибегали к последнему средству: кто не хочет вернуться в широко распахнутые церковные ворота, тот выселялся в широкую Сибирь, где судьбами людей повелевали бедность, холод, голод и болезни.

Штундисты выбрали Сибирь.

— Вальдемар, а что ты так рассматриваешь церковь? — спросила его Эмма Фукс, которая наблюдала уже некоторое время за ним и заметила, что с ним что-то происходит. — Она давно закрыта. Лет десять после революции церкви были ещё открыты, но потом правительство постановило закрыть большинство из них.

Вальдемар кивнул, он ведь уже знал это. Он также знал, что есть мёртвые церкви, но есть и живые. Он только не знал, есть ли где на свете такая церковь, которую можно зайти таким, как он есть, и которую, тем не менее, можно считать живой. Но он знал одного члена такой настоящей, живой церкви, и как это было замечательно, каждый день быть с ним вместе! Это была его мать. Она учила его молиться, рассказывала об Иисусе Христе — Спасителе мира, о Его страданиях за грехи всего человечества на Голгофском кресте. Хотя и тётя Анюта ему много рассказывала о Спасителе, всё-таки, если бы ему пришлось нарисовать лицо истинного христианина, то он выбрал бы не её, а материнское лицо. В ней было что-то, чего он не мог выразить словами. Она была членом вселенской церкви. Он же — нет. И печально было то, что он не знал, будет ли он когда-либо им. Но если будет, то только членом такой церкви, в которую ведёт тесная дверь.

Деревня давно осталась позади, и церковный купол тоже исчез за лесом. И мысли куда-то исчезли. Что осталось, так это непрекращающаяся боль в ногах! А позади только половина пути.

Немилосердно жгло солнце. Эмма заметила, что с ногами Вальдемара не всё в порядке, и предложила немного присесть. Услышав это предложение, Вальдемар тут же повалился на траву. Ноги от боли дёргались непрерывно, словно на них были верёвочки, за которые их кто-то дёргал, помимо его воли.

Сегодняшнюю пайку хлеба он уже съел. Оставалась одна картофелина, которую он быстро, почти не жуя, проглотил.

Семья Фукс не так сильно страдала от голода, как семья Кран. Кто-то из родственников снабжал их время от времени овсяной крупой. Поэтому в дорогу они смогли взять побольше хлеба. Детям, оставшимся дома, была сварена овсяная каша. Мать Вальдемара знала, что ему предстоит длинный, утомительный путь, но намного больше, чем обычно, она ему не могла дать при всём её желании. Он почувствовал новый приступ голода.

— Ну, как твои ноги? Можем мы идти дальше? — спросила Фукс и, не получив ответа, продолжила: — Ничего не поделаешь, надо идти дальше.

Вальдемар не знал, что и отвечать. Если он думал о предстоящей дороге и о том, что уже становится поздно, то он должен был ответить: идёмте как можно скорее. Но при малейшем движении ног боль была такой сильной, что охотнее всего он остался бы здесь и переночевал бы под открытым небом. Но он всё же согласился идти.

Вальдемар был так изнурён, что едва переставлял ноги. Каждый шаг был достижением.

Эльфрида, идущая с матерью метрах в пятидесяти впереди, тоже страшно устала, но её не мучили боли в ногах. Когда дорога пошла на холм, она сказала матери: — Мама, я думаю, он вот-вот упадёт!

Эмма Фукс остановилась и подождала мальчика. На него было жалко смотреть! Каждый новый шаг делал он осторожно, словно канатоходец, от которого требовалась высочайшая концентрация, чтобы не сорваться с каната.

До цели оставалось немного, но ему и этот короткий путь не одолеть. Фукс это понимала. И это действительно было так. И если бы он надеялся только на свои силы, он никогда бы не дошёл до цели. Слава Богу, и здесь нашёлся милосердный самаритянин, который обработал его раны вином и маслом и погрузил на своего осла. Нет, ни автомобиля, ни лошадиной упряжки, ни ангела, который бы ему помог — ничего такого они не встретили; во всяком случае идущие ничего не заметили. И сил у него не прибавилось, и боли в ногах не уменьшились. Но силы и не убавились, и боли не становились сильнее, и мужества не уменьшилось. И он делал шаг за шагом. И — о чудо! Когда солнце село, они зашли, наконец, в долгожданную деревню, хотя Вальдемар и тащился с трудом. Его довела до этого места материнская молитва, способная творить чудеса!

Сразу же у первого дома Фукс спросила женщину, что-то делавшую в сарае:

— Где здесь детский сад? Женщина внимательно оглядела незнакомцев одного за другим и ответила:

— Нет здесь детского сада.

— Но как так? Здесь должен быть детский сад! — Эмма с трудом сдерживала свои чувства.

— Детский сад здесь открыт только в период сенокоса, но как вы понимаете, сенокос уже закончен. Как утопающий хватается за соломинку, ухватилась Фукс за последнюю надежду:

— Может быть, у кого-нибудь найдётся работа для этих детей, чтобы они не умерли от голода?

Женщина посмотрела на них с пониманием и ответила: — Во всей округе люди страдают от голода. Недостает хлеба и картофеля. Вот если бы вы двумя неделями позже пришли, возможно, кто-нибудь вас бы нанял для сбора картофеля. Но сейчас... — она пожала плечами.

Вальдемар мало что понимал из-за страшной усталости, думая только об отдыхе и ночлеге. Женщина, сжалившись над измученными странниками, предложила остановиться на ночь у неё. Её жилище ничем не отличалось от множества домов, в которых они уже побывали. Такие же чёрные тараканы на потолке над печью, такие же клопы в щелях балок, куры, живущие под печью — всё это уж много раз видал Вальдемар других деревнях, в которых он собирал милостыню ради Христа! И если бы у этой доброй женщины отелилась корова, то они увидели бы в одном из углов кухни новорождённого телёнка, лежащего на соломенной подстилке. Так что и здесь были такие же условия. Кто знает, где в России жили крестьяне по-другому? Возможно, нигде.

С трудом забрался Вальдемар на указанное ему место на печи. Кирпичи на ней были так отполированы, что было ясно: здесь спали на голых кирпичках. Он лёг и попытался маленькое рваное одеяло, лежащее здесь же, натянуть частью на себя и частью подстелить под себя. Слой тараканов над печью его не тревожил. Он закрыл глаза и попытался заснуть. Но это ему не удавалось, так как дёргание в ногах не давало покоя. Ему казалось, что каждый нерв его натянут, как струна, и не даёт покоя телу. Беспокойство усиливалось от чувства давления во всём теле. Всё болело. Он попытался руками потереть ноги, но и руки не хотели слушаться. Как он завтра пойдёт домой? При этой мысли он совсем упал духом. Новое для него чувство тоски стеснило его грудь. Здесь оставаться он не хотел, да и не мог. А что делать? в конце концов усталость взяла своё и, всё ещё чувствуя дёрганье в ногах и боль во всём теле, он уснул.

Петух оповестил начало дня. Эмма Фукс проснулась от его крика и не сразу сообразила, где она. Но дочь, лежащая рядом, и боль в ногах напомнили вчерашний день. Всё стало ясно, кроме одного: что же

теперь делать? Но мысли прервались новым петушиным криком, и она осторожно разбудила дочь.

— Ты сможешь идти? — спросила она её. Эльфрида встала и решительно сказала:

— Мы попытаемся идти, докуда сможем, — но вдруг она вспомнила, что с ними Вальдемар. — Мама, но может ли он с нами идти?

Фукс так же осторожно, как и дочь, разбудила мальчика.

— Слазь с печи. Мы посмотрим, сможем ли мы идти домой.

Кусок хлеба на завтрак прибавил сил. Если бы только подошвы ног так не болели! Вальдемар медленно шаг за шагом шёл вперёд. Боль в ногах по сравнению со вчерашним днём меньше не стала. Деревня ещё не исчезла из вида, а ходьба давалась уже с большим трудом. Перед ними лежал ещё дальний путь, большая часть которого проходила через густой малопроезжий лес, действовавший на него так угнетающе. Дойдут ли они? с точки зрения человека — нет. Но «Он даёт утомлённому силу и изнемогшему дарует крепость» (Исаия 40:29). Это они почувствовали на этом бесконечном пути.

В начале пути они ещё перебрасывались словами, но когда половина дороги была уже позади, у них не было сил перемолвиться хотя бы словом. Казалось, молчанием они экономили энергию, которая была так необходима для дальнейшей ходьбы. С левой стороны дороги тянулись телеграфные столбы. Каждые пятьдесят метров

— один столб. Висящие на столбах провода блестели в лучах время от времени выглядывающего из-за облаков солнца. Молниеносно летели по этим проводам разговоры людей. Пока они делали шаг, слова успевали пролететь по проводам тысячи километров в обоих направлениях. «Как это чудесно! — думал Вальдемар. — Вот если бы человек мог превращаться в такую энергию, чтобы мы могли сразу оказаться дома!»

Но когда-нибудь дойдут и они до дома. Его мать уже много раз рассказывала ему о том, что придёт время Иисус Христос возьмёт к себе своих учеников, давно умерших или ещё живущих. Мать и проповедники называли это «восхищением». «Наверное, когда это произойдёт, человек превратится в какую-то энергию, иначе как бы он мог у Господа очутиться в одно мгновение?» — раздумывал Вальдемар. Как хотел бы он испытать это прямо сейчас! Там, у Господа, на улицах, выстланных золотом, ноги не будут спотыкаться о камни, пни и опавшие ветки!

Но было ли это, о чём он размышлял, для него? Разве люди просто так попадут на небо? Тогда там ничем не лучше будет, чем здесь! Если там будут Смирнов, Шагаров, Белов — тогда между небом и землёй вообще нет разницы! Нет, им там нечего делать! Они не должны туда попасть! А кто тогда? Его мать, его отец, его сестрёнки, тётя Анюта и, не в последнюю очередь, — он сам. На этом месте его мысли несколько застопорились. Тётя Анюта — да, а он — будет ли он там? Не он ли несколько дней назад из тайника у тёти Анюты украл немного соевой муки? Но ведь он этого никогда бы не сделал, не будь он так голоден! Это всё так, но ведь другие люди тоже оправдывают свои плохие поступки аргументами, которые тоже звучат очень благоразумно. Но быть с ними там, на небе?! Нет!

Он вспомнил, как в воскресной школе в Молочанске проповедник Роде рассказывал им о небе, о том, что туда попадут только люди, рожденные свыше. А он не был таковым. Так что никакого небесного царства ни для него, ни для его врагов! Это сознание его очень тяготило.

Десять отрезков пути, от одного телеграфного столба до другого, насчитал он, размышляя, что никакого небесного царства для него не будет, если всё в нём останется так, как было.

Он продолжил считать столбы, насчитал ещё пять и шёл дальше, не выпуская из виду единственную цель: очередной столб. Ещё пару шагов и он дошёл до столба.

Ещё несколько шагов — и столб позади! И опять новая цель! Тучи всё сильнее затягивали небо. Оставались последние 12 километров пути, и они решили немного отдохнуть.

Но после отдыха Вальдемару казалось, что он передвигается не на ногах, а на колодках. Как будто ноги ему не принадлежали. Эльфрида с матерью не могли смотреть на обессиленного мальчика, но ничем помочь ему не могли. А он тащился дальше. Ещё только вон до той толстой пихты, потом вон до той берёзы... Хоть бы дойти до Коржанки! Но вот они дошли и до этой речушки! Теперь оставалось ещё шесть километров. Вот дойти бы только до того поворота у толстой осины! Оттуда они наверняка услышат собачий лай. Наконец, дошли и туда! Ещё два километра, ещё четыре тысячи шагов! Ноги словно одеревенели.

Вечерний ветер доносил временами до них голоса женщин, зовущих своих коров, и мычание возвращающейся с пастбища скотины. Звучали колокольчики на шеях коров. Цель была совсем рядом! Он часто шёл этим путём с котомкой за спиной. Но такой путь, как сегодня, ему не приходилось ещё преодолевать. И хотя никакой груз не отягощал его плечи, ему было невыносимо трудно...

Наконец-то, в сотне метров, увидели они деревянные бараки. Нельзя ли тут немного отдохнуть, ведь цель уже так близка? Хорошо, что Эмма Фукс не согласилась на это, а то наверняка Вальдемар там и остался и его пришлось бы домой нести. Но он всё ещё шёл. Он не понимал, как он может это делать, но он шёл! Ещё десять метров, и они дома! Близость дома давала ему новые силы. Он преодолел и эти метры!

Ещё бы пять ступенек!.. И они оказались позади, он был дома!

Всё страшное напряжение этого долгого пути было напрасным. Но сознание бесполезности своего бытия было в нём сильнее, чем боль в ногах и теле.

Боль постепенно уменьшилась, но голод остался прежним. А небо было как и раньше, далеко, далеко!

Сладкое мясо с горьким привкусом

Наступила осень. День и ночь падали желтые, коричнево-красные листья с деревьев и кустарников. На земле лежал шелестящий цветной ковёр, который вскоре превратится в чёрно-коричневую массу, напоминающую как всё преходяще!

Анна Кран искала свою козу. «Марта, Марта», — звала она её, но та не отзывалась. Под большой осиной Анна остановилась. В такт падающим листьям зазвучала в душе осенняя мелодия, а потом пришли на память и слова этой чудесной песни. Когда-то пела она эту песню вместе с другими в хоре на празднике жатвы.

«Падают листья, гонимые ветром», — начала она петь, вспомнив слова. Но дойдя до слов: «без цели летящие...» — задумчиво замолчала. Деревенский учитель, дирижёр хора, однажды говорил о том, что жизнь человеческая подобна листьям: сегодня — зелёные, полные жизни, завтра — жёлто-коричневые, мёртвые. Но разница между человеческой жизнью и листьями большая: листья несутся по ветру без цели, но мы, люди, должны иметь перед собой цель. И мы должны всегда помнить об этой цели, чтобы не пройти мимо неё.

Она снова слышала его голос, этот спокойный, убедительный тон. Спустя несколько лет она стала его женой. А теперь? Она глубоко вздохнула. А теперь он лежит где-то в братской могиле на кладбище одного из множества лагерей Советского Союза. Об этом написал ей их бывший сосед. Муж был очень ослаблен болезнью и голодом, и его оставили в больнице. А они должны были следовать дальше. Вскоре он там умер. И там, где он лежит, сейчас кружатся цветные листья, такие же, как эти, что ложатся на холмик перед ней. Если бы это была его могила, она могла бы за нею ухаживать. К знает, как выглядит та могила, где он лежит?

Наконец-то пришли слёзы. Она снова могла плакать. Ещё до недавнего времени она не хотела верить, что больше они не встретятся. А, сейчас, смирившись этой мыслью, она вновь могла плакать, и слезы,

словно прорвав дамбу, не иссякали. Они будто бы вымывали из души то, что там так долго копилось и так долг было наглухо заперто.

Слёзы принесли облегчение. Сердце смирилось с утратой, и она смогла сказать себе: «Какая польза мёртвому от цветов на могиле? Он у Бога, и его мучения кончились»

Когда она вернулась домой, её уже ожидали дети, коза и гость. Дитриху Киршу было лет сорок пять. Его лицо привлекало к себе внимание широким носом и низким лбом. Тонкие длинные руки свисали с его плеч, как жерди. Он сидел у печи с опущенной головой и не поднял её, даже когда Анна вошла в комнату.

Что-то подозрительное было в нём. Или он был так слаб, что не мог реагировать ни на что, или у него на сердце был груз, который его так угнетал, что он не мог смотреть людям в глаза.

Анна взяла свою корзинку со штопкой и села за стол. Она уже начала штопку, а он всё ещё молчал. Наконец, она первой решила начать разговор, выяснить что же привело его сюда. Такие визиты нередко заканчивались смертью гостя. Ослабленные голодом люди, не имея сил ни на что больше, искали место, где, чувствуя себя защищенными, могли спокойно умереть. Найдя такое место, они садились и тихо уходили из жизни. Этого и боялась Анна. Поэтому она спросила гостя:

— Дитрих, что случилось? Ты так тихо сидишь, тебе что, нехорошо?

Не поднимая глаз, он начал: — Я, я, я... — помолчав, он продолжил: — Я давно себя плохо чувствую. Знаешь, — он бросил взгляд на Анну и вновь уставился в пол. — Знаешь, это всё голод... Я хотел бы, чтобы ты мне и вам всем что-то сварила. Анна испуганно подумала: что она может предложить этому бедняжке? Пару картошек? Но необходимое подкрепление он от этого не получит. Да и все картофелины были наперечёт: в день каждому по две штуки. Жира у них не было. И вообще, справедливо ли это, удержать жизнь в этом человеке на один-два дня, подвергнув при этом опасности жизнь сына и дочерей? А если ему ничего не дать, то он может здесь или, что ещё

страшнее, на улице умереть. Как она в этом случае ответит за это перед Богом?

— Но что я могу тебе, Дитрих, сварить? Свой суп мы уже съели, а затронуть завтрашний паёк... Мужчина её сразу понял и перебил:

— Я думал, может, ты это... — он показал рукой на стоящую у двери сумку. — Это нам сварить?

Только теперь заметила Анна сумку. Она встала, подняла сумку, оказавшуюся довольно тяжёлой, и открыла её.

— Мясо! Свежее козье мясо! — воскликнула она возбуждённо.

Она знала, что он жил один и что у него не было козы. Она также знала, что у людей время от времени исчезали козы. В таких случаях обычно говорили, что они стали жертвой рыси.

Может, Дитрих нашёл такую козу в лесу? Или он сам был «рысью», выследившей козу? Спросить его об этом? Ибо если он чью-то козу зарезал, не может же она это мясо варить! И отдать мясо хозяину она тоже не может, ведь она не знает, чья это была коза! Через пару дней станет известно, кто хозяин. Такое не оставалось секретом. Но бывало, что сразу исчезало несколько коз. И если это так, то кому она должна будет отнести мясо? Или может, это мясо от той козы, что исчезла три дня назад? Тогда говорили, что рысь несколько коз загрызла. Она ещё раз понюхала мясо, чтобы удостовериться, что оно свежее.

Поведение мужчины подсказывало, что не всё было в порядке. Он не смотрел в глаза, не говорил ни слова. Она думала, он умирает. Но это была только его совесть. Господь сохранил до сегодняшнего дня её козу от рыси и от «рысей», поэтому ей нелегко было решиться помочь этому вору в его просьбе. Её подозрение, что мясо воровано, подтвердилось тем, что, когда на улице слышались шаги, он с неожиданным проворством схватил сумку и спрятал её. Но никто не зашёл. Анна взяла мясо и снова положила его в сумку.

Все сидели молча. Дитрих, видимо, понимал внутреннюю борьбу, происходящую в Анне, поэтому не отваживался попросить её ещё раз, чтобы она сварила мясо.

Внезапно к Анне пришли другие мысли. Если этот мужчина, не поев, уйдёт и пойдёт к другим с той же просьбой, может ведь случиться, что в будущем он будет продолжать воровать. Едва ли кто-нибудь не скажет ему «Добро пожаловать!», если он снова придёт с мясом. Напротив, его будут раз за разом приглашать приходить с мясом. Может, будет лучше, если она ему сварит мясо! Ведь не обязательно с ним это мясо есть.

Она взяла мясо, положила его в кастрюлю с водой, развела огонь мелко нарубленными дровами, которые Вальдемар принёс из сарайчика. Вскоре вся комната наполнилась сладким запахом варящегося мяса. В эти времена — редчайший запах! И чем дольше вдыхали они этот запах, тем больше плоть, варящаяся в кастрюле, привлекала к себе плоть людей, ожидающих с нетерпением конца варки. Если до начала варки голос совести звучал в их душах, то сейчас звучал лишь голос плоти.

Наконец мясо было готово. Анна поставила кастрюлю перед гостем, который с жадностью взял кусок козлиной ляжки и начал, почти не жуя, кусок за куском проглатывать. Вдруг он вспомнил, что он здесь не один, и так же быстро, как ел, отделил кусок Анне, сказав при этом:

— Дай это детям, а себе возьми из кастрюли. Как сладко было мясо! Оно словно таяло во рту и исчезало мгновенно в желудке!

...Давно закончился вечер. Коптящий от недостатка масла фитиль говорил всем сидящим за столом, что уже поздно. Дитрих Кирш ушёл. Дети легли спать. Только мать сидела за столом с горьким чувством в сердце. Она по привычке подошла к окну, но не могла поднять глаза к небу. Опустив голову, она молила: «Господи, дух бодр, плоть же немощна. Но всё-таки, будь к нам милостив!»

Сжигание сучьев

Осень, вначале тёплая и сухая, закончилась дождём и холодом. Голые сучья лиственных деревьев качались от ветра на фоне серого неба. Дни становились всё короче, ночи — всё длиннее. Голод становился всё сильнее, жизнь — всё тяжелее. У всех оставалось мало надежды остаться в живых. Число умерших людей увеличивалось с каждым днём. Тот день, в конце которого все члены семьи могли пожелать друг другу спокойной ночи, был благословенным днём для этой семьи.

Летом из-за опасности пожара сучья поваленных деревьев не сжигались. Эту работу начинали после первых осенних дождей. Обычно для неё освобождали на определённое время всех рабочих лесопункта.

От 20-го километра до места работы было всего два километра. Среди рабочих, почти исключительно женщин, были и старые, и средних лет, и дети. По узкой лесной тропе шли они медленно и неуверенно, словно боялись, что каждый следующий шаг будет последним. Ещё полгода назад они оживлённо общались по пути на работу. Теперь царила мёртвая тишина, прерываемая шарканьем подошв, треском сучьев, звуком дождя и воем ветра — человеческих голосов слышно не было. Выжившие находились теперь в одном положении, все были близки к смерти. Администрация лесопункта это тоже видела, но неумолимо требовала, чтобы люди ежедневно были на рабочем месте. Отсутствующий на рабочем месте лишался на этот день дневной пайки хлеба. Теперь было достаточно один-единственный день не выйти на работу, чтобы стать покойником!

Толстая Маруся была, как и прежде, проверяющей в этой «долине смертных теней». Её появление показывало людям, что они находятся на рабочем месте. Сейчас делалось только крайне необходимое: поддерживался огонь, около которого люди собирались, чтобы согреться. Это было даже хорошо, что Маруся хоть изредка появлялась здесь, а то они перестали бы собирать сучья и этим поддерживать огонь, так необходимый для их жизни. Ведь большинство так опустилось, что им было всё безразлично.

У одного из костров сидели Вальдемар с Маргаритой, Эльфрида с Элеонорой, а также сёстры Инга и Элла. Метров в ста от них

у другого костра грелись Карстен с сестрою и ещё несколько человек. У третьего костра, образующего с этими двумя треугольник, сидели женщины: Шнейдер, Шевчук и такая разговорчивая раньше Параска.

У Шевчук сегодня было особенно тяжело на душе. Ее маленький сын не хотел сегодня, чтобы она шла на работу.

Он был не совсем здоров, Она сидела у костра и раздумывала. В её ушах всё ещё звучал голос малыша. Он сегодня был особенно настойчивым, То просяще, то требовательно кричал он: «Я хлеб хочу! Понимаешь, хлеб!» Он протягивал к ней свои костлявые ручонки и смотрел на неё своими большими, голубыми, глубоко провалившимися глазами, которые словно молили: «Мамочка, я прошу в последний раз!»

А она ничего не могла ему дать! 150 грамм, выдаваемых на ребёнка, были уже съедены, а от того кусочка, что получала она, она не могла отдать ему больше того, что отдала, если сама хотела остаться в живых. Или всё-таки надо было сегодня отдать свой хлеб ему? Если бы она теперь могла, она бы это сделала, а там — будь что будет!

— Маруся идёт, — прошептала Шнейдер. Все сидящие медленно поднялись. Уже и так пора было подбросить сучьев в костёр, который норовил погаснуть. От вновь подброшенных сучьев поднялся дым. Тяжёлый сырой воздух не позволял ему подниматься вверх. Дым стелился понизу, не давая стоящим у костра дышать. Неужели и они так согрешили, как Каин, что дым не поднимался? Но такие мысли навряд ли кому из них на ум приходили. Они думали лишь об одном: «Хлеб!» Но кто был виноват, что его так недоставало?

Этот свирепствующий голод был следствием Второй Мировой войны. Если полистать назад кровавые страницы истории, неотвратимо наткнёшься на тех, кто был причиной Первой Мировой войны, а дальше — в 19-е столетие, в 16-е, дальше назад и когда-нибудь наткнёшься на Каина, первого убийцу. Но и это убийство — следствие непослушания его родителей. А они в свою очередь, были соращены заклятым врагом всех истин. Конечно, каждый человек будет нести ответственность за свои грехи, но весь груз всех согрешений будет

в итоге лежать на зачинщике всего зла в мире — на сатане! Как велико будет его наказание, когда он будет пожинаать то, что посеял? А ведь есть ещё люди, которые утверждают, что он, сатана, будет спасён! А другие мнят, что Господь его уничтожит! Но в Библии, а это Вальдемар знал уже тогда, написано совсем другое: «...а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Откровение 20:10). Маруся ушла, и все сели снова к кострам. Обычно она подходила к каждому костру, но сегодня, побыв у первого, сразу ушла домой.

— Мне кажется, у неё сегодня нет времени, — тихо сказала Маргарита, когда Маруся исчезла за деревьями. — у неё день рождения. Опять ночь будет беспокойной.

Первую беспокойную ночь они пережили на вторую ночь после их прибытия на 20-й километр. Они так устали от непривычного напряжения, что рано легли спать. Но где-то в середине ночи громкий топот, раздававшийся снаружи, разбудил Маргариту. Вначале она думала, что это сон, и отвернулась к стене, натянув на голову одеяло. Но топот не прекращался. Она завернулась плотнее в одеяло. Снаружи стало тихо. Но вскоре всё повторилось, и она уловила в этом топоте определённый ритм. И только когда заиграла гармошка, повторяя одну и ту же мелодию, она поняла, что где-то пляшут.

Она ухмыльнулась, вспомнив это. — Чему это ты улыбаешься? — спросил Вальдемар сестру.

Он сердился. Для него во всём белом свете не оставалось ничего, что могло бы заставить его улыбнуться. Даже буханка хлеба. Съешь её, а голод останется. Всё было бессмысленно. Разве сестра этого не видела? Или она уже плохо соображает? Но если бы он мог читать мысли сестры, то понял бы, что это у него не всё в порядке с головой, а не у неё. Раньше, в школе, он читал наизусть длинные стихотворения, не запинаясь. А сейчас всё ушло. Даже из своего любимого стихотворения «Восточно-пруссский род» он помнил лишь слова: «...корова с белой звездой». Всё остальное как водой смыло. Ни слова не помнил. А у сестры была ещё хорошая память. Может быть, это из-за мяса, что они прошлое лето почти каждый день ели? Нет, это

были не перепела. Но милосердный Бог кое-что другое дал им в пору сенокоса: лягушек. Острые глаза девчат всюду настигали этих зелёных обитателей болот. И даже выпученные глаза не защищали лягушек. Их ловили и до вечера сохраняли в широких штанинах шаровар, снабженных внизу для защиты от гнуса резинками. Иногда вечерами варили до пяти лягушек. Может, их мясо и спасло память Маргариты?

Теперь, поздней осенью, все лягушки попрятались в своих зимних «квартирах».

Впрочем, Маргарита в этот момент вовсе и не думала о лягушках, её мысли были заняты Марусиным днём рождения. Почти год назад они с Элеонорой сшили Тараканову на день рождения кисет. После этого он стал к ним относиться по-другому. От этого грубого мужика они больше не слышали матов, а так как он от радости показывал подарок почти каждому, при этом подчёркивая, что этот подарок ему сделали две немецкие девушки к его дню рождения, всем вскоре стало известно, кто такие эти дарильщицы. Это дало повод к глупым сплетням, поэтому теперь девушки решили никакого подарка Марусе не делать, чтобы опять не вызвать разговоры.

Шевчук ещё не дошла до дома, когда ей навстречу выбежал старший сын и сообщил, что маленький Эдуард умер.

Так и получилось, как он сказал: «Если не дашь мне хлеба, то придёт ангел и заберёт меня», — сказала Шевчук и горько заплакала.

На другой день маленькое, исхудавшее тельце Эдуарда было завернуто в старое одеяло и предано земле. Теперь уже могила стала жилищем для этой оболочки, которая так мало жила и так много страдала. Жилище же его души выглядело по-другому. Как он по-детски и мечтал, донесли ангелы его душу до Иисуса, и он, Наш Господь, отрёт Своею рукою его слёзы. Какое блаженство должна была при этом испытать детская душа!

Когда Вальдемар и его сёстры разговаривали об этом с матерью, он почувствовал беспокойство. В его душе царил разлад. В нём словно бы зависть была к судьбе Эдуарда, который теперь был избавлен

от голода, холода, от всех страданий! И тут же со страхом поставил он себе вопрос: а если бы это был я? Он ведь не был безвинным дитём, как Эдуард. «Если вы не станете, как дети...»

Мать с любовью и состраданием смотрела на сына. Она чувствовала, что в нём что-то происходит, что-то, что требует решения. Она была слишком усталой, чтобы быть уверенной, что те ответы, которые она может дать на его вопросы, будут верными ответами. Она могла только молиться: «Господи, замени ему отца! Помоги ему! Он нуждается в Тебе!»

Перед сном она рассказала детям, которые, впрочем, уже не были детьми, две притчи. Одну — о капитанском сыне, который в бурю не покидал палубу, так как его отец стоял у штурвала; вторую — о маленьком мальчике, который шёл с отцом через лес, и при ходьбе всё крепче сжимал руку отца и всё сильнее прижимался к отцу, при этом говоря: «Отец, я с тобою ничего не боюсь!»

В долине смертной тени

«Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка тёмная была!» — пел Чистяков, без стука входя в комнату, в которой жили шестеро русских девушек. Но в комнате их не было, скорее всего, они были в столовой на ужине. Но зато здесь была Эрна Белитц, работавшая в этом общежитии уборщицей. Начальник этому был только рад! Он давно интересовался ею. И раньше, будучи трезвым, он пытался за ней «ухаживать». До сих пор ей удавалось избежать его домогательств. В конце концов, он должен был понять, что у него нет шансов в этом «ухаживании». Ведь она неоднократно ему говорила, что скорее умрёт, чем согласится на его требования. Может быть, он на этот раз и не хочет ничего от неё, а просто пришёл к какой-нибудь девушке, что живёт в этой комнате? Но их не было дома, и она поспешила опередить его вопрос:

— Девушки в столовой, — она боялась, что он опять будет её спрашивать, не решила ли она ему уступить в обмен на лучшую жизнь.

— Так это же замечательно, что никого нет! Чтобы их вообще не было!
— и, как всегда, продолжил: — Да не бойся же меня, я тебе ничего плохого не сделаю!

Она лихорадочно соображала, как ей лучше всего добраться до двери. Но он был не настолько пьян, чтобы не заметить этого, и сделал шаг к двери. Путь к отступлению для Эрны был отрезан. Она радовалась, что у него только одна рука!

— Выпустите меня, мне надо принести горячую воду, — попросила она.

-Пожалуйста! Кто тебя держит? Пока она обдумывала, как ей проскользнуть мимо него, он сделал шаг в сторону, освобождая тем проход. Но как только она оказалась вблизи, он набросился на неё и швырнул её на кровать. В его единственной руке было куда больше силы, чем в её обеих, это она почувствовала сразу. Её охватила паника. Что делать? И внезапно пришла мысль: кричи как можно громче! И она закричала изо всех сил:

— Помогите! Помогите же мне! И каким бы пьяным Чистяков ни был, он понял, что сейчас придёт помощь. Он оставил Эрну, лежащую на кровати и ушёл, впрочем, не очень-то торопясь. Эрна дрожала всем телом. Она боялась выйти из комнаты. Что, если он стоит у дверей и поджидает её? Но её страхи были напрасными, так как дверь открылась и зашли две девушки, жившие здесь.

— Что это с моей кроватью? — недоуменно посмотрела маленькая Августка на свою кровать. Но когда она увидела растрёпанную Эрну, которая лихорадочно приводила в порядок свои взлохмаченные волосы и платье, то сразу всё поняла.

— Ты посмотри, что только этой свинье в голову не придёт! Где-то день рождения отметил, а сюда пришёл удовлетворить свою похоть! — и, обернувшись к Эрне, спросила участливо: — Но ведь ему ничего не удалось? — И не удастся, пока я жива! — сквозь слёзы сказала Эрна.

Августка покраснела от гнева и посоветовала Эрне: — Если он к тебе ещё раз пристанет, дай ему между ног изо всех сил ногой! — она быстрым движением показала, как это надо сделать и продолжала: — Тогда у него точно пройдёт желание приставать к тебе.

Домой Эрна пришла в подавленном настроении. Мать и сестра уже ждали её.

— Ты выглядишь такой усталой, опять пришлось так много воды носить? — спросила её мать, женщина лет пятидесяти.

Её когда-то тонкий нос стал острым; скулы, казалось, подпирали глаза. Она была когда-то красивой женщиной, это было видно по фотографии, висящей на стене. На ней она была снята с мужем вскоре после свадьбы. Короткими были годы счастья. Уже давно, как почти все женщины здесь, была она вдовой. «Лучше человеку не жениться, таковые будут иметь скорби по плоти, так говорил еще Апостол Павел», — говорила она часто своим дочерям. Сейчас у неё было только двое детей, а раньше... «Жизнь тяжела», — и это замечание слышали её дочери часто. А теперь эти слова она слышала из уст дочери.

— Это не тридцать ведер воды виноваты, хотя мне и приходится тащить их в такую даль...

Она замолчала, раздумывая, не рассказать ли всё, как было, матери? Не только замужние испытывают «скорби по плоти», незамужние девушки — тоже. Мало кто из девушек не испытывал того же, что и она. Была бы она замужем, были бы у неё дети, она была бы от такого защищена? Ей пришли на память Фюрстенберг и Дармстет: молодые женщины, а разве им было легче, чем ей? Никто не мог сказать Фюрстенберг, где её муж. После его ареста от него не было никаких слухов. Жив ли он? Молодая женщина могла почитать за счастье, что никто её до сих пор не тронул. А Дармстет? Сколько ей пришлось вытерпеть от коменданта! Нет, им тяжелее, чем ей — решила Эрна. Они вдобавок ко всему ещё и беспокоились о своих мужьях. Вернутся ли они когда-нибудь из заключения? Ей хотя бы не надо было проливать слёзы о муже, как это приходилось делать

замужним женщинам, не знаящим, где их мужья, или как это делали вдовы. — Если это не таскание воды тебя так утомило, то что ещё? — спросила её мать.

-Ах, мама, всё образуется! Давайте лучше ужинать, уже поздно.

Она бросила взгляд на полку, где лежал хлеб, так соблазняя её. Но на столе уже стояли тарелки и кастрюля с супом. Вода, тёртый картофель, чуть соли — такого супа надо было минимум два литра съесть, чтобы наполнить желудок. Пока Эрна хлебала суп, её взгляд так и тянулся к полочке с хлебом. Наконец она не выдержала и попросила мать дать ей кусочек. Но мать была неумолимой. В то тяжёлое время редко кто проявлял такую твёрдость характера, но именно это качество матери помогло им всем выжить.

— Дочь моя, — сказала мать, — не я должна тебе запрещать есть завтрашний хлеб, а ты сама. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать, что мы переживаем тяжелейшие за последние два года дни. И сколько людей ушло за 17-й километр (там было кладбище), ты знаешь не хуже меня!

— Я знаю лишь одно: я хочу хлеб! И если ты мне его не дашь, то я его сама возьму! Я достаточно взрослая, как ты сказала, чтобы решать это самой!

Эрна была так возбуждена, что ложка дрожала в её руке.

Мать долго смотрела ей в глаза:

— Я понимаю, что в тебе говорит голод. Но одно я тебе скажу: если ты хочешь, чтобы я оставалась твоей матерью, тогда не делай этого. Ты будешь когда-нибудь благодарна мне за мою твёрдость. Сейчас иначе поступать нельзя! Вспомни о Мюльштейнах.

Эрна дохлебала суп, встала из-за стола и тут же легла в кровать. Мать и сестра уже давно спали, а она всё не могла уснуть. Ей уже двадцать восемь лет! Разве она не может сама за себя решать, когда, сколько и что ей есть! Почему всё за неё должна решать мать? Почему сегодня,

когда голод силён, как ещё никогда, она не может съесть кусочек хлеба от завтрашнего пайка? Встань и съешь ты, трусиха! Она подняла голову, чтобы взглядом найти полочку с хлебом. Она должна где-то слева висеть. В комнате было очень темно, но она и без света знала, что полочка висит у окна, а на ней лежит то, что было предметом её искушения. Отбросив одеяло, она хотела встать, но какая-то сила удержала её. Она забеспокоилась: это же смешно, что она не в состоянии встать! Три шага и она у цели! Но вдруг, как эхо, прозвучало в ней: этим ты отказываешься от матери!

Ну, вот ещё! Теперь ещё и совесть её мучает! в конце концов, не она от матери отказывается, а мать от неё! Ей столько сегодня пришлось вытерпеть. Мать об этом и понятия не имеет. Возможно, поэтому её и мучает так голод? Мать могла хотя бы спросить, что с нею. Да если бы мать была такой, какой старалась казаться, тогда она точно бы об этом дочь спросила! Кто дал ей право быть такой неуступчивой? Эрн снова вспомнила своё сопротивление начальнику. Хотела бы я видеть, что ты в моей ситуации сделала бы! в ярости сжала она кулаки. Против кого была направлена эта ярость, она и сама не знала. Но сколько же может длиться этот ужас?!

— Я не могу больше, я не хочу больше, — рыдания сотрясали её. Мать и сестра были слишком изнурены тяжёлой работой, чтобы услышать её. Они спали, а в душе у Эрны зрели страшные мысли:

— О, если бы я только могла! Что могла? Что ты, собственно говоря, хочешь? — спрашивала она сама себя, почувствовав боль в сжатых кулаках. — На кого ты поднимаешь эти кулаки? Ведь не на мать же? На начальника? На эту невыносимо тяжёлую жизнь? На себя? И внезапно пришло отрезвление. Она продолжала сидеть на краю кровати. В комнате было холодно. Она натянула на себя одеяло и затихла в раздумье. Мать хотела, как лучше, и, конечно, была права. От семьи Мюльштейн осталось только трое детей, все остальные были на 17-м километром. А всё почему? Потому что каждый думал только о себе, жил и действовал, как хотел. В их семье не хватало той материнской любви, которая в критический момент может сказать твёрдое «нет!» Если бы она сейчас съела хлеб, то что было бы с ней

потом? Какое счастье, что она этого не сделала! Да, это так, без материнского категорического «нет!» она съела бы хлеб, и тогда в будущем ею руководил бы голод, а не разум. Наверное, мать молилась за неё. Но почему она сама не молится? Ещё два года назад на одном из воскресных собраний она отдала своё сердце Иисусу Христу. При воспоминании об этом у неё потеплело на сердце. Она вновь увидела себя в церкви. Слова проповедника Айххорста, которые он читал из Библии, а затем излагал, нашли отклик в её душе. Божьи слова словно сняли пелену с её глаз, она увидела себя такою, какая она есть, и стала громко молить Бога о прощении. И милосердный Господь подарил ей уверенность в прощении её грехов. Как хотела бы она снова побывать на богослужении! Но зачем зря желать того, что невозможно? А разве нельзя здесь, в тайге, иметь богослужение? Да, но кто будет его вести? Ведь здесь нет ни одного брата. А может, все-таки стоит попробовать с верующими женщинами начать проводить молитвенные собрания? Ведь не так много для этого надо: собраться вместе, молиться и петь, это ведь тоже будет служением Богу. И с этими мыслями она наконец-то уснула.

А утром, перед уходом на работу, она сказала матери: — Я вчера долго не могла уснуть. Размышляя, я поняла, что ты для меня хотела только хорошего. Как замечательно иметь такую мать!

Она посмотрела на хлеб, который мать положила в мешочек, чтобы дать ей с собой, и добавила:

— Иначе мне сегодня нечего было бы есть. Глаза матери наполнились слезами. Дочь взяла ее руку, поднесла к губам и нежно поцеловала. Всё было понятно без слов.

Подруги

Каждый день был похож на другой в этой «долине смертных теней». И сегодняшний день был не исключением. Особенно тоскливым было настроение в маленькой группе, где работали Эльфрида и Инга с Ольгой. Это было так не только потому, что физически они ослабли — силы у них и вчера было не больше, чем сегодня — а потому, что

зачинщик всего злого сегодня с самого утра играл свою игру. Да и как по-другому, ведь там, где смертные тени, там в непосредственной близости и находится сатана! Никто здесь не защищён от искушения, его серые тени, словно мелкая роса, ложатся на сердца людей.

Эльфрида, светловолосая, стройная девушка с голубыми глазами и лицом, усеянным веснушками, и Инга, несколько неуклюжая, с нежным взглядом серо-зелёных глаз, очень милая девушка, были, по мнению всех, неразлучными подругами. И даже на рабочем месте им удавалось почти всегда быть вместе. Они сами думали, что нет силы на свете, которая смогла бы их разлучить; даже характером они приспособились друг к другу. Инга была немного вспыльчивой, зато Эльфрида своим умением всё основательно обдумать, часто могла исправить то, что из-за вспыльчивости Инги могло бы плохо закончиться. Она это делала с материнским пониманием, и поскольку Инга это по-детски с доверием принимала, оставались они подругами. «Друзья познаются в беде», — девушки неоднократно подтверждали пословицу своей дружбой. Но сегодня их дружба подверглась такому испытанию, как ещё никогда.

Ещё с утра, по дороге на работу, Инга была недовольна своей подругой, так как считала, что та должна была ее подождать. Но Эльфрида решила, что на этот раз она должна уважить просьбу своей сестры, которая попросила не оставлять её одну. Так и начался этот день напряжённой атмосфере. Обычно живо общающиеся во время работы девушки сегодня молчали. Даже Марусин визит, которая после удавшегося празднования своего дня рождения была в очень хорошем настроении, не смог им вернуть их приязнь. Маруся, подмигнув добрыми блестящими глазами, спросила их:

— Ну, вы, неразлучные! Что так печально смотрите? Кто-нибудь из вас болен? Да ладно, всё будет хорошо!

На этот раз надсмотрщица не нашла к чему придраться. Маргарита, подбрасывавшая сучья в огонь, сказала вслед уходящей Марусе:

— Смотри-ка, она и без нашего подарка в хорошем настроении. Наверняка день рождения удался.

— Наверное, — кивнула Элеонора и продолжила: — Мама слышала в детском саду, что отмечали не только день рождения Маруси, но и её помолвку. — Ага, поэтому она так сияет.

В группе, где работала Шнейдер, тоже говорили об этом. Одна из женщин сказала: «Хорошо, если бы каждый день был праздник. Маруся была бы всегда довольной». Её поддержали другие женщины, до этого удручённо молчавшие. Только Шнейдер молчала.

— Что это ты сегодня такая, Ольга? — спросила ее соседка. Ольга помолчала, потом повела головой, словно ища подходящее слово, выругалась и добавила:

— Эти ухажеры торчат у меня в глотке! Не понимая, что это должно означать, женщины переглянулись и замолчали.

От группы к группе прошёл слух, что сегодня не надо оставаться до пяти часов вечера, так как у Маруси хорошее настроение, и она не придёт к концу рабочего дня с проверкой. Ей не до этого, она скоро выходит замуж. И многие покидали уже свои рабочие места.

— Сейчас только четыре часа и уже домой идти? Разве тогда мы получим наши 600 грамм хлеба? — спросила Элеонора.

— Да, конечно, — сказала Элла, — она ведь дала нам понять, что мы можем раньше домой идти. Да и вообще местные люди суеверны очень. Этим она хочет обеспечить себе счастливую семейную жизнь.

— И сколько же часов или дней счастливой семейной жизни она себе этим обеспечит? — насмешливо спросила Маргарита. И, пересчитав всех работников, а их было по 4-5 человек у каждого из десяти костров, сама же дала ответ: — Сорок пять часов счастья — слишком мало для жизни!

— Наверняка Маруся ещё что-то хорошее сделала, предположила Элла, — и тогда она к этому ещё пару часов счастья заработала.

Разговор прекратился, так как Вальдемар уже пошёл домой, а Маргарите нельзя было отпускать его одного, он был слишком слаб и мог по дороге домой упасть без сил. Теперь она осматривалась: куда это он пошёл, какой тропинкой? Неужели опять прямо через лес?

— Девочки, мне надо догнать брата. Пожалуйста, подбросьте оставшиеся сучья в огонь, — Маргарита побежала догонять брата.

— Подожди, мы тоже с тобой, — отозвались, словно сговорившись, Элла и Элеонора. — А вы добросайте ветки в костёр, — попросили они Ингу и Эльфриду.

Подруги остались у костра вдвоём. Торопливо начали они бросать оставшиеся сучья в ярко горящий костёр. Но не окончив обход костра по окружности, они остановились. Каждая сочла, что свою половину работы она уже сделала. Эльфрида, обычно такая терпеливая, выпалила:

— Знаешь что, с меня довольно! Ты привыкла, что я всегда делаю больше тебя, если мы вместе работаем.

Думаешь, я и сегодня за тебя работу сделаю? Нет, моя дорогая, ошибаешься! Видишь, вот моя половина, — и она начала измерять палкой, которая с начала этой работы была у неё в руках, ту часть круга, с которой она убрала ветки. — Я свою часть работы уже сделала!

Так измерять, как ты это делаешь, и я могла бы! Тогда тебе осталось бы ещё больше, чем ты мне оставила!

Ах, теперь подруга её ещё обманщицей считает! Нет, такое стерпеть Эльфрида не могла!

— Смотри внимательнее! Я всё снова измерю. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь! Семь мерок палкой я уже побросала в костёр. А теперь меряй ты свою работу! — передала она палку Инге. Но та не стала её брать.

— Тогда я сама твою работу измерю, — сказала Эльфрида. Но только начала она измерять, как Инга повернулась к ней спиной. Эльфрида продолжала громко отсчитывать:

— Четыре, пять, шесть. Видишь, ты на одну длину палки меньше сделала!

— А ты, как всегда, опять больше работы сделала, — насмешливо ответила ей Инга, нагнулась и начала быстро швырять оставшиеся ветки в костёр, чтобы доказать подруге, что в итоге всё-таки она, Инга, большую часть работы сделала. Но Эльфрида не могла этого позволить, и обе подруги наперегонки закончили работу и, не говоря ни слова, пошли домой.

«Ох, эти проклятые ухажёры!» — всё ещё гневно думала Шнейдер, вспоминая вчерашний разговор женщин у костра. Она уже давно лежала в кровати, но никак не могла уснуть. Через несколько дней снова приедет комендант проводить ежемесячную проверку ссыльных. Жених Маруси тоже был комендантом, разве что только рангом поменьше. Поэтому Шнейдер и вышла из себя, когда заговорили об этом женихе. Эти кавалеры действительно торчали у неё в горле, она нисколько не преувеличивала. Согласно установленному комендантом распорядку, скоро её очередь. Об этом она думала с содроганием. «Твоим детям там будет лучше», — сказал он, пообещав ей устроить её детей в детский дом. Но дети других матерей тоже были там, хотя такая возможность мало у кого была, но какую цену она должна была за это платить! Она должна была делать то, от чего её саму тошнило. Ты, развратница, такие не должны жить на свете! Возьми верёвку и покончи с такой жизнью! И оставь этому козлу письмо, в котором всю вину свали на него! И пусть весь свет это узнает! Ей стало жарко от этой мысли. Стыд и возмущение попеременно восставали в её душе, когда вспоминала последнюю встречу с комендантом. И вдруг пришёл вопрос, который она старалась всё это время не задавать себе: он тебя изнасиловал? Или ты сама согласилась? Она попыталась себя оправдать тем, что находилась в отчаянном положении и должна была заботиться о своих детях. Но где-то там, в душе, была уверенность, что

всё это самообман. Вопрос, требующий ответа, вставал вновь и вновь: он тебя изнасиловал, или ты согласилась сама?

Всё в ней кричало: я этого не выдержу! Да, да, я сама согласилась! И не один раз! О Боже! Она прислушивалась к окружающей тишине, словно ожидая ответа. Чем мёртвому поможет письмо? Словно очнувшись, спокойно обдумала она сложившуюся ситуацию. Самоубийство всё только ухудшит. И, чтобы об этом больше не думать, вслух сказала себе: «Вспомни, столько ты в жизни сделала глупостей! Но это была бы самая большая глупость! Поэтому не сходи с ума, а спи!»

Но сон не шёл. Что же ей делать, когда снова надо будет идти на ежемесячную подписку? «Я просто уйду в этот день в соседнюю деревню», — подумала она. Но если её уход без разрешения коменданта сочтут за побег и она попадёт в тюрьму — тогда что? На это он способен.

«Одно ясно, если ты не хочешь, то ты этому... — она хотела подобрать подходящее слово, но поняла, что оно относится и к ней не в меньшей степени, чем к нему, и после короткой паузы продолжила разговор сама с собой: — Нет, больше никогда, ни за что!» Это решение её успокоило, её напряжённое тело расслабилось, и она, свободно вздохнув и вытянувшись, хотела заснуть. Но мысли о детях этому мешали: каково им там в детском доме?

Её последнее свидание с детьми было коротким, но всё же достаточно долгим, чтобы понять, что не всё в порядке. Дети переселенцев держались крепко друг за друга и отказывались разговаривать по-русски. Поэтому руководство детдома решило поговорить с родителями, если таковые ещё у детей имелись. Из беседы следовало, что если дети не будут разговаривать по-русски, то их отошлют домой.

«Но моих детей они оставят», — вспомнилась ей прежняя мысль. Но не за такую же цену! Какое жалкое существование она вела! Да, это была действительно долина смертных теней! Но теперь с этим покончено!

— Не вздумайте и сегодня раньше домой идти! — встретила их, всё еще в хорошем настроении, Маруся. — Я думаю, вы меня поняли, что вчерашний свободный час был исключением из правил!

— Да, — ответила Элла. Инга и Эльфрида снова сидели рядом и так оживлённо переговаривались, что не заметили приближения Маруси и не отреагировали на требования сестер начать работу хотя бы в присутствии надсмотрщицы. Они должны были теперь выговориться, высказать друг другу всё, что они вчера пережили, всё, о чём они думали в бессонные часы этой ночью. Теперь, когда всё было позади, когда они снова были вместе, удивлялись они, как странно и чудесно произошло их примирение.

Вчера вечером шли они домой, не глядя друг на друга и не произнося ни слова. Ни одной из них не хотелось нарушать упрямое молчание, так как каждая считала виноватой другую. Они шли молча, не глядя ни налево, ни направо и даже не глядя вперёд, а только под ноги, на едва заметную тропинку, ведущую всё ближе к дому. Тропинка изгибалась, обходя то валежник, то лужицу, то старый пенёк. Дорога была знакомой и не требовала большого внимания. Боковым взглядом замечала Эльфрида то старую, высокую осину справа от тропинки, то молоденькие берёзки на давно вырубленной делянке и обросший мхом толстый валежник. Она так устала, что подумала, не отдохнуть ли немного на этом бревне, при этом ей было абсолютно всё равно, захочет ли Инга тоже отдохнуть. Но в этот момент с правой стороны в густых зарослях молодняка раздался треск и шум бежавших лосей. Долю секунды девушки стояли, как вкопанные, не зная, в какую сторону бежать. Вдруг в них словно что-то взорвалось и, издавая истошный крик и схватившись за руки, они рванулись с места и побежали, сами не зная куда. Но далеко они не смогли убежать, так как их ноги подкашивались. Они опустились на землю и только тогда заметили, что держат друг друга в объятиях. Дрожа всем телом, смотрели они друг другу в глаза, вспоминая пережитый страх и испытывая облегчение от сознания того, что они снова вместе. Они поднялись и молча пошли по дороге домой. И уже около барачков остановились и, словно сговорившись, одновременно сказали: «Этих лосей послал нам Господь!»

«Тихо падает снег...»

Маргарита стояла у окна и смотрела, как падают с неба крупные хлопья снега. О, сколько их было! Неужели это правда, что ни одна снежинка не похожа на другую? Она присмотрелась к прилипшей к оконному стеклу снежинке. Что за чудесный рисунок у нее! Словно восьмиконечная звезда с крошечными звёздочками внутри! Она смотрела на снежинку, а рядом с ней налипали одна за другой новые снежинки. И действительно, у каждой свой рисунок, один красивее другого. Она посмотрела на большой белый сугроб под окном. Неужели весь этот снег на улице, принёсший ей уже столько мучений, тоже состоит из таких произведений искусства? Как тяжела была дорога до рабочего места после такой снежной ночи! Никто не хотел идти первым, тяжёлые валенки сами по себе были уже большой ношей. Работа была сплошной борьбой со снегом. Как страшно болели вечерами от бесконечного сгребания снега руки и ноги! Это была её работа: отгрести снег вокруг стволов деревьев перед тем, как их валили. Иногда после очистки снега от дерева она стояла так глубоко в снегу, что без посторонней помощи не могла выбраться из ямы вокруг ствола. Ведь пень после валки дерева должен быть не выше десяти сантиметров.

Несмотря на всё это, её почему-то неудержимо тянуло к этим прекрасным снежинкам, и она решила выйти наружу, чтобы рассмотреть их внимательнее.

— Куда это ты в такую погоду? — спросил её Вальдемар, увидев, что она одевает фуфайку. — Хочу на снегопад посмотреть.

— Какая ты у нас странная! Снег идёт через день, дан ты целыми днями на улице бываешь. Сегодня, когда у тебя, наконец-то, выходной, тебе хочется на снег посмотреть. Ну ладно, иди. По мне, так вообще бы снега никогда не видеть!

Последние слова она уже не расслышала, так как была за порогом. Снежинки садились на лоб, веки, щёки, на всё лицо и тут же таяли. Что ей здесь надо? Вальдемар прав, она делает глупость. В такую погоду хороший хозяин из дому и собаку не выгонит, а она сама

вышла. Ну да, она странная. Она вытянула руку; снежинки садились на тёплую ладонь и тут же таяли, оставляя на ней крошечные мокрые пятнышки. Маргарита зашла в дом и снова встала у окна.

Так же быстро, как таяли снежинки у неё на руке, исчезло и её счастье. Хотя всё так многообещающе начиналось. Как она этому радовалась! Они строили планы на будущее, мечтали о счастье. Но всё это сгорело в пламени войны так же бесследно, как растаяли снежинки на руке.

Теперь ей уже 19 лет. В 19 лет она должна была стать учительницей. Как она мечтала об этом дне! Она торопила время и даже сумела начать учёбу со 2-го курса. Она вспомнила свою практику и радость от первого самостоятельного урока, который очень удался. Огромный букет чудесных белых гвоздик подарил ей в этот день Артур. Жив ли он ещё? Где он сейчас?.. Белые гвоздики — такое же чудо, как и эти белые снежинки. Она смотрела на летящие снежинки и думала об одном: с какой радостью улетела бы она вслед за этими снежинками далеко-далеко, где нет этой жалкой жизни, этого горя и голода! Если бы это было возможным! Но куда? в Людбрандау (город, где она посещала педагогический колледж)? Дальше она ещё никогда не бывала. Но может, и там ждёт её такая же жизнь, как здесь? А может, ещё хуже? Что же ей делать? Всё расплылось перед её глазами, которые наполнились слезами. Нет, на всём свете нет места, способного утолить её тоску. Нигде не найдёт она покоя. И Артур, будь он здесь, ничем не мог бы ей помочь. Немного успокоившись, стояла Маргарита у окна, ожидая, что неведомая сила поднимет её из этой бездны туда, к звёздам, в руки Того, Кто и для неё вынес на кресте столько страданий, сколько она и все, кого она знала, никогда не вынесут за всю свою жизнь.

Но никто не явился, чтобы совершить это чудо. Напротив, охватившее её неземное чувство исчезло, и она вновь почувствовала себя ничтожеством, которому ещё не было суждено перейти в другой мир. Слёзы ручьём текли из её глубоко запавших от голода глаз. Но всё-таки она почувствовала себя сильнее, ведь встреча с небом, хотя и такая короткая, состоялась.

Наступил вечер. После ужина, состоявшего, как обычно, из большого количества жидкого супа, не утолившего голод хотя бы чуть-чуть, все улеглись спать. Мать чувствовала себя плохо и поэтому первая улеглась в кровать, «единственное спокойное место на земле», как она обычно говорила. И сегодня дети, как правило, выслушали, что они должны быть благодарны, что у них есть кровать, где они могут отдохнуть, ведь у тысяч людей нет такой возможности. После этого она завернулась в одеяло. К их счастью, она не смогла его сменить в деревне на картофель — ей слишком мало за него давали. И теперь это одеяло, ещё из Молочанска, дарит им тепло и удобство, как и везде, где бы они ни находились. Это было чудом, что оно и ещё несколько вещей сохранились за годы войны.

Вальдемар, обычно быстро засыпавший, лежал без сна и думал о старшей сестре. Она была сегодня опять странной, не такой, как обычно. Конечно, она не была такой, как он: во-первых, она девушка, во-вторых — старше его, в третьих — она обращенная, а он нет. Это и было проблемой Вальдемара. Он очень хотел изменить свою жизнь. Но как? Нервным и легко приходящим в гнев он был уже всегда. От этого и теперь часто страдали мать и сёстры. Все его старания что-либо в себе изменить ни к чему не приводили. Он это давно понял. Ещё десятилетним мальчиком он услышал на собрании, что необходимо выяснить свои отношения с Богом. С тех пор прошли годы. Жизнь становилась всё труднее и труднее. Что ему делать? Вообще, возможно ли что-нибудь в себе изменить? Он ведь молится! И на утренней семейной молитве он всегда присутствует. Но чего-то ему не хватает. Это «что-то» вновь всплыло, когда он услышал сегодня вечером Маргаритино пение. Он знал эту песню, она напомнила ему прошлое. И тётя Анюта часто пела её, делая ударение на словах: Радуйтесь, сбылись мечтания грёз:

В Вифлееме родился нам Христос!

Что тут имелось в виду? Если праздник Рождества Христова, так Иисус уже за много лет до этого года пришёл. А из рассказов тёти он знал, что второй раз Христос придёт, когда все верующие в Него уйдут из жизни. Но до этого они все должны быть восхищены. Почему же

она вкладывает всегда столько значения в слова: Радуйтесь, сбылись мечтания грёз:

В Вифлееме родился нам Христос!

Он хотел разбудить тётю, чтобы расспросить её об этом, но тётя так устала, что едва ли сможет ему ответить. Со стыдом вспомнил он тот пакетик с соевой мукой, который лежал у неё под подушкой. Он был так голоден, что съел почти половину. Голод затмил разум. Что тогда они только ни ели, даже кошек и мышей из мышеловки. А он не мог заставить себя это есть, поэтому и съел соевую муку. Он успокаивал этим свою совесть, но она не замолкала, и он понимал, что ему следует во всём тёте признаться.

Мысли сменяли одна другую. Он был мыслями то в Крушвице, на Мишиной башне, то на Гопленском озере, то снова в Молочанске на учебном плацу, где громко командовал немецкий офицер: самолёты справа — самолёты слева! Лечь! Встать! Этого широкоплечего эсэсовца он хорошо запомнил, как и медсестру Ханну, что часто появлялась с ним. Ханна готовила их группу к Рождественскому празднику. Они репетировали песню «Тихо падает снег», в которой Ханна обнаружила «ошибку».

— Мы ожидаем на праздник высокого гостя и поэтому будем петь эту песню не так, как вы её от ваших родителей слышали, а так, как её следует петь — по-новому. Так что надо песню переучить, но изменение небольшое, вы сразу это запомните. После слов о снеге вы поёте:

Радуйтесь, сбылись мечтания грёз:

В Вифлееме родился нам Христос!

— Но вы ведь знаете, что Христос был евреем, а мы с евреями ничего общего не хотим иметь. Ведь это они столько раз предавали нашу страну. Поэтому мы празднуем не рождение еврейского спасителя, а старогерманский Вейнахтен, что означает — «ночь посвящения». Итак, мы будем петь:

Радуйтесь, сбылись мечтания грёз:

День, удлиняясь, новый свет принёс.

— Так, чтобы вы лучше запомнили, о чём речь идёт, то я повторяю: Вейнахтен — это старогерманский праздник, на котором отмечается поворот солнца к лету и в котором чествуется бог-солнце. Ему посвящается эта ночь, ночь рождения нового солнечного года. Поэтому вместо слов: «В Вифлееме родился нам Христос!» мы будем петь — «день, удлиняясь, новый свет принёс».

Они долго упражнялись. Словно это было вчера. Вальдемар вспомнил длинные ряды столов в празднично украшенном зале. Перед каждым мальчиком стояла на столе выпиленная из фанеры ёлочка и лежал подарок — одежда, отобранная у евреев. А когда высокий гость вошёл в зал и все по команде Ханны встали и запели, то почти все забыли, что песню следует петь по-другому, и поэтому под сводами зала громко и чётко прозвучали слова:

Тихо падает снег...

Радуйтесь, сбылись мечтания грёз: в Вифлееме родился нам Христос!
Как досадно было Ханне, что все её стремления были напрасны!
Завтра он обо всём поговорит с Маргаритой, а сейчас — спать!

Снег падал всю ночь, и к утру 30-ти сантиметровой слой свежего снега покрыл всё вокруг. Старые ели и пихты простирали свои заботливые руки-ветви, отягощённые грузом свежего снега, над молодняком, нашедшим под ними приют. Надо всем царила мёртвая тишина, изредка нарушаемая треском отягощённых ветвей, которые словно говорили маленьким деревцам: не бойтесь, мы вас защитим от снега и мороза. Белочки спали в своих дуплах. С их запасами еды на всю долгую зиму они действительно были достойны зависти. А где-то под поваленными деревьями нашёл себе приют царь тайги — бурый медведь. И только лёгкое облачко дыхания, превращающееся на морозе в мелкие кристаллики, выдавало его присутствие. Всю долгую зиму никаких забот о холоде и голоде! Спали и люди, только

их сон был отягощён заботами наступающего дня, голодом, болезнями, бессмыслием.

К утру небо разъяснилось и мороз усилился. На чистом небе золотом сверкали бесчисленные звёзды. Время от времени тишину утра разрывал треск, до удивления похожий на выстрел из шестнадцатикалиберной двустволки. Это трескали от мороза брёвна бараков. В окнах бараков стал появляться свет. Это первые взрослые начинали свой день. Из труб потянулся дым.

И вскоре те, кому надо было идти на работу, стали собираться в группы и по узкой белой полосе, тянувшейся через лес, побрели один за другим вглубь леса. Лес, кругом только лес и эта узкая белая полоса снега, по которой медленно, растянувшись колонной в два десятка метров, двигались согбенные фигуры людей, с трудом переставляя ноги в этом глубоком рыхлом снегу. Тем, кто шёл впереди, приходилось труднее всего. С большим напряжением переставляли они опухшие от голода ноги. Никто не хотел идти первым.

И в нормальных условиях прокладка пути — трудное дело. Но идущие знали: если они не явятся на работу, потеряна будет дневная пайка хлеба, а с нею и жизнь. Так что тот, кто хотел жить, должен был идти вперёд. А они хотели жить!

Сегодня первой шла Маргарита. После пережитого вчера, она не долго думала, кто пойдёт первым, когда увидела, что никто не хочет этого делать. Она знала, что и этот путь — отрезок долгого пути к небу. За ней брела её подруга Элеонора, которая ещё не приняла Господа, как личного Спасителя, в своё сердце. Как хотела бы Маргарита сопровождать её и на этом пути! За ними шли сёстры Ферншауэр и Вальдемар, с трудом передвигавшие ноги в тяжёлых валенках. Рыхлый, сухой снег тотчас же засыпал следы идущих впереди людей. Ватные штаны и фуфайки были сегодня как никогда кстати. Мороз доходил до 40 градусов. Лица были так закутаны, что оставались видными лишь глаза. Ресницы от дыхания покрылись толстым слоем инея и при моргании слипались. Кто не закутал лицо, должен был его почти всё время растирать снегом, иначе на морозе быстро появлялись

белые пятна на щеках и носу. Кто был недостаточно тепло одет, возвращался домой, чтобы не замёрзнуть.

Маргарита была уже на рабочем месте и зажгла костёр, когда подошли все остальные. Каждый старался быть поближе к огню, так как только в непосредственной близости к нему можно было бы хоть немного согреться. Прошёл час, но лесорубов ещё не было, и поэтому те, кто должен был отгрести от стволов снег, сидели у костра. Прошёл ещё час в ожидании. Огонь костра слабел, так как сучьев больше не оставалось. Может быть, им лучше домой идти, пока он совсем не погас? Возможно, из-за сильного мороза сегодня свободный день? А если нет? Тогда, уйдя домой, они лишаются сегодняшнего пайка хлеба! Когда под снегом уже никто не мог найти ни одной ветки для костра, Маргарита молча встала и пошла обратной дорогой домой. Вскоре все шли за ней следом. И только вечером в столовой им сказали, что из-за сильного мороза рабочий день был отменён. Так что они зря прошли эти 4 километра. Сколько жизненно важной энергии было бы сэкономлено, если бы люди не сделали эти бесполезные восемь тысяч шагов, давшие им с таким огромным напряжением! И хотя бы одному из начальников пришла в голову мысль их вовремя об этом предупредить!

«В Твоей книге записаны все дни...»

Анна Кран работала последнее время уборщицей в школе. За каждого из своих детей, не достигших совершеннолетия, она получала в день дополнительно по 100 грамм хлеба. И всё-таки это было слишком мало, ведь Вальдемар опять не мог из-за болезни работать и получал только 150 грамм хлеба в день. В итоге это было 250 грамм хлеба и две картофелины в день! Разве хватит этого, чтобы выжить? Ни мяса, ни жиров уже больше года на карточки не выдавали. Дети уже спали, а Анна молилась: «Мой Господь, что же будет дальше? Вот мои дети, но ведь они и Твои дети тоже. Я их никогда не могла бы выносить под сердцем, если бы не Ты им даровал жизнь! И зародыш их видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни их...»

Она прервала себя. Что она только что сказала? Все дни их были записаны в Божью книгу, когда ещё никого из них не было на свете? Да, она так молилась. Но откуда эти слова? После короткого раздумья она вспомнила: да, это из Библии, из какого-то Псалма. Но точно ли она вспомнила эти слова? Надо бы проверить. Она взяла в руки старую Библию и открыла её. Это была Библия её мужа. Он много над ней работал, это видно было по заметкам на полях, по строчкам, подчёркнутым разноцветными чернилами, по вопросительным и восклицательным знакам. Он никогда не ставил Божье Слово под сомнение. Вопросительные знаки показывали, что ему что-то непонятно. А восклицательными знаками он отмечал места, которые для него имели особо важное значение.

Открыв Книгу Псалмов, перечитывая подчёркнутые мужем строчки, она, как всегда, утешилась Божьим Словом. Но нужных строчек всё-таки не нашла. Может, они в последнем Псалме? Ведь она уже 130 Псалмов просмотрела. Или она не заметила нужные строчки? Полистав дальше, наткнулась она на слова:

«Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумеешь помышления мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли — Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе. Еще нет слова на языке моем, — Ты, Господи, уже знаешь его совершенно» (Псалом 138:2-4). Какие чудесные слова! Анна читала дальше: «Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и полагаешь на мне руку Твою. Дивно для меня ведение Твое, — высоко, не могу постигнуть его!» (Псалом 138:5-6).

Никогда ещё в жизни не были ей так важны эти слова!

«Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда бегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, — и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя» (Псалом 138:7-10).

Она не переставала удивляться: даже в тяжелейших ситуациях Господь обещает своих вести и поддерживать! Но почему же она об этом иногда забывает? Никогда, никогда больше не должна она этого

забывать! Господь, который вёл псалмопевца за край моря, достоверно знает, каково ей и её детям здесь, на свете!

И, наконец, нашла она слова, что так искала: «Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было. Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их! Стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка; когда я пробуждаюсь, я все еще с Тобою» (Псалом 138:16-18).

Это были те слова, которые она только что произносила в своей молитве! Огромная тяжесть свалилась с её души: «Значит Ты и его видел, моего сына, которого мы так долго ждали! Я благодарю Тебя, Господь, за Твоё откровение, которое Ты мне сегодня дал! Ты сохранишь нам дни, которые записаны в Книге Твоей! Нам не надо бояться, что мы умрём от голода раньше, чем кончатся наши дни! Будь же прославлен за то, что Ты даёшь эту веру!»

«Интересно, что это мама сегодня такая радостная?» — думал на следующий день Вальдемар, греясь у печи и глядя вдаль в окно. Но он не стал её об этом расспрашивать. Ей было хорошо, и этого было достаточно. Раньше он очень о ней беспокоился. Когда она болела, он страдал вместе с нею. Когда она не могла есть, у него тоже пропадал аппетит. Но теперь, из-за этого бесконечного чувства голода ему было в общем-то всё безразлично. Даже его больные, опухшие от голода ноги его уже не тревожили. Мать видела это и тревожное чувство временами охватывало её сердце, но вспомнив слова Псалма, она вновь обретала уверенность.

Переселенцы в общем были так ослаблены, что о побеге никто не мог думать. Это без сомнения знал и комендант, поэтому уже несколько месяцев не приезжал для сбора подписей. Но на 17-й километр он наведывался всё чаще, хотя его туда звала не обязанность, а плотская страсть. Ведь там жила одна из его любовниц. Это была молодая женщина с копной чёрных водянистых волос, широким носом и толстыми губами. Но время от времени высматривал он какого-нибудь молоденького цыплёнка и, как коршун, набрасывался на него с высоты своей власти, ведь он был уже капитаном. Но удача в этом

ему давалась очень редко, и тогда он отыгрывался на своих старых «кадрах». Тут уж об отказе и речи быть не могло, ибо они перешли почти в его собственность, как он считал.

Однажды он снова вызвал Шнейдер. Её трясло только при мысли о предстоящей встрече. Но кто зван — тот должен идти. Сможет ли она настоять на своём решении, что приняла в ту ночь?

Все нужные подписи были собраны, время поджимало, и он отослал оставшихся домой под предлогом, что ему достаточно было их видеть. Когда пришла Шнейдер, комната ожидания была уже пуста.

— Заходите, пожалуйста, скорее, — позвал её комендант.

Как он ей был противен!

— Такова жизнь, даже нет времени своих старых друзей провести, — продолжил он, когда она вошла комнату. — Надеюсь, моя милая простит меня, что её не посещал пару месяцев?

Он подмигнул ей, подошёл поближе и, указав пальцем на дверь в соседнюю комнату, сказал: — Всё уже готово.

Вызванная им женщина не произнесла ни слова. Тогда он прочувственно произнёс:

— Моя сладкая разобиделась на меня за то, что я так долго не был. Но теперь я останусь с ней на всю ночь! У неё вырвалось:

— Но я не останусь! Даже если ты меня застрелишь! Она резко освободилась из его объятий, рванула ручку двери на себя и тут обнаружила, что дверь заперта. В отчаянии дёрнула она ручку ещё и ещё раз, но дверь не поддавалась. Она даже не заметила, когда он закрыл дверь на ключ. И весь её протест был напрасным, так как против пьяного, не сдерживавшего свои чувства и желания мужика, она была бессильна. Но где-то внутри её заговорила совесть: если ты сделаешь так, как обещала себе, то он ничего тебе не сделает. А если и... то без твоего согласия.

Комендант всё ещё был уверен, что она обижена его долгим отсутствием и продолжал ласково уговаривать её.

О том, что случилось дальше, здесь умалчивается. С последствием этой ночи мы ещё встретимся в другой главе.

Год 1947 заканчивался. Почти каждый день умирали люди от голода и холода. Мало у кого была надежда встретить Новый год. Многие, и среди них те, кто всё сделал, чтобы не умереть от голода, сдавались и от слабости не могли больше выходить на работу. Всё было, как написано в Книге Плача Иеремии: «Кожа наша почернела, как печь, от жгучего голода» (Плач Иеремии 5:10).

Голод всё усиливался. Казалось, ещё чуть-чуть, и все бы умерли от голода. И когда жизнь у ещё оставшихся в живых висела на волоске, Господь прислал избавление.

Это случилось в декабре, когда мороз вдруг сдал и наступила оттепель, какую здесь, на этой широте, не помнили даже старожилы. С крыши капало. И не только холод отступил, но и голод! 14 декабря 1947 года все радиостанции Советского Союза сообщили долгожданную новость: отменяется карточная система и объявляется денежная реформа. У кого деньги хранились в сберкассах, получали новые деньги в равнозначном количестве, а кто хранил их дома, получал за 10 старых рублей один новый. Отмене карточной системы радовались все. А денежная реформа бедных сделала ещё беднее, ведь у них не было сберкнижек. Но особенно сильно пострадали богатые, хранившие для надёжности деньги дома. Бедным не хватало денег, чтобы купить продукты. Но далеко не всё можно было купить, даже если денег было достаточно. И всё-таки каждый стоящий в очереди мог купить два килограмма хлеба, 500 грамм маргарина или другого жира и 500 грамм сахара. И поскольку в очередях царило право сильных, то слабые, особенно дети и старики, вытеснялись из очереди. Доходило и до драк. Но это всё было ничто в сравнении с голодом, который переселенцы пережили за эти 2,5 года.

Если раньше многие ходили опухшими от голода, то очень скоро, к весне, у них округлились щёки оттого, что они досыта ели хлеб.

Люди опять стали ходить друг к другу в гости, собирались компаниями. И наконец, майское солнце растопило весь снег, лежавший долгих семь месяцев, и талая вода вызвала к жизни всё в тайге. Ручьи устремились в свой обычный путь к океану.

И человеческая жизнь тоже устремилась в океан вечности — но в какой?

Некоторые из выживших поняли, что жизнь не кончается там, на кладбище за 17-м километром.

«О, чтоб погиб весь свет!»

Этой весной всё высохло особенно быстро. Солнце жарило необычно. Для изгнанных словно открылся новый, до сих пор никем не замеченный, мир. Работа продвигалась быстрыми темпами вперёд. Ранней весной начали насыпь под новую узкоколейку. Рельсы были проложены уже до 21-го километра. Начальство послало туда бригаду Лисечко, чтобы закончить насыпь. В бригаде было 14 человек. Среди них были новые рабочие, часть старых отсутствовала. Особенно было заметно отсутствие Карстена. Его родственники сделали вызов, и они смогли всей семьёй уехать. Добрейшая Ниманн тоже отсутствовала. Она была в вечности, где могла радоваться новой, лучшей жизни. В бригаде было несколько новых русских рабочих.

Стоял чудесный тёплый июнь. Лиственные деревья покрылись нежно-зелёной листвой. И на хвойных деревьях показались светлые почки, распространяя в воздухе чудесный смолистый запах. В густых ветках берёзы сидела сова, едва ли радующаяся густой листве, из-за которой она не могла охотиться за малыми лесными птицами, пролетающими так близко от неё. Она только вертела своей крупной головою, словно хотела сказать: ну погодите, придёт ночь, я буду снова хорошо видеть, и тогда кое-кто из вас исчезнет в моём зобу!

Но сейчас был ещё день, и всё радовалось жизни. И рабочие узкоколейки тоже. Их одежда была в ужасающем состоянии,

починенная разноцветными заплатками, напоминавшая географическую карту или одежду огородных пугал.

Ссылные всё ещё были людьми второго сорта. И всё-таки они были рады, что могли свободно дышать тем же воздухом, греться под теми же лучами солнца, слышать пение тех же птиц, что и свободные люди. Они радовались, что им не приходилось больше голодать, теперь у них было достаточно хлеба! Драгоценный, насыщающий хлеб!

И в бригаде Лисечко царило весёлое настроение. То и дело слышался смех, все охотно, наперегонки работали. К людям возвращалась надежда.

Только один человек становился день ото дня мрачнее — Шнейдер. Кроме крепких ругательств от неё можно было услышать очень часто повторяющиеся слова: «О, чтоб весь мир погиб!»

Что она хотела этим сказать? Может быть, её сейчас сильнее, чем раньше, отягощали изгнание и неравноправие? Но почему именно теперь, когда жизнь стала намного легче? Её поведение было загадкой для всех.

Большинство членов бригады уже восстановили свои силы после голодного времени. И молодежь — тоже. Только у Вальдемара не было заметно изменений. Его тело оставалось худым и измождённым, лицо бледным. Как мальчик, он должен был быть крепче своих сверстниц, но он был меньше и слабее их и очень страдал от этого. Ведь по возрасту он был уже не мальчик, а юноша.

Бригадир, дядя Антон, не очень-то разбирался в порученной ему работе. Убедившись, что Вальдемар в этом был ему хорошим помощником, он со временем перепоручил руководство бригадой ему, оставив за собой оформление табеля и отчет перед мастером. Вальдемар был этому очень рад. И не только потому, что в течение рабочего времени он иногда освобождался от тяжёлой физической работы, но, главное, потому что мог теперь командовать. Руководство людьми получалось у него и доставляло ему большое удовольствие.

Балластировка узкоколейки была сейчас основной работой в бригаде Лисечко. Для этого нужно было подштопать каждую шпалу балластом. Если определенный отрезок был забалластирован, оставалась лишь рихтовка. Эту работу совершали с помощью двухметровых жердей, которые совали в местах искривления узкоколейки под рельсы, и таким образом, двигая то в одну, то в другую сторону рельсы вместе со шпалами, выравнивали кривизну. Эта работа требовала много беготни, и Вальдемар, старавшийся всё делать быстро, использовал для этой работы молодёжь; она была поворотливее, чем другие.

Однажды дяде Антону надо было выполнить работу, требующую молодую силу, поэтому в команде Вальдемара, выполнявшей выравнивание рельсов, остались Параска, Шнейдер, Шевчук и ещё несколько новичков-русских. Он, как обычно, встал между рельсов метрах в пятидесяти от своих помощников и начал командовать:

— Так, там, где Шмонова стоит, узкоколейку сдвинуть направо!

Все засунули свои рычаги под рельсы, и кто-то начал счёт: «Раз-два, взяли! Ещё, взяли!» И так под команду сдвигались рельсы то вправо, то влево, пока, наконец, путь ни выравнивался. Вдруг Вальдемар заметил ещё одно место, требующее выравнивания. Это так нельзя было оставить, ибо вся, до сих пор сделанная работа, пошла бы насмарку.

— Эй, вы, здесь надо ещё немного выровнять, — позвал он рабочих. Шевчук стояла ближе всех от этого места, поэтому хотела это сделать. Но внезапно около неё очутилась Шнейдер и сказала:

Я помогу.

Тётя Оля, здесь надо слегка вправо сдвинуть, — объяснял Вальдемар. Но Ольга Шнейдер ещё прежде Шевчук подсунула свой рычаг под рельсы и с такой силой сдвинула их, что теперь неровность стала ещё больше, чем прежде.

— Но не с такой же силой! — закричал Вальдемар и отступил несколько шагов назад, чтобы лучше осмотреть это место. — Теперь

всё, пожалуйста, сначала, только помедленнее.

Шнейдер воткнула рычаг с другой стороны, продолжая что-то бурчать про себя.

— Тётя Оля, что вы говорите? «Я ничего понять не могу», — спросил Вальдемар.

— Сейчас поймёшь, — ответила громко Ольга, пододвинула рельсы и подошла к нему. — Этот отвратительный тип мне... — она замолчала, затем в отчаянии махнула рукой. — О, чтобы погиб весь свет, тогда мы все были бы равны!

Вальдемар в недоумении смотрел на неё, ничего не понимая. Но отчаяние, звучавшее в её словах, заставило его задуматься. Ей ведь не хуже, чем остальным? Она выглядела лучше большинства, в последнее время даже немного округлилась. Почему бы и ей не поправиться, ведь еды теперь было достаточно. Или она беспокоилась о детях, которые до сих пор были в детдоме? Но почему тогда она недавно выразила желание, чтобы ее дети остались ещё на пять месяцев в детдоме?

Впрочем, это его не касается. Что до него, то он не призывал конец света, к этому он не был ещё готов. К тому же жизнь так изменилась, что всё теперь можно было легко перенести. А дома мать ему шьёт новые брюки. И новая рубашка уже готова, он её примерял вчера. В воскресенье он оденется во всё новое. Он не мог дождаться этого дня. И не только потому, что наденет новый костюм, но и потому, что в этот день ему исполнится шестнадцать лет. Радость была несколько омрачена тем, что несмотря на шестнадцать лет, оставался он не только худым, но и маленьким: метр сорок восемь.

Ещё до недавнего времени Вальдемар надеялся, что подрастёт, но после случайно подслушанного разговора двух знакомых, потерял эту надежду. «Он (имелся в виду Вальдемар) едва ли ещё будет расти. В период развития его организм не получил необходимого, а теперь уже поздно». На него это подействовало, как бомба замедленного

действия. Внешне это не проявлялось, но внутри оно действовало удручающе.

Лето было таким же чудесным, как и весна. Бригада работала уже на 22-м километре. Они уже достигли того места, где узкоколейка делала поворот, не следуя дальше той старой «дороги на эшафот». Вальдемару было хорошо знакомо это место. Оно оставило в его памяти незабываемый след. Прошрое приключение всплыло в его размышлениях, и он в который раз удивился, каким наивным он тогда был. Его распирало от смеха при этом воспоминании, и это заметила Инга, которая опустилась рядом с ним в траву. Был обеденный перерыв.

— Что это с тобой? — спросила она. — Ты плачешь или смеёшься? Аж спина трясётся!

Он не удержался, рассмеялся вслух и стал рассказывать, не дожидаясь расспросов.

— Это случилось два года назад. Я договорился со старой Моховой идти по ягоды, но не сумел прийти в назначенное время, и она ушла одна. Я так удивился: она никогда одна в лес не ходила и мне часто повторяла: не ходи в лес никогда один, всегда может что-нибудь случиться и тогда рядом будет человек, который тебе поможет. Я решился идти ей вслед, но только до 22-го километра. Если до 22-го её не догоню, это скорее всего значит, что она не по ягоды, а куда-то в другое место пошла, и я вернусь. Я бежал так быстро, как только мог. Только добежал до 22-го километра, как увидал кого-то в кустах. Значит, она всё-таки пошла одна! Я побежал еще быстрее, но вдруг увидал, что по земле кто-то медленно передвигается на четвереньках, то поднимаясь, то опускаясь снова. Нет, это была не Мохова! Рядом проделывало то же самое ещё одно существо! Я замер от ужаса. Это что, звери? Медведи? До слёз в глазах присматривался я к ним. Одно из существ зашло за кусты, и когда оно опять оттуда вышло, я отчётливо увидел бурого медведя, точно такого же, как нам на 19-м километре дорогу перешёл. Помните? И тут же и второй медведь вылез из кустарника!

— Но тут ты наверняка побежал, как говорится, без задних ног, не так ли? — с иронией спросила Инга и тут же добавила: — Эту картину я хотела бы своими глазами увидеть!

— Нет, я всё ещё не хотел верить, что это медведи, хотя видел, что они то рядом шли, то отскакивали друг от друга. Я встал, как вкопанный. Вдруг эти существа повернули головы в мою сторону, а один встал на задние лапы и передними начал делать движение, напоминающее движение руки человека, подзывающего к себе другого. Я всё ещё стоял неподвижно. Нас разделяло метров двести. Медведь опять опустил на четвереньки. Как вы думаете, что потом случилось? — Что тут ещё думать? «Он побежал на тебя!» — сказала Эльфрида и посмотрела на Ингу. — Хорошо, что тогда никакой зверь за нами не погнался, а то бы... Вальдемар опять рассмеялся.

Кто-то из старших укоризненно спросил: — Ну что тут смешного, если тебя медведи чуть не задрали? Как ты вообще невредимым домой добрался, Вальдемар? Или ты нас разыгрываешь?

— Нет, не разыгрываю. Я рассказываю, как это было в действительности. А что касается того, как я невредимым домой добрался, то это было так: когда медведь пошёл на меня, у меня откуда-то и сила появилась! Я рванул назад, изо всей силы перепрыгивая все встречавшиеся на пути преграды. Но, пробежав не более пятнадцати метров, вдруг услышал крик Моховой: «Володя, ты куда побежал?» Я остановился и оглянулся. Невдалеке от кустов, где я видел медведей, стояли две женщины и подзывали меня руками; одна из них была Мохова. Когда я подошёл к ним, Мохова сказала сердито: «Мы ждём и ждём его, подзываем к себе, а он стоит как столб, не подходит ближе, а потом ещё и убегает от нас! Что это всё значит?» Ну, что я мог им ответить? Что я их за медведей принял? В этом признаться я стыдился. Но врать я тем более не хотел, поэтому промолчал. Тогда Мохова сама пришла мне на помощь. У меня, видимо, был очень растерянный вид, так она сочувственно спросила: «Ты, наверно, нас не узнал?» Я только согласно кивнул головой.

— Если мы хотим, чтобы этот парень домой убежал, то нам достаточно отойти на сто метров и он уже подумает, что целое стадо

медведей на него идёт, — пошутил один из рабочих и вызвал этим долгий смех.

— Ну, довольно, теперь все за работу, а то скоро придёт дядя Антон, — скомандовал Вальдемар. Все быстро поднялись, и вскоре работа шла в обычном темпе. Но история про «медведей» вызывала время от времени шутливые замечания и смех.

Все знали, что скоро придёт комиссия, об этом им сказал Тараканов, предупредив, что везде должен быть к этому времени наведён порядок.

— До конца рабочего дня нам надо сгрести оставшийся песок в кучи, чтобы его потом было легче отгрузить, скомандовал Вальдемар.

— А я бы на твоём месте молчала, — сказала Нина Беляева, злившаяся на Вальдемара за то, что он, немец, командовал ими в отсутствии дяди Антона. — Если бы кто-нибудь другой эту историю с медведями рассказал, то ты наверняка сейчас сказал бы: не бойтесь, добрые люди, комиссию. И порядок наводить не надо. Здесь ведь такие места, что можно людей легко перепутать с медведями! Все рассмеялись, а Вальдемар подумал, что это было с его стороны глупо — рассказать эту историю.

Работу в этот день закончили в три часа и до конца рабочего дня приводили всё вдоль узкоколейки в порядок. Шевчук и Шнейдер придали своим кучам песка форму могильной насыпи. Это так понравилось другим, что и они свои круглые кучки переоформили в четырёхугольные.

Комиссия

На другое утро появилась комиссия. Впереди шёл Тараканов.

— Хорошо, очень хорошо, — похвалил работу один из членов комиссии, состоявшей из пяти человек. — У вас, оказывается, толковые люди.

— А я считаю, — сказал другой член комиссии, выше всех на голову, с орлиным носом и большими ушами, — толковость в первую очередь следует искать в мастере. Ведь не зря говорят: каковы сами, таковы и сани.

Мастер Тараканов расплылся в довольной улыбке и закрутил свой ус, что, впрочем, он делал постоянно, разница была лишь в скорости. Если он это делал быстро, то тут со стороны собеседника нужна была особая осторожность.

— Я, со своей стороны, благодарю вас за комплимент, товарищ начальник треста, — ответил сияющий Тараканов высокому члену комиссии.

— Пожалуйста, пожалуйста! Но я не преувеличиваю, это в действительности так.

Вдали прогремел гром, затем ещё раз и ещё!

Хорошо, что война закончилась, а то можно было подумать, что американцы идут, — закончил он, смеясь. Ноги у них для этого короткие, — ответил Тараканов. — О, я вас понимаю, товарищ Тараканов! Вы ведь с начала войны были призваны?

-О, ещё до войны! Мы жили на Кавказе, и нас мобилизовали против повстанцев-чеченцев. А в 1941 году я попал сразу на фронт. Под Сталинградом меня ранило. Когда я вышел из госпиталя, наши войска гнали фашистов уже назад. Да, так я и дошёл до Берлина.

— Тогда у вас наверняка много медалей?— Не только медали, есть и орден. Это было у Варшавы. По приказу командира я привёл из вражеского лагеря «языка» высокого ранга и за это получил звание лейтенанта и орден Красной Звезды.

Высокий мужчина уважительно похлопал по плечу Тараканова, который уже не шёл, а маршировал, словно на плацу.

— Видите, а мне пришлось оставаться в тылу. С начала войны у меня была бронь, ведь я работал в тресте. Первоначально я исполнял должность начальника лесничества, а после войны мне доверили капитальное строительство. В этой отрасли много ещё надо сделать, но ведь для этого мы и есть, верно ведь, Константин... извините, я опять забыл ваше отчество!

— Ва-силь-е-вич! — проскандировал Тараканов. — Спасибо! Теперь я уже точно его не забуду! Верно же, Константин Васильевич, для этого мы и здесь, чтобы служить Отечеству?

-Так точно, — прозвучал короткий ответ. У Константина Васильевича Тараканова были другие представления о «жизни для Отечества», но он предпочел об этом промолчать.

— Что это за громовые удары? Они каждый день слышны? — поинтересовался начальник.

— Нет, только время от времени. Это километрах в шестидесяти — восьмидесяти отсюда. Это то ли в каменоломне, то ли на строительстве Череповецкого металлургического комбината производят взрывы. Но вам, товарищ Попов, это наверняка известно лучше, чем нам. Все остальные члены комиссии были уже у бригады Лисечко, пока, наконец, эти двое подошли. Ещё с четверть часа беседовали они о Корейской войне. По мнению начальника, американцы были подстрекателями недавней массовой бойни среди северных корейцев. Такие акции следует пресекать и строго за них наказывать — к такому выводу пришли собеседники.

— Вы, видимо, земляки? У вас есть о чём поговорить, верно? — спросил один из членов комиссии, тот, который сделал раньше замечание, что узкоколейка проложена толковыми людьми.

— Ну, мы всё осмотрели, сделали положительные и отрицательные замечания, — ответил начальник и, обернувшись к Тараканову, продолжил: — Но не ломайте себе над этим голову, товарищ Тараканов! Это мелкие замечания, просто они необходимы для

сообщения на бюро во время отчёта о нашей проверке. А в общем и целом — всё очень хорошо.

— А вот на что вам следовало обратить особенное внимание, товарищ Тараканов, так это на форму этих куч песка, — сказал молчавший до сих пор член комиссии. Он так при этом наморщил лицо, что даже уши пришли в движение. — Вы ведь знаете о последних событиях в Корее? Так что эти похожие на могильные холмы кучи песка с политической точки зрения кажутся очень значительными.

Указав на людей, работавших метрах в двадцати от них, он продолжил:

— Большинство из них — из Германии, и, что ещё хуже, были рождены в России, но не остались ей верны. Именно этой точки зрения мы и должны их рассматривать. Это, конечно, только женщины и дети, но не следует забывать, что это жёны и дети тех, кто сражался за Гитлера, но которых мы схватили и заставили отбывать вину в концентрационных лагерях и в тюрьмах. Так что будьте осторожны! Я как служащий НКВД, обязан был вас предупредить, — последние слова он произнёс вполголоса.

Вскоре рабочие заметили, что гости начали прощаться и по очереди трясли руку Тараканову. Начальник треста и работник НКВД ещё что-то говорили ему на прощание.

— Этот наверняка из тайной службы, — тихо сказала Ольга Шнейдер своей соседке, не прерывая работу. — Кто знает, что они ему там наговорили? Наверняка что-нибудь про нас.

— Ах, не надо всё в чёрном свете видеть, они просто беседуют между собой, как и мы, бабы, это часто делаем, — ответила ей Параска.

— Я слишком хорошо знаю таких стукачей, чтобы верить в их безобидные разговоры, — продолжала возбуждённо Шнейдер. — О, чтоб погиб весь свет! Как мне всё это надоело!

Наконец, все гости ушли к мотовозу, готовому к отправке. Тараканов вернулся к бригаде. Все напряжённо ждали, что он скажет. Не будет ли

ругаться?

— Товарищ Лисечко, после работы мне необходимо с вами поговорить,
— заметил он мимоходом. Красное лицо и пальцы, быстро крутящие ус, не предвещали ничего хорошего. Эльфрида всё это заметила и прокомментировала: Вначале достанется нашему бригадиру, а завтра и нам, ещё шире! Вальдемар продолжил: в этой брани нам не устоять.

Закон тайги: у сильных власть!

Так, что, товарищи-друзья,

С начальством спорить нам нельзя!

Неприятностей вы не хотите?

Тогда дружно лопаты берите,

И с кучами песка делайте то же,

То, что и я буду делать попозже!

Дядя Антон уже ушёл с мастером Таракановым, когда Вальдемар взялся за лопату и начал раскидывать кучу песка. Несколько человек, в том числе и Шнейдер, последовали его примеру. Кое-кому показалось всё это очень странным, они побросали свои лопаты и пошли домой. Шевчук дорогой выговаривала Ольге:

— Если мы будем этого недоростка слушаться, он скоро из нас сделает дураков. То ему надо аккуратные кучи сделать, то снова песок разбросать! А ты ещё и подражаешь ему!

— Он прав. Ты слышала, что Тараканов говорил бригадиру?

Нет.

— Ну, тогда слушай. Он сказал: в Корее «наших» убивают, а здесь празднуют похороны! Подождите, завтра вы от меня такое услышите,

что вам тошно сделается! Я это услышала и рассказала Вальдемару. Поэтому он и решил, что лучше будет кучки рассыпать.

На другое утро Тараканов сам не знал, что ему надо. Он то ругался, что кучи песка были сформированы наподобие могильных холмов, то кричал, почему их разбросали. Его не устраивало ни то, ни другое. Наконец, запутавшись совсем, сказал рабочим:

— Смотрите у меня, если вы ещё раз организуете такие поминки!.. — и ушёл.

Большинство рабочих недоумённо переглядывались. На следующий день неиспользованный песок погрузили на платформы и отвезли туда, где он был нужен.

Вражда и дружба

Но чего никто не мог предусмотреть, так это то, что подозрение в насыпке «могильных холмов» вызовет ненависть местных к ссыльным, особенно среди молодёжи. Первой в бригаде высказала откровенную ненависть Нина Беляева, девушка лет 17-ти с приятным, несколько бледным лицом, слегка полноватая, от чего она очень страдала.

Нет, её ненависть к ссыльным немцам была вызвана не тем, что кто-то из её близких погиб на войне. Её братья и отец, первый пьяница на 17-м лесопункте, благополучно вернулись с войны, живые и невредимые. Но что-то снова и снова раздувало в ней ненависть к немцам. Редко проходил день, чтобы она ни наградила кого-нибудь из них последними словами. Вальдемару частенько приходилось слышать от неё в свой адрес ругательства типа «фриц» или «фашист». Особенно озлоблялась она, если он делал замечания по поводу её неловкости или медлительности. Ей часто приходилось переделывать работу из-за своей неуклюжести. Однажды, не выдержав её халатного, небрежного отношения к работе, он сказал: «Ты неповоротлива, как корова». «А ты тут прыгаешь, как бычье отродье», — получил он в ответ. Что у них

было общее, так это то, что оба в карман за словом не лезли. Поэтому и возникали между ними частенько ссоры.

Однажды, когда она с обычным сонным видом кое-как работала, Вальдемар пожелал про себя, чтобы она была парнем, из которого командир выгоняет сон на строевом плацу. Пару раз выполнить команду «налево — направо», «лечь — встать», и сна как не бывало! Особенно, если эти команды выполнять там, где она стояла — в луже. Вот было бы брызг!

— О чём это ты, фриц, мечтаешь?! — заорала она на него, заметив, что он на несколько секунд ушел в свои мысли. — Смотрите на него, если он стоит и таращится на белый свет, тогда он себя не спрашивает: чего это я тут стою? Достаточно кому-нибудь передохнуть минуточку, так он тут же на нас кричит!

Вот тут она была права! Он действительно заслужил порицание. Он удержался, чтобы не дать волю гневу, как это всегда было, когда он слышал «фрица» или «фашиста» в свой адрес. Он взял лопату и начал быстро бросать под шпалы песок, смешанный с глиной. Прошло какое-то время, и он поднял взгляд. Нина всё ещё стояла на месте, уперев руки в бока.

— Ты сегодня ещё собираешься работать? — выпалил он. — Тебе, значит, стоять можно и отдыхать, а мне нельзя? — резко и насмешливо спросила она. Это уже было чересчур!

— Работай, я тебе говорю! Иначе я отошлю тебя домой!

— Ха-ха-ха! Этот фашист прогонит меня домой! Для этого у тебя — фрица, — руки короткие! Ты, фашистский урод, что ты себе позволяешь? — и ругательства так и посыпались градом из неё.

— Заткнись, кацапка!

— Перед тобой, фашист? Никогда и ни за что! Внутри у Вальдемара всё кипело. Внезапно ему пришла в голову мысль, как он эту необузданную Беляеву напугать может.

Нагнувшись, он схватил кусок глины величиной с яйцо и бросил в неё.

— Ой-ой-ой! Мой живот!

— Нечего притворяться! Из-за кусочка глины твоему животу ничего не сделается.

Камень ты в меня бросил, а не кусочек глины! О мой живот, мой живот!

Вскоре её крики превратились в жалобные стоны, и она захромала по шпалам домой. Метров через пять она остановилась и скорчившись, простонала:

— в медпункте обследование раскроет, что ты этим камнем мне причинил! — высоко подняв руку со сжатым в кулаке камнем, она добавила: — Этот камень будет свидетелем, и вы все тоже! А тебя... я тебя тогда засужу!

Впервые в её речи отсутствовали обзывания типа «фриц» и «фашист».

— Это ведь не камень, а кусочек глины, — осторожно запротестовал Вальдемар, понимая, чем всё это может обернуться.

— Он опять врёт! Посмотрите, это камень! Двое из работниц подошли к ней и осмотрели кусок глины, что она держала в руках.

— Да, это камень, покрытый глиной, — сказала одна из них, показывая камень Вальдемару.

Он взял камень в руку. Даже по весу можно было определить, что это не только глина. Как он этого сразу не заметил?! в конце концов, он её хотел только напугать! А теперь получилось наоборот, и Нина этим прекрасно может воспользоваться. Он был страшно напуган: теперь он попадёт в тюрьму! Нина в сопровождении одной из подруг заковыляла по направлению к медпункту.

От членов бригады Вальдемару доставалось немало упрёков. Но ему ничего не оставалось, как только их терпеливо выслушивать. Что же

скажет он матери, когда придёт домой? И что скажет ему мать?

И что дома он узнал, что Нина действительно была в амбулатории и запаслась справкой об ушибе твёрдым предметом.

После долгих размышлений и настояний со стороны семьи пошёл он к Нине, чтобы поговорить с ней. Но Нина не стала с ним разговаривать. Всё, что она ему сказала, было: «Суд решит этот вопрос».

Через семь дней пришёл комендант поговорить с матерью Вальдемара о случившемся на работе... Та попробовала объяснить коменданту, что постоянные ругательства Нины вызвали такую реакцию её сына. Комендант выслушал её понимающе и покивал головой.

Почему всё осталось без последствий, Вальдемар понять не мог. Одно только ясно: и плохие дела, совершённые детьми Его детей, может Господь изгладить, если об этом молиться. Анна Кран все эти дни много молилась о сыне.

Так что суда не было. И Нина снова работала в бригаде. Вальдемар и дальше занимал место помощника бригадира. Но одно всё-таки изменилось: Нина больше не обзывалась, да и другие, за редким исключением, не использовали больше слова «фриц» и «фашист».

Чудесное лето заканчивалось. Бригаде Лисечко было чем гордиться, взирая на результаты их неустомимого труда, который они вложили этим летом в общее дело на благо общества. И этот труд объединил их, ссыльных и местных, волею судьбы вынужденных жить под одним небом.

Началась осень. Лес вскоре будет стоять в роскошном убранстве жёлтых, красных, коричневых листьев. Но время господства насекомых уже кончилось. Как жаль, что это чудесное время года быстро закончится! Бабье лето в этих краях очень коротко.

Работа в бригаде шла, как и прежде, интенсивно, но темпы её несколько замедлились. Одна из причин была та, что у всех было

много дел дома, которые надо было успеть сделать, пока стояли тёплые дни. Почти у всех был высажен весной на выкорчеванных участках картофель. Теперь его надо было выкопать. Кто ещё не запас корм для своих коз, торопился это сделать, ведь листья — самая любимая еда коз, — уже начали падать с деревьев. Раньше, до войны, люди готовились бы уже к празднику жатвы, но теперь из-за такой тяжёлой жизни эта традиция была утеряна.

Но самым тяжёлым для всех ссыльных было сознание собственной несвободы. Многие себя чувствовали, как когда-то евреи в Вавилонском плену. Они жаловались: «Прошла жатва, кончилось лето, а мы не спасены» (Иеремии 8:20).

Да, они были ещё в изгнании, скоро уже четыре года! Выдуманные истории типа «возвращение в Германию» были давно забыты. Что их могло теперь утешить! Ведь не мысль, что они сюда высланы навечно?! Ничто не предвещало скорую свободу. Особенно тяжело в эту осень было Ольге Шнейдер. У неё даже кончился запас ругательств, никто больше не слышал от неё: «О, чтобы весь свет погиб!» Она вся ушла в себя, Люди не могли понять, что с ней. У неё не было никого, с кем она могла бы откровенно поговорить, а с коллегами по работе она в разговор не вступала. И однажды, в начале сентября, она не вышла на работу. — Шнейдер болеет, лежит в постели и никого не хочет видеть, — озабоченно переговаривались члены бригады. — Надеемся, ей вскоре станет лучше, — говорили другие. С Ольгой Шнейдер жила теперь тётя Анюта, которая взялась ухаживать за ней. Через пару дней больная по— зала её в свою комнату:

— Тётя Анюта, я больше не выдержу! — Тебе плохо? «Я приготовлю тебе тёплую ножную ванну», — сказала тётя Анюта.

Тут ножная ванна не поможет. Я... — она сорвала с себя одеяло и размотала полотенце, которым была туго Увязана.

В ужасе от увиденного тётя Анюта не сдержалась: что теперь нам делать? Надо кого-нибудь позвать!

— Ничего теперь нельзя сделать! И звать никого не надо! Только ждать и никому ничего не говорить! Вы меня поняли?

Промолчав, тётя Анюта сказала:

— Да!

Долго ждать не пришлось. На следующий день начались схватки, и в полночь, когда все в бараке спали, родился ребёнок. Но когда тётя Анюта, ставшая по нужде акушеркой, взяла ребёнка в руки, он был мёртв.

Когда душа этого мученика отошла к Богу, знает только Он и, возможно, ещё мать.

Через несколько дней Ольга вышла на работу, а вскоре и её дети вернулись из детдома.

Фридрих, её старший сын, давно болел туберкулёзом слюнных желез. Под челюстью у него всё ещё гноились открытые раны. Это и было причиной того, что он испытывал чувство неполноценности.

Вальдемар, с детства не имевший ни одного настоящего друга, очень его жалел. И однажды, увидев Фридриха, стоящего в одиночестве возле барака и с тоской смотрящего вдаль, предложил ему свою дружбу. У Вальдемара было высокое представление о дружбе. Друзья должны по возможности быть всегда вместе; где только можно поддерживать друг друга во всём. Такого же мнения был и Фридрих. И вскоре они стали неразлучными друзьями. Они всё предпринимали вместе, во всём советовались и всегда были одного мнения.

Однажды, немного выпив, — это случалось не часто, но всё-таки случалось, ведь они жили ещё в миру, — они поклялись друг другу, что если они когда-нибудь женятся, то только на немках, говорящих на их диалекте. Другой выбор был исключён. Что ж, ни один из них не сдержал своё слово (у обоих получилось не так: Фридрих женился на украинке, а Вальдемар на немке с швабским диалектом).

За волком приходит медведь

Шестого марта 1953 года солнце взошло, как обычно. И жизнь шла обычным чередом. У лошадей на бегу валил пар из ноздрей. Трактора тащили свои десяти и более кубометровые стапеля леса на погрузочные эстакады. На лесных делянках жужжали, свистели, визжали электропилы, вгрызаясь своими острыми зубьями в толстые стволы столетних деревьев. Метрах в пятидесяти от лесорубов работали, не разгибая спины, в глубоком снегу обрубщики сучьев. Под их острыми топорами отлетали от стволов замёрзшие сучья. Другие собирали их и тут же сжигали на кострах. Медленно поднимался в небо дым от костров. Всё шло своим чередом, как и в прежние дни, и ничего в настоящем дне не предвещало каких-нибудь изменений.

И вдруг от страшного известия всё замерло. Как 22 июня 1941 года, люди растерянно спрашивали друг у друга: «Что же теперь будет?» Жалуясь и даже плача, многие впадали в отчаянье. Но большинство молчали, уйдя в свои мысли и размышляя о случившемся. Собственно, это было единственным, что ещё можно было делать — свободно думать. Но и это не всегда было безопасно, так как в такой момент любой мог задать вопрос: «А что вы думаете об этом?»

Могла ли в таком случае ответить, например, Вернер, что она думала о самом трагическом случае в её жизни, вспомнить который её заставила смерть Иосифа Виссарионовича Сталина? Это было в 1937 году, когда она потеряла своего ребёнка, умершего от тяжёлой болезни. Но отец умершего сына на похоронах не мог присутствовать, так как его тут же арестовали бы. Он прятался на чердаке соседнего дома. Он мог только взглядом сопровождать гроб своего сына. Она тогда чуть не совершила предательство: ей так хотелось узнать, прощается ли он хотя бы взглядом с их дорогим сыночком, что она постоянно бросала взгляд на окна соседского чердака. Наконец, золовка прошептала её на ухо: «За тобою следят. Наблюдай за собою!» Мужу пришлось этой же ночью из предосторожности сменить своё укрытие.

Или, например, о чём думала Эмма Фукс? Её отец был одним из немногих, переживших страшную диктатуру 1937 года. Могла она

свободно выразить свои мысли? Её отца и свёкра арестовали, как кулаков, а затем сослали. Во время длительных допросов от отца требовали подписать то, чего не было. Несмотря на угрозы, он не подписал лживые документы палачей, которые им нужны были, чтобы арестовать других невинных. Так как её отец не мог идти против своей совести, ему за это вгоняли иголки под ногти. Но и эти пытки истязателей не смогли заставить этого храброго мужчину поставить свою подпись под лживым документом. Из тюрьмы ему удалось ускользнуть. Пару дней он скрывался дома, затем убежал дальше. Лишь в 1941 году он смог вернуться на родину. А её свёкор умер в изгнании от голода. В то время у зажиточных крестьян забирали всё, что они имели, а затем ссылали. Свёкра сослали в одно место, его жену — в другое, а детей отправили в детдом. Вся деревня была свидетелем этого ужаса. В другой семье тоже всё отобрали. А через несколько дней пришли проверить, не осталось ли ещё что-нибудь. Ничего не нашли, кроме солонки, забрали и её.

Во вторую половину дома поселили сельского учителя. Он запретил детям собирать в саду опавшие яблоки. На увещевания Теодора Фукса учитель ответил: «Теодор, не забывай, где твой отец!» А как мог Теодор забыть об этом? Разлука была ещё так свежа, и её раны ещё кровоточили! Но такие люди, как этот учитель, давно забыли, что это значит — быть человеком!

Ни она, ни ей подобные не хотели вспоминать своё горькое прошлое, но оно автоматически всплыло в сознании, когда они узнали о смерти Сталина. Конечно, не один Сталин был виноват в этом ужасе, что они пережили, у него были тысячи помощников и ещё больше помощников этих помощников, но всё-таки он был глава! Был? Возможно ли, что его теперь нет? Его, непобедимого полководца? Его, который распорядился провести 7 ноября 1941 года на Красной площади в честь революции парад, хотя немецкие танковые дивизии стояли уже в 30-ти километрах от Москвы? Его, который через 3,5 года стоял на порфире балюстрады Мавзолея и смотрел, как перед ним проносили и бросали на брусчатку мостовой знамёна и стяги побеждённой Германии? Его, по чьему приказу победители своими сапогами топтали эти знаки силы и власти? Его, по чьему приказу

после каждых последних известий все годы войны повторялись слова «Победа будет за нами!»? Его, о ком ещё вчера многие думали, что без него не смогут жить? Возможно ли, что этого человека нет больше в живых? Изменится ли теперь положение в стране? Наступит ли в России время, когда человек сможет свободно высказывать свои мысли? Ведь если человеку постоянно надо быть начеку, чтобы скрыть свои мысли, которые не подходят режиму, тогда и в мыслях он не может быть свободным. А что вообще может быть свободным, если не мысли? И всё-таки находились люди, которые не только думали, но и отваживались выражать свои мысли вслух.

— Как ты думаешь, нам теперь будет лучше? — спросила Анна Кран свою соседку по бараку. — Я политически не подкована, — сказала соседка. Но раньше говорили: за волком придёт медведь.

— За волком придёт медведь, — повторила про себя Анна.

Значит, может стать и хуже. Как хорошо, что она могла находить утешение в Боге. Ведь это в Его власти — направлять сердца людей. Да и здесь, в тайге, они уже не однажды убеждались, что медведь, от которого убегает волк, не так людям страшен, как этот волк. Но в одном можно быть уверенным: если у медведя отобрать малышей, то он становится очень опасным.

Никто у медвежьего государства не собирался отбирать малышей, пусть само их воспитывает, как хочет! Но существующая система всё рассматривала, как свою собственность, в том числе и детей. Так что следовало хорошо подумать, прежде чем заявить права на воспитание собственных детей. Понятно, что при этом не обойдётся без ожесточённой борьбы. Эти опасения были не безосновательны. Так было и тогда, и даже спустя пятнадцать и более лет после смерти диктатора. Слава Богу, находились родители, которые не только вырвали своих детей из лап этого медведя, но и имели мужество воспитывать их согласно Библии!

Не все могли ехать на похороны Сталина в Москву. Но все должны были принять участие в трауре. Как это было организовано? Во-первых, все радиостанции Советского Союза передавали в эти дни

только новости и траурную музыку. Во-вторых, в определённое время по звуку сирены останавливались все работы. В тайге, где сирен не было, их роль выполняли сигналы тракторов. В-третьих, в день похорон и на 20-й километр приехала партийная группа, которая должна была выступить перед публикой в клубе участка с траурными речами в адрес Сталина. Траур должен был состояться в 19 часов. К этому времени собрались не все, поэтому собрание началось позже. Когда, наконец, весь народ собрался, оратор начал свою речь.

— Дорогие товарищи! Мы переживаем великую, несоизмеримую ни с чем утрату. После тяжёлой болезни скончался пятого числа этого месяца наш любимый великий вождь, учитель, первый секретарь ЦК КПСС, председатель Верховного Совета, председатель Совета Министров, Генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин. Он родился 21 декабря 1879 года в горной деревне Гори.

Оратор не добавил: «в семье сапожника». Это звучало бы двусмысленно. Ведь слова «сапожник» и «пьяница» в русском языке были синонимами. Некоторые даже считали, что Сталин сам был хорошим «сапожником», поэтому и умер.

И здесь, на собрании, тоже сидело немало любителей «зелёного змия», которые с нетерпением ждали конца собрания, чтобы залить своё «горе» парой стаканов «Московской особой». Среди таких людей были бывший танкист из Харькова, теперь бригадир тракторной бригады, и его помощник. Они ещё до начала собрания выпили бы, но им не хотелось этим себя разоблачить, что они вовсе не в траурном настроении.

В школах в эти дни была лишь одна тема: «Утрата великого вождя и учителя».

Иоганна и Хайфи учились в школе в посёлке Семигородняя. Тут они жили на квартирах в частных домах.

В этот траурный день Иоганна вернулась домой уставшей. Её хозяйка, полька Юзефа Бурцева, встретила её со слезами на глазах: «Моё дитя, ты уже слышала? Наш вождь умер. О, что мы теперь будем делать?»

Иоганна недоумённо посмотрела на хозяйку, не зная, что ей и ответить. В школе не видели будущее в таком чёрном цвете, хотя учителя тоже были озабочены. Разве во всей огромной стране в двадцать с лишним миллионов квадратных километров был только один-единственный человек, который мог вести за собой народ? Она, конечно, мало что знала об этом так горячо восхваляемом человеке, но всё-таки ей казалось, что люди сильно преувеличивают.

Иоганна положила сумку на место, быстро проглотила обед и незаметно выскользнула из дома. «Надо послушать, — подумала она, — о чём говорят в доме, где на квартире живёт Хайфи».

На стук в дверь Иоганна услышала печальный голос Хайфиной хозяйки: — Войдите!..

«Значит, и здесь подавленное настроение», — подумала она, но, закрыв дверь за собою, сразу почувствовала другую атмосферу. Все были такими же, как прежде. Они что, не боялись будущего? Или ещё не слышали об этой невосполнимой утрате? Вообще-то, Хайфи должна была уже им об этом рассказать.

Нет, здесь тоже знали об этом. Еще вчера они сидели до позднего вечера, вспоминая всё, что пришлось их семье пережить в годы репрессий. Когда Иоганна заняла место за столом, хозяйка обернулась ко всем сидящим, и спросила:

— Так на чём я остановилась?

— Как ваш муж молился на картофельном поле, — напомнила ей сгорающая от любопытства Хайфи.

— Только, пожалуйста, тётя Шура, всё с самого начала, — попросила Иоганна, которая знала, что тётя Шура хорошая рассказчица.

Нет, на это уйдёт много времени, я ведь вчера весь вечер об этом рассказывала. Тем, кто это слушал, будет скучно выслушивать всё ещё раз.

— Нет, нет! — запротестовала Хайфи. — Расскажите всё сначала, это так интересно! Вы так много всего пережили!

— Да, это было тяжёлое время, — начала свой рассказ пожилая украинка. — Как я уже говорила, поженились мы рано. Едва мы успели привести в относительный порядок своё родовое имение, так как поля были все заброшены, как вдруг заболел мой свёкор и не мог больше помогать по хозяйству. Мой муж был ещё студентом, когда началась революция. Первые годы были относительно неплохими. Мы работали день и ночь в ожидании обещанной хорошей жизни. Но она не наступала. С каждым годом мы должны были платить всё более высокие налоги, всё больше отдавать новой власти. И однажды мы отдали и себя. Да, нас, как кулаков, выслали сюда.

— Но вы не рассказали ещё, как ваш ребёнок умер, — перебила её Хайфи.

— Всё было так ужасно тяжело, что я не хотела бы опять об этом вспоминать. Да, его давно нет с нами, царство ему небесное! — она перекрестилась и продолжила: — Но вот эта, — она кивнула на дочь, сидящую около неё за столом, — ей пришлось пережить немало. Холод, сырость, голод — всё перенесла она с нами. Не удивительно, что у неё воспалились уши и она теперь почти глухая, лишь одно ухо немного слышит. Её спасло только её имя - Виктория. А то она тоже давно умерла бы.

— Как это: её спасло имя? — спросила Иоганна.

— Дело было так. Когда я её ещё под сердцем носила, пришла к нам в дом цыганка. Она мне нагадала, что у меня будет дочь, которой придётся в жизни много чего перенести. Но если я последую её совету, то ребёнок победит зло. Конечно, я хотела сделать всё возможное, чтобы мой ребёнок был счастлив. Гадалка попросила позолотить ей руку, тогда она скажет мне всю правду. Я уже тогда немного занималась гаданием на картах и поэтому знала, что цыганки, хотя не все, могут предсказывать будущее. Я дала цыганке немного денег и в ответ на это цыганка дала мне совет назвать дочь Викторией. После этого она быстро исчезла за деревьями нашего сада.

Иоганна и Хайфи переглянулись. Им стало как-то не себе.

Виктория, несмотря на глухоту, кое-что понявшая из разговора, стала обвинять свою мать:

— Ты не должна была иметь дело с цыганкой! Она мне не помогла, а только меня заколдовала!

— Не говори глупости! Она хотела нам помочь. Радуйся, что я тебе такое имя дала, — громко прокричала мать прямо в ухо дочери и ещё громче добавила: — Теперь хорошо слушай, что я тебе скажу: не она нас заколдовала, а Сталин!

Сама испуганная вырвавшимися словами, она огляделась, нет ли кого чужого в избе и зашептала, суеверно сплюнув через плечо:

Теперь он, наконец-то, сдох! На этом она закончила свой рассказ и девочки, угнетённые всем услышанным, вышли на улицу.

— Послушай, — сказала Йоганна своей подруге. — Мне как-то жутко стало от этих разговоров.

-Мне тоже, — ответила Хайфи. — Я никак не пойму таких людей. Они то молятся, то снова гадают на картах. Ты заметила, какие они суеверные? — Ты имеешь ввиду это «победное» имя?

— Ну да. А ещё я считаю, что Виктория абсолютно права, говоря, что мать не должна была иметь дело с гадалкой. Наверное, она сама тоже поэтому такая суеверная. Если у неё, например, болит рука, то она тут же обвязывает её красной ниткой. Если ей кто-нибудь перейдёт дорогу с пустым ведром, или чёрная кошка пересечёт ей дорогу, она ни за что не пойдёт дальше. Чего только она ни выдумывает! Наша мама говорит, что всё это дела дьявола. Поэтому мне жутко у них жить. Вчера она так сердечно рассказывала о своём муже, каково ему пришлось во время побега, а сегодня она так ужасно отозвалась о Сталине. Ты ведь тоже считаешь, что о людях нельзя так говорить, даже если они и были плохими?

— Конечно же. Но знаешь, мне кажется, у этой женщины была очень тяжёлая жизнь. Я хотела бы больше узнать о бедствиях её мужа. Откуда и куда он бежал? И тогда Хайфи начала ей рассказывать, что она вчера вечером от тёти Шуры слышала. — Эту украинскую семью выслали сюда, как кулаков, ещё в тридцатые годы. Мужа тёти Шуры сильно пытали на допросах. А потом их просто высадили здесь, в лесу, и они должны были сами строить себе землянки и покрывать их ветками, корой от деревьев и другим лесным материалом. Однажды, когда они были в землянке вдвоём, он сказал ей: «Ну, Шура, если я в будущем не вернусь с работы домой, знай, что я сбежал. Я больше так не могу!» Она ему напомнила об одном общем знакомом, который тоже сбежал. Тогда его поймали, привязали к лошади и волоком притащили обратно. Но это предупреждение было бесполезным. Немного спустя пришли с обыском чекисты. Она поняла: муж сбежал. Потом прошёл слух, что его поймали и, что он понёс заслуженную кару. Она думала, что больше его никогда не увидит. Но через год, они жили тогда уже в бараках, он пришёл ночью домой и рассказал, как ему удалось побег. Он добежал только до картофельного поля, как увидел всадников и собак, которые были уже недалеко от него. Он не знал, что ему делать, чтобы остаться незамеченным. И тут ему пришло в голову помолиться. Это были самые простые слова: «Господи, если Ты есть, то сохрани меня от этих ужасных людей и собак!» А они были уже в нескольких метрах от него по обе стороны. И вдруг один из преследующих закричал: «Здесь, в картофельной ботве, его точно нет. Мы только время теряем. Давайте продолжим погоню!» Так он был спасён.

Хайфи попрощалась с Иоганной и побежала скорее домой. Её хозяйка наверняка уже беспокоится, где это она задержалась, тем более что сегодня Хайфи не предупредила её об уходе.

А в воскресенье девочки рассказывали своим домашним обо всём, что произошло за неделю в школе и у их хозяек. Особенно много было рассказов о тёте Шуре. Это особенно взволновало девочек.

Анна Кран внимательно слушала девочек и в заключение сказала:

— Дети, никогда не позволяйте тёте Шуре гадать для вас на картах. Это сатанинское занятие. Наше будущее — в Божьих руках.

— О Господи! — молила она Его. — Сохрани детей от этой чёрной власти!

Решение принято

Вечером этого же дня девочкам надо было возвращаться в Семигороднюю на занятия.

— Ещё пару месяцев, и нам не надо будет часами стоять здесь в ожидании поезда, — сказала Иоганна, радуясь, что скоро закончится учебный год.

Поезд приходил на 20-й километр в разное время: то в двенадцать дня, то в пять вечера, порой и в восемь, а иногда случалось, что не приходил вообще. Но это не тревожило железнодорожное начальство: пусть люди на следующее утро опять пробуют уехать!

В стороне стояла группа молодых людей, оживлённо о чём-то беседовавших. Хотели ли они тоже этим поездом ехать или провожали кого-то?

Хайфи давно заметила, что Фридрих стал к ней как-то по-другому относиться. Они знали друг друга давно, почти с самого её детства. Бывало, они ссорились и не понимали друг друга, но немного погодя опять дружно играли вместе. Но в последние месяцы он, входивший к ним, как в свой собственный дом, стал каким-то странным. Казалось, ещё немного и он начнёт к ней обращаться на «вы». Такое отношение к себе она воспринимала как назойливость. Поэтому, стоя в кругу девчонок, надеялась она, что Вальдемар останется с группой молодёжи, иначе это «воплощение вежливости», как она называла про себя Фридриха, тут же следом за её братом подойдёт к ним. Её опасения были не напрасными, так как она заметила, что её брат всё чаще поглядывал в их сторону. Было уже четыре часа, а поезда всё ещё не было. Солнце почти скрылось за лесом. Сравнительно тёплый день

сменился холодным вечером. В тишине наступающего вечера хорошо были слышны аккорды гармошки, и притопывание ног, то сильнее, если плясали парни, то слабее, если плясали девчата.

По небу разлился закат, становилось темнее и, наконец, солнце совсем исчезло. Вальдемар смотрел ему вслед, и на сердце у него становилось всё тревожнее. Уже загорелись окна клуба — единственного здания, в котором было электричество. Из клуба доносились звуки вальса «Дунайские волны». Со всех сторон шли люди, спешившие на фильм. Среди них была девушка, которая ждала его. Но сегодня ему было тягостно от сознания этого. Почему, не знал он и сам.

Между тем почти все парни ушли. Оставались только Вальдемар с Фридрихом, недалеко от них девочки, почти невидимые в наступившей темноте. Самая маленькая среди них — Иоганна.

Но почему как раз Иоганна так тревожит его? Ещё несколько лет тому назад он дразнил её, когда она играла с Хайфи. «Моя будущая жена, подойди, я поцелую тебя», — тогда это были шутки, а теперь?.. «Какая глупость, она ведь на семь лет моложе тебя!» Девочки, ожидавшие поезда, запели, Голос Иоганны был высоким и чистым и так отличался от других, что он слушал только его. Что бы это значило? Разве он уже не слышал множество раз этот голос? И даже эту песню? Но никогда ещё её голос не звучал так красиво как сейчас! Он уже хотел попросить Фридриха подойти с ним к девочкам, как вдруг вспомнил неприязнь Хайфи по отношению к его другу. Он хотел уберечь друга от разочарования и поэтому опять обернулся к манящим окнам клуба.

— Как ты думаешь, — спросил он молчащего друга, — не сходить ли нам в клуб?

— Если хочешь, пойдём, — разочарованно сказал Фридрих и покорно добавил: — Всё равно ничего не поможет. — Я понимаю тебя, — попытался помочь Вальдемар своему другу, — наберись терпения, иначе её неприязнь станет такой, что уж точно ничего не получится. Я хорошо знаю свою сестру.

Они пошли к клубу. Всё ещё шёл первый фильм. Затем будет показан ещё один. Вальдемар неохотно зашёл в помещение.

— Мне кажется, будет лучше, если мы до конца фильма погуляем, чем таращиться на эту глупость, — сказал Фридрих, заметив беспокойство друга.

— Хорошее предложение! Мог бы и раньше сообразить. — Слушай, что с тобой сегодня происходит? — Давай выйдем, я тебе потом скажу.

Единственную возможность идти рядом предоставляла узкоколейка. Тропинки же были так узки, что идти можно было только один за другим. А если идти рядом, то одному из двух надо было идти по глубокому снегу. Иногда это доставляло удовольствие, но только не сегодня.

Они шли довольно долго рядом, не говоря ни слова. Фридрих прервал молчание первым:

— Ну и сколько мне прикажешь ещё ждать? Ты, кажется, хотел мне что-то рассказать?

Да, я хотел тебе сказать, что мне всё это уже надоело. — Что это — «всё»?

— Всё, значит — всё, — ответил коротко Вальдемар. — Значит ли это, что ты не любишь больше твою сестру, твою мать, так же и Тамару, и меня, и даже самого себя? Так?

— Нет, не так. Я очень рад, что у нас есть мать. Хайфи хорошая сестра и Маргарита тоже, да и ты для меня очень важен, как и они все. Я сейчас имел ввиду совсем другое. Когда я слышу звуки гармошек, топот плясок, частушки, когда я думаю о том, как я провожу вечера, мне становится так тяжело на душе. — И Тамару ты больше не любишь?

— Я вообще её не любил никогда. Я только потому с ней подружился, чтобы доказать, что она мне не откажет. Мне даже не интересно с ней.

Разве что только тогда, когда Кошкин злится, что она не его выбрала. Знаешь, что он мне вчера во время танцев прошипел? «Покоритель дамских сердец». Я этим всем уже сыт, но боюсь, что со временем мне может всё это понравиться. И тогда не я буду покорителем, а вот такие Тамары, Тома, Шуры и кто там ещё. Хотя я и обещал матери, что не приведу в дом легкомысленную жену и что вообще не женюсь раньше двадцати пяти лет, но кто знает... — Но об этом мы с тобой договор заключили, помнишь?

— Да, конечно, и я сдержу своё слово, но... — А что тебе в этом может помешать?

— Дело в том, что чем дальше в лес, тем больше дров, и не успеешь оглянуться, как ты уж пойман.

— Не позволяй себе быть пойманным.

— Послушай, ты ещё не дружил с такими девчатами. Я тебе говорю, что некоторые из них, как клещи. Так что следи хорошенько, с кем встречаешься!..

— Со мной такое не случится. Или она, или — никто! — решительно ответил Фридрих.

Фильм давно уже кончился, когда они проходили мимо клуба. Электрический свет тоже давно погас, но в фойе горела керосиновая лампа. Значит, она ещё в клубе. Это было бы верхом невежливости, теперь туда не войти, ведь она ждёт его. Вальдемар направился в клуб. — Я лучше домой пойду, — сказал нерешительно Фридрих.

— Иди, я ненадолго задержусь.

В клубе была только заведующая клубом Тамара. — Где ты сегодня так задержался? Я уже домой хотела идти.

Он подумал про себя, что это было бы лучше всего. Но вслух сказал совершенно другое:

— Ты не могла... такого сделать...? Она засияла в ответ.

Когда он пришёл домой, было далеко за полночь. Он упрекал себя в том, что опять так долго задержался. Пройдя через комнату до своей кровати на цыпочках, разулся и нырнул быстро под одеяло одетым, как был, рассчитывая неслышно раздеться под ним, и вдруг услышал, как зашевелилась на кровати мать. Хоть бы она не начала разговор! Но не тут-то было! Он услышал:

— Вальдемар, мой сын! Когда же всё это кончится? Ты этим меня сведёшь раньше времени в могилу!

О нет, только не это! Чтоб всему провалиться! Но как ему прекратить свои отношения с Тamarой, которые ему самому давно ненавистны? И всё-таки причин для волнения у матери не было! в конце концов у него своя голова на плечах. Он никогда не позволит себе сделать то, чего боится и о чём тревожится его мать. Он хотел уже недовольно ответить ей, как вдруг вспомнил свои же слова, сказанные сегодня Фридриху: «Чем дальше в лес, тем больше дров», — и расстроился. Мать, как всегда, права. Что ему делать, если то, чего боится мать, всё-таки случится? Он долго молча лежал и раздумывал.

Утром ему было плохо: он чувствовал слабость, у него болела голова. «Наверняка не выспался», — думал он, собираясь на работу. По дороге на работу ему стало хуже, и он невольно вспомнил, сколько болезней он перенёс в своей жизни. В три года — это он слышал от матери — перенёс он тяжелейшее расстройство пищеварительной системы. Врач не оставлял родителям надежды. Потом следовали одна за другой обычные детские болезни: сыпь, ветрянка, корь и другие. Однажды весной он заболел бронхитом и мучился от него больше года. Наконец, отец купил по совету доктора несколько ульев, и Вальдемар с тех пор каждый день ел досыта мёд. В семь лет он заболел малярией. В военные годы у него была страшная сыпь, продержавшаяся больше года. Она вызывала такой зуд, что он расцарапывал своё тело до крови. Что только ни предпринимали, но всё безрезультатно, пока кто-то не посоветовал матери дать ему серный порошок. Постепенно зуд исчез и от расчёсов остались только шрамы. Позже, уже здесь, на 20-м километре, он страдал от слабости в ногах. Она была такой сильной,

что он, раньше пробегавший 60-ти метровку за 8,2 секунд, мог только с трудом ходить. Но тяжелее всего было выдержать насмешки со стороны мальчишек. Дорога к рабочему месту была мучением, и приходил он всегда последним. Однажды до рабочего места надо было идти шесть километров. Все обогнали его, ведь он едва передвигался вперёд. Правая нога болела так сильно, что дорога казалась непреодолимой. По обе стороны узкоколейки стеной стояли сугробы. Внезапно ему показалась и его болезнь такой же непреодолимой, как эти сугробы. Он сел на край одного из них и дал волю своим слезам.

— Что, мальчик, устал? Смотри, не простудись! — сказала проходившая мимо женщина.

Он посмотрел ей вслед. Как хотел бы он идти так легко и свободно, как эта женщина! Что же такое с его ногами? Всклипывая, поднялся он и двинулся дальше.

И сейчас он решил не идти сразу на работу, а зайти в амбулаторию. По обе стороны узкоколейки, как и тогда, лежали сугробы, закрывая водосточные канавы. Эти кюветы чуть не забрали у него способность ходить. Хорошо, что мать положила столько сил и энергии, чтобы добиться для него возможности съездить на курорт. Хромота не исчезла совсем, но он мог на правой ноге хотя бы хорошо стоять.

Между тем дошёл он до амбулатории, расположенной на 17-м километре.

«Так, — сказал он себе, — фельдшерица Зоя Шагарова опять покачает головой. Вот и снова, подумает она, опять он здесь!» Вообще-то и не удивительно, что она не знает, что с ним делать. Едва ли есть среди ссыльных ещё один, который, как и он, пропускает половину рабочих дней в году из-за болезни.

— Пожалуйста, следующий! Вальдемар зашёл в приёмную и вежливо поздоровался: Здравствуйте!

— Я бы тебе тоже хотела пожелать здоровья! — ответила Зоя и автоматически потянулась за градусником. Пожалуйста, положи

под мышку. Так, а теперь скажи, на что жалуешься?

— Мне плохо и болит горло.

— Открой-ка рот!

Но ей не пришлось заглядывать в глубь горла: при наружном осмотре она смогла поставить диагноз: свинка.

— Пятнадцать дней карантина. Не выходи из дома. И даже в клуб нельзя. Понятно?

-Да-а-а.

Ещё не прошли пятнадцать дней, как Фридрих принёс новость:

— Тамара дала согласие Кошкину. Скоро будет свадьба.

— Ну, значит, мне свинка не повредила.

И ещё раз очередная проблема решилась сама собой.

Начало пробуждения

Если Господний мир я в душе имею,

Хотя и бури бушуют, угрожая мне,

Я всё же пою: с Тобой никто не смеет,

Блаженство похитить, какое в Тебе!

«Неужели это правда, то, что они там поют?» — спросил себя Абрам, молодой светловолосый мужчина с орлиным носом. С того времени, как он женился на Эрне Белиц, ему частенько приходилось слышать эту песню, а теперь он слышал её из соседней комнаты их барака. Кто это там так рано поёт? Что женщины вечерами поют духовные песни,

было для него не ново. Но теперь, когда почти все на работе, кто там может петь?

Противоречивые чувства охватили его. То ему казалось, что было бы замечательно зайти туда и от всего сердца поддержать пение. То хотелось открыть дверь и спросить поющих, когда они, наконец, замолчат. Но он не сделал ни того, ни другого, а открыл дверь в свою комнату.

— Хорошо, что ты сегодня пораньше с работы пришел, — обрадовалась его жена. — Умойся поскорее, покушай, и мы вместе пойдём на собрание.

— А что это такое? — спросил, раздеваясь, Абрам. — Приехало несколько братьев. Они проведут молитвенное собрание, — объяснила она.

— Я тебе уже не один раз говорил: я крещён и мне этого достаточно. Если тебе надо, тогда иди к братьям, слушай, что они говорят, только меня оставь в покое.

— Но Абрам, один раз и ты мог бы со мной пойти. Кто знает, когда они снова приедут? Да там ничего делать не надо, только слушать.

Во время обеда стояла тишина. Только малышка Аннушка что-то тихо напевала, укачивая своих младшеньких братишку и сестричку.

Абрам бросал время от времени взгляд на своих двойняшек и вспоминал, как много было произнесено молитв, когда они должны были родиться. Нет, не он молился, а его тёща и жена. Тогда его устраивало, что они так настойчиво молили Бога.

Почему же теперь, когда есть возможность, он не хочет идти на молитвенное собрание? Что ему мешает? Ведь не его же крещение, как он объяснил своей жене?

Между тем его жена собиралась уходить. Выйдя, она оставила дверь в их комнату приоткрытой. То же самое она сделала, войдя в комнату,

где проходило собрание. И теперь Абрам слышал слова песни:

Чист ли ты, Чрез Иисуса Христа?

Ведь Он кровь пролил

И за тебя!

На сердце у него стало беспокойно. Он чувствовал себя обязанным дать ответ на этот вопрос. Но немного погодя он вспомнил, что был крещён и через крещение стал членом церкви. Перед конфирмацией посещал он специальные занятия. Там его учили, что в процессе конфирмации он получит через Святого Духа обновление и станет полноценным членом церкви. Так что он уже всё получил и ему ни на какие молитвенные собрания идти не надо. Успокоившись, он решил прилечь на часок, решив, что это будет куда полезнее, чем идти на собрание.

Но через приоткрытую дверь опять доносились слова припева:

Чист ли ты,

Чрез Иисуса Христа?

Ведь Он кровь пролил

И за тебя!

Конец песни он не услышал: кто-то закрыл дверь.

«Чист ли ты?» — повторил он запавшие ему в память слова.

Нет, не чист. Сколько грязных слов слетало ежедневно с его губ! Слов, которыми оскверняются родная мать, Бог, мать Христа! Матерки, которые существуют только в русском языке и которыми можно выразить любую степень злобы и гнева. Одни эти матерки делают его уже самым нечистым среди всех нечистых. При этой мысли под его ногами закачалась опора самой его принадлежности к церкви. И что «на Нём» его вера не основана, знал он очень хорошо: у него ведь

вообще никакой веры не было. Где её найти? Может быть, эти люди, что так вопрошающе об этом пели, знают ответ на этот вопрос? Но если он туда пойдёт, то не будут ли они на него смотреть, как на заблудшего, который не знает, куда идти? И зачем только эти братья приехали?! Как приятно отдыхал бы он теперь после работы, без всяких угрызений совести! Может, всё-таки сходить туда, посмотреть на тех, кто нарушил его покой? А если его потом кто-нибудь спросит, что это он пошёл к этим святошам, он ответит, что просто так, из любопытства. Словно ведомый невидимой рукою, подошёл он к дверям комнаты, где проводилось собрание. Абраму удалось войти незамеченным, так как в этот момент входила женщина с детьми. Он сел у самой двери, чтобы иметь возможность исчезнуть в любой момент. Кажется, первый брат сказал уже всё, что хотел. Затем встал второй и сказал:

— Мы прочтём для наставления слова из Евангелия от Луки.

И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог народом, потому что мал был ростом, и забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо неё. Иисус, когда пришёл на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошёл и принял Его с радостью»

Брат продолжал читать дальше и когда дочитал до слов: «Ибо Сын Человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее», начал толкование последнего стиха такими словами:

— Дорогие мои! И сегодня Иисус здесь, чтобы взыскать и спасти погибшее! И тебе сегодня это легче сделать, чем Закхею, ведь не надо даже залезать на смоковницу! И то, что ты сегодня здесь, доказывает, что ты очень хочешь увидеть Иисуса! Но теперь Его можно увидеть только духовными очами и услышать духовным слухом. Слышишь ты Его? Слышишь? Он зовёт: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас!»

Эти слова, сказанные проповедником-самоучкой, нашли отклик в глубине Абрамова сердца... И после собрания Абрам сказал жене:

— Мы могли бы моего тёзку (одного из братьев тоже звали Абрамом) пригласить к нам на ночь?

Обрадовавшуюся Эрну не пришлось уговаривать. До глубокой ночи горела в комнате керосиновая лампа. Один Абрам задавал вопросы, другой Абрам отвечал, обращаясь к Библии.

Так началось пробуждение на 20-м километре. В свою очередь мать Эрны молилась: «Господь, выведи нас отсюда, иначе как могут мои дети в этом дремучем лесу услышать о Тебе!» Бог, слышащий все молитвы, услышал и эту. Он вывел их из этого дремучего леса, но не раньше, чем доказал, что и сюда могут дойти вестники, которые оповестят, что спасение только во Христе!

Заём

После смерти диктатора гражданам СССР стало в некотором смысле намного легче жить. Но даже сменивший Сталина Маленков не смог отменить систему продажи облигаций. И дальше продолжался сбор подписей на государственный заём. Люди были так запуганы, что и теперь большинство ставило без слов свои подписи в заранее подготовленном списке, и, как следствие, теряли десятую часть своего заработка. Само собой разумеется, всё было обставлено так, как будто люди делают это добровольно. Вальдемар и до этого участвовал в этой «добровольности», хотя и частенько попадал из-за этого в затруднительное положение. Но это не отняло у него мужества и поэтому в очередной раз, когда перед ним положили список для подписи, он категорически отказался расписаться под намеченной десятиной. С ним, конечно, не вступали в дискуссию, чтобы не навести и других на мысль о возможности такого шага. Но очень скоро после этого ему пришлось давать объяснение, почему он отказывается помогать государству, покупая у него облигации.

У него было для этого достаточно оснований. Его плохое здоровье, больная мать, о которой теперь он обязан был заботиться; его сестра, которой надо было помогать получить профессию. Да и вообще, заём был по закону добровольным делом.

Прошло две недели, и он было подумал, что по поводу займа его уже не побеспокоят. Но однажды вечером к нему домой зашёл собственной персоной начальник лесопункта с папкой в руках. После короткого приветствия он сразу приступил к делу. — Знаешь, ты единственный, кто отказывается помочь государству. Мне кажется, ты не понимаешь целей нашего государства. В стране было много чего разрушено войной. Все советские граждане принимают участие в восстановлении народного хозяйства. Разве ты не хочешь поддержать такое важное дело?

— Да, конечно! Я ведь согласен на 300 рублей подписаться.

— Но ты зарабатываешь 800 рублей, потому тебе в год надо отдать на восстановление 800 рублей. Разве наше государство не стоит этого?

— Знаете ли, — Вальдемар оставался совершенно спокойным. — Я всё хорошо обдумал. Моё здоровье и здоровье моей матери было пожертвовано государству. Мне надо помогать моей сестре. Поэтому я ещё раз повторяю: ни одного рубля больше этих трёхсот я не дам.

Последние слова прозвучали уверенно, и начальник понял, что уговоры бесполезны. Недовольный, он поднялся и сказал угрожающе:

— Тогда ты у меня и будешь зарабатывать только 300 рублей!

И через несколько недель мастер участка сказал Вальдемару:

— с завтрашнего дня, согласно приказа начальника, ты и Мартенс переводитесь на заготовку чурок для газо-генераторных тракторов с помощью электропилы К-5.

«Так, — подумал Вальдемар, — угрозы начальника начинают сбываться». Но тут ему пришла в голову одна мысль. Когда мастер

остался один, Вальдемар подошёл к нему и собрался продолжить разговор о переводе на другую работу. Но мастер совсем не был расположен вступать в разговор. Он сказал только:

— Мне очень жаль, ты хороший работник, но приказ есть приказ. Я не могу его отменить. Иди к начальнику. — Нет, к начальнику я не пойду. Но этот приказ я не могу считать приказом, так как я не получил выписки такового. Поэтому, если это действительно приказ начальника, то дайте мне его по форме.

Мастер нахмурился, вытащил из сумки листок бумаги и написал: «Этим подтверждается, что рубщик сучьев Вальдемар Кран по приказу за номером 102 начальника 17-го лесопункта товарища Саломатова переводится на заготовку чурок для газогенераторных тракторов с помощью электропилы К-5».

На следующий день Вальдемар не вышел на работу. Он поехал в Семигородную к инженеру по технике безопасности. Тот посмотрел на него холодно и ответил, что Вальдемар, несмотря на отсутствие допуска, может работать с электропилой.

Но Вальдемар на этом не успокоился и в тот же день уехал поездом в районный центр Харовск. Там он пошёл напрямик в прокуратуру. Когда его пригласили в приёмную, он был взволнован.

— Так, молодой человек, в чём дело? «Я вас слушаю!» — спросил вежливо прокурор, высокий мужчина со смоляными волосами, гладко зачесанными назад. Волнение у Вальдемара прошло. Он начал:

— Товарищ прокурор, на нашем лесопункте не очень хорошо обстоят дела по предупреждению несчастных случаев. И так как я опасюсь стать жертвой одного из них, я пришёл к вам с вопросом.

— Слушаю вас.

— Разрешается ли мне работать с электропилой, если я не имею допуска?

— Что за вопрос? Вы что, не хотите работать? О чём вообще идёт речь?

— Извините меня, пожалуйста! Я хочу работать, но я думаю, что от меня нельзя требовать, чтобы я работал с электропилой!

— Если у вас нет допуска, то никто и не поставит вас на эту работу.

— Но у нас есть люди, которые от меня требуют делать эту работу.

Послушайте, я вам ясно сказал, что это невозможно. Как вы можете утверждать обратное, не имея доказательств?

— Пожалуйста, вот доказательство, — и с этими словами Вальдемар протянул прокурору справку от мастера. Прокурор взял в руки бумагу, прочёл её и повторил вслух последние слова: «Подписано. Конашов».

— Кто такой этот Конашов?

— Он мастер 3-го участка 17-го лесопункта в Семигородском леспромхозе.

— Я сейчас же свяжусь с начальником лесопункта. Они вас больше никогда не заставят работать с электропилой без допуска. До свидания!

Когда Вальдемар сходил с поезда, его встретил инженер по технике безопасности и сказал:

— Ты ни в коем случае не должен работать с электропилой!

На следующий день мастер сказал Вальдемару: — Пилить тебе нельзя, но напиленные брусочки раскалывать ты можешь!

Выхода не было, пришлось делать эту работу. Когда прошли обговоренные 12 дней, Вальдемар хотел вернуться на свою прежнюю работу. Но об этом не могло быть и речи. Конечно, кто-то должен был делать и эту низкооплачиваемую работу. Но согласно приказа он должен был за этот труд получать среднемесячную зарплату. С большим трудом Вальдемар добился этого. Осень 1955 года внесла

в жизнь сосланных большие изменения. Но это было не великолепие осенней листвы, не необычно хороший урожай, или что-нибудь другое, что знаменует это время года. Это был человек, который по велению Бога нашёл в себе мужество, заступиться за свой народ.

После посещения Канцлером Федеративной Республики Германии Аденауером Советского Союза начали возвращаться домой в Германию находящиеся в концлагерях Советского Союза немецкие военнопленные, читавшиеся преступниками. А всем ссыльным немцам была предоставлена возможность переселиться в любую область Советского Союза, кроме тех мест, где они жили до войны.

Через некоторое время после восстановления между этими странами дипломатических отношений положение стало ещё лучше (но жаль, только на бумаге!). В газете «Правда» появилось сообщение, что все немцы, имеющие немецкое гражданство, могут при желании переселиться в Германию.

Это произвело на репатриированных немцев такое сильное впечатление, что они тысячами ехали в Москву в Германское посольство за необходимыми формулярами, чтобы их заполнить и снова вернуть в посольство.

Первые ростки

Посеянные в тот вечер братьями-проповедниками семена Божьего Слова, упавшие в сердца нескольких слушателей, начали давать всходы. Первые ростки заметны были и у Абрама. Конечно, ему приходилось преодолевать трудности, ибо сердце его было подобно высохшему полю, усеянному камнями. Но с Божьей помощью удалось обработать и это поле и в его сердце появлялось всё больше небесных всходов. Как он был теперь счастлив, что отдал в ту ночь себя в руки Господа! После того, как два брата, Абрам и Арнольд, проговорили с ним до поздней ночи о спасении души, он не мог найти покоя. Его жена заметила это и поддерживала его молитвенно. Однажды вечером он пришёл домой совершенно расстроенный: все старания сдерживаться оказались напрасными, сегодня он опять сорвался

и выругался крепкими словами. Он был готов вернуться на прежний путь. Ведь было же раньше всё так спокойно в его душе! А сейчас его сердце было похоже на бушующее море. И когда жена предложила вместе помолиться, он сперва не хотел даже и слушать об этом.

— Знаешь что, — сказал он ей, — я должен всё это оставить, иначе сойду с ума. Пожалуйста, не говори мне о молитвах.

— Ты и так сошёл с ума, возвращаясь на свою старую дорогу.

Она говорила совершенно спокойно, так как надеялась на Божью помощь и чувствовала себя Его орудием.

— Но только тебе следует идти по узкому пути. Один ты не можешь это сделать, так же как не можешь быть спасённым без помощи Господа. А для этого надо молиться! Почему ты не хочешь этого делать?

— Я не могу так жить! Ты ведь не знаешь, как у меня беспокойно здесь! — он показал на свою грудь.

— Абрам, в тебе борются две силы. Святой Дух показывает, как ты можешь избавиться от грехов, а злой дух препятствует тому, чтобы ты осознал груз своих грехов и сложил их у подножия креста. Отсюда и это беспокойство.

Этим вечером он долго сидел молча за столом. Но душа его взывала к Богу: «Господи, я хочу прийти к Тебе сегодня, сейчас, но не могу, я словно окован цепями». И вдруг случилось нечто странное. Как будто бы невидимая рука сняла с него оковы и чей-то голос прошептал:

— Хочешь сейчас прийти?

— О да, да! — громко воскликнул он и позвал жену:

— Эрна, иди скорее сюда, мы будем вместе молиться! И когда после долгой молитвы поднялись они с колен, мир был не только в их

сердцах и радость была не только в их доме. На небе радовались ангелы, полку в душе Абрама был Тот, Кто сказал однажды Закхею: «Ныне пришло спасение дому сему...» (Луки 9:9).

Год заканчивался. В ночь на новый 1956 год собрались для пения и молитв и благодарения за прошедший год женщины, которые весь этот год собирались очереди в разных квартирах для служения Господу. — Еще несколько минут, и наступит новый год, — сказала одна из женщин. — Не хочет ли ещё кто в этом году просить Господа о прощении грехов?

Фукс уже весь вечер сидела среди женщин с низко пущенной головой. Когда все преклонили колени для молитвы, она внутренне просила Господа о прощении почувствовала, как поток Божьей любви заполнил её сердце. Ещё один росток поднялся в саду, заложенном Господом. А весной, когда начал таять снег, растаяла корка и в сердцах братьев Фёрстеров. И они могли отдать свои жизни в руки Господа, пронзённые на Голгофском кресте за всё человечество! И Он, Который созидает всё новое, дал им взамен новые жизни. Это случилось 1 мая 1956 года на Богослужении в городе Красавино, где жили братья, которые впервые принесли весть о спасении на 20-й километр. Когда приехавшие братья Фёрстеры после их обращения вошли в коридор барака, где жил Вальдемар, он с Фридрихом проявлял фотоплёнку в тёмной конурке. Вдруг они услышали, как один из братьев воскликнул:

— Мы нашли мир, радуйтесь с нами! Вальдемару стало тяжело на душе. Люди, считавшиеся зачинщиками всего злого на 20-м километре, были обращены, а он? С самого детства рассказывали мать и тётя Анюта ему о Христе, но до сих пор он так и не повернулся Нему своею душою, всем сердцем. Напротив, когда он однажды был дома один и решил просить у Бога прощение за грехи, то, поднявшись с колен, подумал, не сошёл ли он с ума, ведь в комнате никого нет, а он вслух разговаривает. И с тех пор его сомнения, существует ли Бог, заглушали все движения его души к Богу. Но теперь, после сообщения братьев Фёрстеров, Рихарда и Клауса, о приобретённом мире, он вновь

вернулся к мысли стать Божьим дитям. — Послушай, Фридрих, не пора ли и нам подумать о вечности?

Его друг не понял вопроса. Или не хотел понять. Он только сказал: «Ах!» А что он этим хотел сказать, Вальдемар не понял.

Когда он вечером этого дня заглянул к Йоганне, он навёл разговор на братьев Фёрстеров, на их обращение. И хотя она не очень много говорила о необходимости изменения жизни, но достаточно ясно выразила мнение, что то, что произошло с её зятем Рихардом, очень важно, и было бы хорошо и для них.

— Тогда нам надо об этом серьёзно подумать, — сказал на прощание Вальдемар.

Через несколько дней они договорились ехать в Красавино, где регулярно проводились собрания. Среди верующих говорилось, что если кто приходит туда, желая покаяться, не уходит без результата домой.

Они выбрали Троицу. У Вальдемара было несколько дней отгулов, и Йоганна тоже надеялась, что бригадир даст ей свободный день. И Шевчук, услышав об этом, тоже решила ехать с ними. Инга с Клаусом, ожидавшие вскоре прибавление семейства, поехали тоже с ними.

Троица

Наступила суббота 19 мая 1956 года. Группа молодых людей сидела в одном из вагонов поезда Москва-Котлас. Все смотрели в окно на пробегающие мимо деревья.

Стоило приоткрыть окно вагона, как он тут же наполнялся запахом цветущей черёмухи. Однотонный шум, покачивание вагона, перестук колёс — всё вскоре погрузило пассажиров в дремоту. Только Вальдемар и Йоганна сидели друг против друга без сна и с печалью в глазах. Он смотрел на неё, она пыталась ответить на его взгляд

улыбкой, но это ей не удавалось. «Хотя бы скорее всё кончилось», — подумал Вальдемар. Неопределённость давила, как проклятие. Что Бог есть, он окончательно убедился три недели назад. С того времени всякие сомнения исчезли. Всё было бы хорошо, если бы не пьяный Беляев, который со всей силой начал стучать в дверь комнаты и кричать: «Вы святоши! Вы фашисты!» Ему стало не по себе, когда он вспомнил этот вечер. Как милостив был Господь к нему! Он действительно услышал его молитву! Ведь до этого у него были сомнения. Но когда они пели песню за песней, и эти песни нашли путь в его сердце, он попросил Бога по-детски: «если Ты есть, откройся мне!» И милостивый Господь действительно открылся ему! Он ничего не услышал и не увидел, но что-то случилось, чего он не мог выразить ни словами, ни мыслями. И всё-таки это случилось в действительности. Господь дал ему в сердце уверенность, что Он есть. После такого чуда он мог только повторять: «Ты есть, Ты есть!» И если бы в этот момент весь свет был против него и, если бы его, начиная с большого пальца ноги и кончая головой, разрубили на кусочки, он бы до последнего вздоха твердил: «ТЫ ЕСТЬ!»

«Да, Ты есть! Но как я могу стать Твоим дитям?» — молился он в поезде. Он слышал много раз: надо верить. «Если мы будем в собрании, то я должен это понять». И если у него получится, то он пойдёт к Иоганне и скажет ей, как она может получить спасение. Он снова посмотрел на неё. В её карих глазах отражалась тоска, исходящая из глубины сердца, свидетельствовавшая, что никто на свете не может ей дать того, чего ей не хватает, даже Вальдемар. Это и он прекрасно понимал, но всё же его что-то побуждало найти хотя бы словечко утешения для возлюбленной.

Позже, когда они уже были Божьими детьми, его поведение в поезде, да и после, казалось ему неразумным. Разве не мог он ей тогда сказать: «Послушай, Иоганна, мы ведь любим друг друга. И если мы, такие несовершенные, это можем, то насколько выше любовь Бога к Его созданиям, доказанная тем, что Он Сына Своего Единородного не пощадил, но отдал за всех нас. Крестная смерть нашего Спасителя, Его пролитая за всё человечество и исцеляющая от всякого греха кровь — залог нашего усыновления. Встань, мы можем сойти с поезда.

Зачем нам надо куда-то ехать, чтобы получить спасение? Мы ведь уже спасены. Единственное, что нам остаётся делать, — благодарить Его за это!»

Поезд замедлил движение и, наконец, совсем остановился. Кто дремал, согнал сон и приготовился сходить. В этот же день вечером в нескольких домах на лесоучастке около Красавина состоялись молитвенные собрания. Вальдемар с Клаусом были в одном, Инга, Иоганна и Шевчук — в другом собрании.

Когда первый брат прочёл Божье Слово и поделился с присутствующими своими мыслями о прочитанном, призвал он всех присутствующих к молитве.

«Так, теперь наступил этот момент, — подумал Вальдемар, — если ты его упустишь, тогда дьявол опять победит». Он хотел громко просить о прощении грехов, но слова не сходили с его губ. Как связанный, стоял он на коленях. Ему стало страшно. Если он сейчас не начнет молиться, то всё пропало. Но как ему просить о прощении грехов, если он не чувствовал ни своих грехов, ни раскаяния в них? Разве он потерянный грешник? Конечно, нет! Да, он, как и все, грешник, но не потерянный!

А если он не потерянный...? Но он жаждал спасения любой ценой! Не видя другого выхода, он тихо начал молиться, чтобы Бог ему показал все его грехи, чтобы он мог во всех раскаяться!

Прошло минут десять. Многие уже закончили молиться, а он всё ещё не чувствовал себя погибшим грешником. Стоящий рядом на коленях мужчина заметил внутреннюю борьбу Вальдемара и начал страстно за него молиться. Вальдемар, до сих пор тихо молившийся, замолчал.

— О, Господи! — просил мужчина. — Сжался над этим юношей и помоги ему почувствовать своё глубокое грехопадение и молить Тебя о прощении!

Каждое из этих слов находило в душе Вальдемара отклик, и внезапно почувствовал он такую тяжесть грехов на себе, что ему казалось, они

его угнетут в преисподнюю.

— Господи! — он закричал изо всей силы. — Если Ты меня не пощадишь, то я умру под этой тяжестью! Прости, прости меня, великого грешника! Дай мне твёрдую уверенность, что я — Твоё дитя!

Груз спал, но сомнения в прощении остались. Люди уже давно встали с колен. Второй брат, прочитав слово, вновь призвал к молитве. Собрание кончилось, и люди начали расходиться, переступая через ноги Вальдемара, всё ещё молящегося о чувстве уверенности в его спасении. Невольно пришлось ему закончить свою молитву.

Кто-то выразил мысль, может, у него скрытые грехи, в которых он должен признаться? Он стал думать об этом. И когда они лежали уже в постелях, он вспомнил один случай. Может, это и есть причина неуверенности? — Послушай, Клаус, — сказал он, — я вспомнил кое-что и хочу перед тобой признаться. В те голодные годы я уменьшил себе возраст на один год. Так что я не в 1933, а в 1932 году родился.

Но и после этого признания ничего не изменилось. После долгих размышлений и разговоров они уснули.

День Троицы начался чудесно. Солнце окончательно победило зиму. И все пернатые прославляли своего Создателя, каждый на свой манер. Птицы и в одиночку, и большими группами свистели и щёлкали, как могли. Из ближнего леса доносился запах цветов и древесной смолы. Всё это настраивало людей, идущих на собрание, на праздничный лад, и несмотря на очень скромные наряды, они радовались этому дню, предстоящему собранию, и лица их сияли. А по лицам Шевчук, Йоганны и Вальдемара было заметно, что их что-то обременяет; последний почти потерял надежду на покаяние. После вчерашней внутренней борьбы он сомневался, что сегодня получит уверенность в прощении грехов.

Вскоре все зашли в квартиру, состоящую из двух комнат и кухни. Все три помещения были освобождены от мебели, что, в общем, не составило большого труда, так как таковой почти что и не было. В комнатах стояли простые скамейки, а также лежали на чурках доски,

на которых тоже можно было сидеть. У передней стены стоял стол, около которого сидело несколько мужчин. Это были братья-проповедники. Гостям предложили места на первой скамье. Вскоре все места были заняты, несколько молодых людей стояли у стены. Всего собралось человек сто двадцать. Посетители входили и занимали места так тихо, что слышно было жужжание мухи.

Ровно в десять часов один из сидящих за столом мужчин поднялся и открыл собрание. Затем присутствующие спели песню и было прочитано Слово из Священного писания. Текст гласил: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам» (Иоанна 14:18).

— Дорогие собравшиеся, — начал проповедник, — сегодня мы должны эти слова понять не как сказанные для исполнения в будущем, как они были тогда сказаны.

Нет, мы можем сейчас слышать в душе, как Иисус говорит нам: «Я вас не оставил сиротами, Я пришёл к вам и останусь с вами до скончания века». И если кто из вас это обетование Отца и Сына и Святого Духа не имеет ещё в своём сердце, то он может его сегодня получить! А теперь будем молиться.

Все встали на колени. Многие громко молились. У Вальдемара по лицу бежали слёзы. Он испытывал внутреннюю борьбу и не воспринимал ничего, что происходило вокруг. Только изредка слышал знакомый плачущий, сбивающийся голос — голос Иоганны. Но и его он воспринимал где-то на заднем плане своего сознания. Для него сейчас существовала единственная цель: спасение! Молящиеся встали с колен, и только он оставался стоять на коленях, повторяя одно и то же:

— Господь, дай мне полную уверенность в Твоём прощении, дай мне Святого Духа. О, я прошу Тебя от всего сердца!

К нему подошёл пресвитер церкви брат Корнелиус Мартенс и начал ему объяснять, что Христа надо принимать в сердце, как умершего на кресте за грехи всех грешников.

— Верь, что Иисус всё для тебя совершил! Можешь ты в это верить?

— Да, конечно. Но ведь я должен ещё что-то иметь. Вдруг он услышал, как Шевчук начала благодарить Бога за своё спасение. Всё собрание запело:

— Христос — победитель! Пусть звучит эта весть... — О Боже, даруй же и мне спасение, — шептал Вальдемар умоляющее.

-Я благодарю Тебя, Отец Мой, от всего сердца, что я могу верить в то, что принята Тобой в число твоих детей! — услышал он голос Иоганны.

О, я несчастный, остался один, — говорил Вальдемар и продолжал молиться: — О, сжался надо мной, Отец!

Он вспомнил, что вчера кто-то сказал, что нет мира тому, кто очень привязан к чему-нибудь земному. Он ведь недавно купил себе фотоаппарат и так дорожил им! Может, это ему мешает?

— О, Господи, если этот фотоаппарат преграда к моему спасению, то убери его от меня подальше. Пожалуйста!.. Но и после этого ничего не изменилось.

Так прошло утреннее собрание, и ему пришлось встать с колен, на которых он почти полтора часа стоял, прося Господа о спасении. Всех «новорождённых» поздравляли, как Божьих детей. Но к Вальдемару эти поздравления не относились. За обедом он не мог есть.

Когда после обеда один из братьев спросил его, неужели он до сих пор не верит в совершённое Иисусом Христом на Голгофе дело спасения, он снова упал на колени и внутренняя борьба за уверенность в спасении началась вновь.

«Небесный Отец наш, если даже злой дух не хочет отпустить эту мятущуюся душу, мы всё-таки благодарим Тебя за то, что Ты — победитель и Ты дашь и ему уверенность в этом. Аминь».

Эта молитва брата ободрила его. Он решил не отступать от начатого до победы.

Скоро должно начаться вечернее богослужение. На нём у него была, по его мнению, последняя возможность найти мир с Господом. А что будет, если у него снова ничего не получится? И вдруг в его голове появились ужасные мысли и слова. О, как он жаждал освобождения от козней дьявола!

Когда все в собрании встали к первой молитве, он преклонил колени и хотел начать молиться. Сказав несколько слов, он не смог говорить дальше. Склонив голову на стул, за которым он стоял на коленях, замер он в ожидании. Собрание шло своим чередом. Было прочитано Божье слово, сказана проповедь, пропеты песни, прочитаны стихи. Всё это он воспринимал, как во сне. Его ещё больше охватывало чувство ожидания. И вдруг словно луч света просиял в его изнурённой душе, и не сознавая, что он делает, он стал громко, от всего сердца благодарить Господа за спасение!

Тут же всё собрание запело:

Он жив! Он жив! Собой Он смерть поправ! Как все были рады!
Некоторые тотчас же подошли к нему с поздравлениями и приветствиями, но руководитель собрания попросил присутствующих подождать с этим до конца собрания.

После собрания Вальдемара попросили пройти и стать у прохода двери для приветствия. Все уходящие, один за другим, тепло пожимали ему руку, а братья к тому же приветствовали его святым лобзанием. Но никто из приветствующих не подозревал, что происходит в душе Вальдемара, ведь каждое рукопожатие, так ему казалось, говорило ему: «Ты лицемер!» Ему трудно было на приветствующих смотреть. Когда церемония поздравления закончилась, его взгляд вдруг остановился на стене, на которой был записан стих из Библии: «Только веруй!» Как раз это ему и требовалось!

Борьба на этот раз закончилась! Слова Иисуса из Евангелия от Марка 5:36, сказанные однажды начальнику синагоги, и ему даровали победу!

«Что это с вами случилось? Вам что, видение было? Или вы с ума сошли? Двадцать дней назад из поездки вернулся Клаус, с тех пор он больше не курит, не пьёт, не матерится. Теперь и ты не можешь нормально разговаривать. Что это с вами?» — насмехались коллеги Вальдемара по работе. И с этого дня о верующих стали говорить, как о невменяемых.

«Бог? Да, конечно, мы тоже верим в него, но ведь не надо становиться фанатиками и всё считать за грех. Ругаться — грех, курить — грех, чужую жену любить грех, пьяным быть — грех! Что же тогда у вас не грешно?» — насмешливо докучали они им почти каждый день. Особенно язвительно высмеивал их Гурылев. Лет шесть назад он бросил кусок кирпича в Вальдемара и попал ему в затылок. Вальдемар и это ему простил, так же, как и всё другое, включая повседневные насмешки. Силы для этого он черпал, уходя в перерывы в лес и молясь там, стоя на коленях.

После возвращения из поездки Вальдемар сразу задумался о своём отношении к Иоганне. До сих пор он был с ней счастлив. И надеялся, что она — тоже. Но предназначены ли они друг для друга? Об этом ему надо с ней поговорить. И при первой же возможности он сказал ей:

— Мы теперь Божьи дети и не должны быть вместе для пустого времяпровождения. Мы должны об этом молиться. И если к нам придёт уверенность, это мы предназначены друг для друга, то тогда мы поговорим о подготовке к свадьбе. Но если мы этой уверенности не получим, тогда наши встречи надо прекратить.

Прошло время, и каждый из них убедился в глубине своих чувств. Тогда они совместно решили, что им следует вступать в брак. Но кое-что надо было сделать до свадьбы и в первую очередь — принять крещение. Ведь в Библии сказано: «Кто будет веровать и крестится, спасён будет...» (Марка 16:16). Для Вальдемара это было само собой разумеющимся, но не для Иоганны.

— Мама сказала, что ребёнком меня уже крестили, и поэтому она против второго такого обряда, — сказала она, выжидающе посмотрев ему в глаза. Он ей терпеливо объяснил:

— Я считаю, такой шаг надо делать после основательного размышления и с полной уверенностью в правильности этого шага. А что касается опасений твоей матери, то согласно Священного Писания есть только одно крещение так же, как есть только один Господь и одна вера. Это сказано в послании к Ефесеянам 4:5, — затем он продолжил: — Мне достаточно знать, что Апостолы крестили тех, кто принимал слово. Мы ведь тоже приняли Слово Христа. Поэтому я охотно принимаю крещение. Что со мной делали, когда я ещё был ребёнком, возможно, имеет человеческое основание, но мне этого недостаточно, потому что я об этом ничего не помню и, самое главное, потому что я, после того как мне подарено истинное познание, хочу следовать словам Христа. Он замолчал, раздумывая, что ещё сказать Иоганне, но не придумал ничего лучше, чем предоставить ей возможность этот важный вопрос решить самой.

Тоска по родине

После голодных лет возродилась жизнь, а с нею пришла тоска по родным местам. Для Вальдемара это был Молочанск и всё, что с этим городом его когда-то связывало. Они тогда жили на Луговой улице, а по другую сторону улицы расстилались бесконечные луга, посреди которых протекала его любимая речка Молочная, в которой он неоднократно, стоя по колено в воде, ловил раков. Какое это было удовольствие, терпеливо ждать, когда эти странные, плавающие задом наперёд существа, вцепятся в проволочку с червём. Он до сих пор не понимал, что раков так привлекает, но если уж рак вцеплялся в кольцо с дождевым червём, то больше его не отпускал. Поэтому сумка наполнялась быстро, и Вальдемар радовался: скоро из сумки раки попадут в кипящий котёл, а затем и на обеденный стол. По артезианскому колодцу, из которого день и ночь кристально-чистая вода стекала в пруд, он тоже тосковал. Но сильнее всего тосковал он по своему отцу, и перед его глазами то и дело воскресали события, связанные с отцом и школой этого города. Он видел отца,

то шагающим по длинному коридору школы, то сидящим за столом в учительской. Одна картина особенно врезалась в его память. Он проходил вдоль школьного забора, когда увидел вдруг по другую его сторону группу старшеклассниц, которые тут же вступили с ним в оживлённый разговор, перебивая друг друга, хихикая и пересмеиваясь. Он хорошо понимал, что их внимание относится не к нему, а к его отцу, которого они очень уважали.

У Вальдемара сердце защемило, когда он вспомнил, что не только у школьников, но даже у бюстителей порядка этого города его отец вызывал уважение. По окончании обычных уроков он обучал немецкому языку начальника милиции. Но всё это абсолютно никакой привилегии ему не принесло: когда война началась, его, как немца, посадили в тюрьму, где он якобы и умер. Эту весть кто-то послал их бывшему соседу. Возможно, ему удастся узнать подробности у семьи Бородай о кончине своего отца. Кроме того, в Молочанске находилась церковь баптистов. Если бы обстоятельства позволили, он там принял бы крещение.

Видимо, всё это побудило Вальдемара подать заявление на очередной отпуск и на дополнительный, который давался один раз в три года.

Мастер леса Конашов без всяких вопросов подписал заявление. Теперь ему только осталось отдать его в конторе для начисления отпускных денег, что он и сделал. Осталось только подождать, когда он получит отпускные, и ехать на родину. Через десять дней он получил отпускные за пятьдесят два дня! За текущий и за дополнительный отпуска.

Вскоре он сидел в вагоне, слушая и отсчитывая стук колёс о рельсы: с каждым стуком он на восемнадцать метров приближался к цели!

Чем ближе к намеченному месту, тем напряжённее он себя чувствовал. В вагоне было жарко, хотя июньское солнце уже спряталось за горизонтом. Неужели это возможно, что его ноги скоро почувствуют платформу, которую он покинул пятнадцать лет назад в вагоне для скота? Тогда он был ещё мальчиком. В те далёкие времена железнодорожная станция его сильно привлекала к себе, особенно

после того, как отец ему объяснил, что локомотивы не могут ездить, как автомобили, по дорогам, а должны всегда оставаться на рельсах. Так что ни не опасны, если только не заходить на железнодорожные пути. Он вспомнил поездку с родителями и сёстрами к родственникам. Дядя Ракко был врач. Где он теперь? Может, тоже где-то в тайге? Или он остался на западе? Может, где-то там, на западе, его дочь Эльфрида изучает сейчас медицину, чтобы стать, как отец, врачом? У него защемило сердце, когда он об этом подумал. С детства мечтал он быть студентом. А закончить ему удалось только четыре класса.

— Кто уже знает, кем он станет? — спросила однажды своих учеников учительница.

— Я хочу быть учителем, — ответил тогда Вальдемар. Он хотел идти по стопам своего отца. Но война смешала все планы.

Кто знает, как долго он ещё вспоминал бы своё прошлое, если бы ему в глаза не бросилась промелькнувшая за окном вагона надпись: «Светличное». Ещё несколько километров, и ему выходить в Молочанске! На улице темнело. Из окна поезда он видел землянки бараки. Изредка мелькали окна, освещённые тусклым светом керосиновых ламп. Вблизи путей можно было видеть воронки от бомб. Война! Ему стало жутковато. Но вот появились первые городские дома. Какие они маленькие! Не может быть, чтобы это был Молочанск! в его памяти дома были большими. Но нет, это был всё же Молочанск! Он увидел высокие стены станции и платформу, памятные с далёкого детства. Вот и надпись: «Полугород», станция, как и прежде, всё ещё носила первичное имя немецкого города: «Хальбштадт», что в переводе обозначало «Полугород». Те же буквы, что он так часто видел в детстве.

Всё было так знакомо и в то же время так чуждо. Перед войной побеленные стены станции стали тёмно-серыми, словно за прошедшие пятнадцать лет их больше никто не белил.

Поезд остановился, и несколько пассажиров сошли на платформу. Станционное здание лежало в темноте. Никаких фонарей снаружи, никаких ламп внутри, ни единого освещённого окна, никакого света во

всём здании. И только когда его глаза привыкли к темноте, он с ужасом понял, что перед ним руины бывшей железнодорожной станции. Где-то далеко сверкнула молния, и в её свете он увидел чёрные от пожара глазницы окон, разрушенные внутренние перегородки и печные трубы. Зайти, что ли? Первые капли оповестили о скором дожде. Он заметил, что все сошедшие с ним пассажиры шли в одном направлении. Может быть, там новый вокзал? Он пошёл, чуть ли не на ощупь находя тропинку. Кто-то шёл навстречу.

— Скажите, пожалуйста, где вокзал?

-Здесь нет вокзала.

— А где кассы?

— Идите к первому бараку.

Так и было. Метров через пятьдесят заметил он слабый свет, падающий из окна одного барака. В помещении не более десяти квадратных метров, где в окошке кассы слабо светила керосиновая лампа, сидя в углу, решил он переночевать. Ночь длилась бесконечно. С рассветом тронулся он в путь к бывшим соседям. У них собирался он побыть недели две. В городе должна была быть Христианская община, и там он хотел принять крещение, так как дома, на 20-м километре, не было ещё никого, кто мог бы его крестить. И, конечно, он хотел бы увидеть место, где когда-то стоял их дом. Что дом сгорел и завалился, знал он из писем Борода, их бывшего соседа.

Руины

— Яблоки, лучшие ранние яблоки этого сезона! Покупайте у меня, пожалуйста!

— Это первые помидоры с грядки, они куда вкуснее парниковых, так что, покупайте!

Обе торгующие на базаре женщины наперегонки взывали к покупателям. Продающая помидоры женщина внезапно замолчала и подошла к своей соседке.

— Послушай, Татьяна Александровна, — тихонько прошептала она ей. — Вчера после обеда мимо моего дома несколько раз прошёл молодой человек. Он остановился у забора напротив заросшей бурьяном кучи развалин, оставшейся от сгоревшего дома, и так внимательно рассматривал наш двор, что я подумала, уж не владелец ли он этого участка. Ведь старый владелец, как я слышала, умер.

— Прасковья Ивановна, ваше предположение верное. Это действительно молодой владелец. Он сейчас как раз собирается погостить здесь у нас две недели.

— Нам городской отдел земельных ресурсов выделил взамен нашего — этот участок. Мы могли бы и наш сгоревший дом перестроить, как и этот сарай. Хотя это и обошлось бы нам дороже, но по крайней мере мы жили бы в собственном доме.

— Не тревожьтесь о доме. Молодой человек не собирается предъявлять права на этот участок. Он приехал, чтобы утолить тоску по родине. Ведь он родился здесь. Да, он ещё сказал, что им всем пришлось подписать бумагу, в которой они отказываются от собственности и никогда не вернутся в родные края. Страх из глаз женщины исчез, и она тихо сказала:

— Татьяна, скажите этому молодому человеку, пусть он зайдёт к нам и возьмёт домой полный чемодан яблок из своего сада. Его мать наверняка этому обрадуется. Как должно быть тягостно на сердце после долгих лет увидеть родные места и не иметь возможности вернуться! — Хорошо, я ему непременно передам!

Когда Татьяна Бородай пришла домой, она обо всём рассказала своему гостю. Вальдемар обрадовался: теперь он без всяких опасений может зайти в свой бывший двор.

На следующий день он получил письмо из дома. Мать писала: «Сынок, что же ты наделал — уехал, не получив отпуска! Здесь говорят, что ты будешь по 47-й статье уволен с работы. Так что возвращайся домой скорее! Ты ведь знаешь, что для тебя означает 47-я статья? Если тебя уволят по этой статье, то ты нигде не сможешь получишь хорошую работу. С молитвой о тебе, мама».

— Я послезавтра еду домой, — сказал он своим хозяевам и протянул им письмо матери. Бородай были очень огорчены его быстрым отъездом. Хозяин сказал:

— Очень жаль, Вальдемар Гергардович, что вы так мало у нас побыли. Ваш отец так хорошо к нам относился. И мы хотели бы показать его сыну ответную любовь. А вы так быстро нас покидаете. Вы наверняка мало что знаете о нашей судьбе? Я только хочу сказать, если бы не ваш отец, нам было бы совсем невозможно прижиться в Молочанске. Мы приехали сюда без денег и без имущества. Нам пришлось бы наш дом отдать в залог, если бы ваш отец нам не помог.

Его хвалебная речь была прервана Вальдемаром, который сказал, что уже воздано добром за добро, и напомнил о пакетах с мукой, которые их семья от них получала. После обеда он собирался провести семейную усадьбу. Когда он вошёл в родной двор, по его коже пробежали мурашки. Перед ним лежала большая куча глины, поросшая травой. На этом месте стоял когда-то их дом. С правой стороны была комната, в которой он и другие дети спали, с левой — отцовский рабочий кабинет, в котором на полках, почти до потолка, стояли книги. К этим книгам отец был привязан душой и телом. Это они помешали ему эмигрировать в Америку, так как он не мог их взять с собой. Осталось ли хоть несколько из них под развалинами или все они сгорели в огне пожара?

Он неподвижно стоял над развалинами, заросшими травой и пред его внутренним взором пробегало его детство. В этих комнатах проходили лучшие годы его жизни. Этих лет было мало, но они были незабываемы. Здесь он играл. Здесь его наказывали за провинность. Как хотел бы он хотя бы на одно мгновение снова вернуться в то время и почувствовать давление отцовских колен, когда он становился между

ними! Это случилось всего лишь два раза, когда отец собирался наказывать его за провинность. Тогда это ему не казалось приятным. Но сейчас он бросился бы отцу на шею и сказал бы ему: «Папа, ты был прав! Сегодня я благодарю тебя от всего сердца за то наказание!» Но где теперь отец? Под такой же кучей развалин? Или его истощённое тело было брошено в общую могилу с убийцами?

Вальдемар почувствовал себя таким одиноким, таким не подготовленным к предстоящим испытаниям жизни! Он был с отцом коротких восемь лет. В те времена у отца было мало времени для детей. Он хотел как можно скорее рассчитаться за дом, за эту груду развалин. С тех пор уже прошло дважды по восемь лет без отцовской опеки. Сколько лишений перенес он за эти годы. Для него наступило время создания своей семьи. Сможет ли он, чувствующий себя сейчас словно развалина, дать своей жене то, что в своё время дал ему его отец? Сможет ли он быть для своей жены тем, кем был его отец для его матери? Фундамент отец в нём заложил, но само здание построено не было. Две трети того, что само собой перешло бы из жизни родителей в его супружеской жизни. Возможно, этот вакуум наполнило нечто, чего в современной жизни не должно быть? Сможет ли он вообще создать свою семью?

В этих раздумьях он решил: вернувшись домой, он обязательно скажет Иоанне, что он не всегда был таким, каким он ей казался. Он знал, что её любовь к нему так велика, что она ничего не замечает. А если наступит день, когда она это поймет? Поэтому надо её предупредить!

Он оглянулся. У колодца всё ещё стояла та же самая толстая осина, около которой он играл. В нескольких метрах от неё был вход в дом. Раньше это был сарай. Они его построили в 1939 году. Его родители предусмотрели возможность строительства нового дома из этого сарая, если возникнет такая необходимость. Теперь так и случилось.

Он подошел к двери и хотел в неё постучать, но тут дверь открылась, и во двор вышла хозяйка. После приветствия она сразу же начала рассказывать, сколько трудов вложили они в перестройку этого сарая, и что этот участок земли им дало городское управление строительства. Потом она пригласила Вальдемара в сад. Когда-то пышный сад

пришёл в упадок. Часть деревьев высохла совсем, часть — наполовину.

— в пятидесятых годах была такая сильная засуха, что земля высохла на глубину более метра, — объяснила хозяйка Вальдемару, заметив его разочарование.

Когда она заполнила его чемодан яблоками, он попрощался с этой доброй женщиной. Перед уходом он бросил последний взгляд на сад, на бывший сарай. За этим сараем раньше было место для его игр. Интересно, лежат ли там ещё куски железа, оси, колёса, что оставил работавший там кузнец? Куча глины, попавшая снова в поле его зрения, изменила направление его мыслей. Как преходяще всё на этом свете! Вернётся ли он ещё раз в своей жизни в эти места?

Вечером Бородай пригласил в гости старого знакомого его родителей. Брат Тарасов знал его родителей ещё из того времени, когда богослужения проводились без помех со стороны властей.

В этот вечер было много воспоминаний.

— Знаете, — сказал Бородай Тарасову и показал на Вальдемара. — Он ведь приехал сюда ещё и для того, чтобы принять крещение. А теперь эта неприятность с отпуском, ему надо срочно домой.

— Он-то уедет домой, но вы ведь остаётесь здесь? Когда вы собираетесь привести свою жизнь в порядок?

Старик не ожидал такого поворота разговора. Он был убеждённым православным и поэтому тут же прибегнул к своей опоре:

— Видите на стене икону?

— Ну и...?

— Я привёз её из Иерусалима и до сих пор сохранён ею. Она — моя опора. Почему вы говорите, что мне надо привести свою душу

в порядок? Я такой же грешник, как и все. Но мы не только грешники, мы — братья. Или если я не крещён в вашу веру, то я вам не брат?

-Знаете ли... — начал Тарасов. — Я знаю, что вы хотите сказать, — азартно перебил его старик. — Вы мне хотите сказать, что в наших церквах существует порядок, каким он описан в Ветхом Завете, например курение ладана. Но ведь в Откровении 5:8 говорится: «... имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама».

— Знаете ли, — начал снова Тарасов, — я вовсе не об этом хотел сказать. Но если вы уже на эту тему заговорили, то я её тоже продолжу. Но сперва о главном: не крещение делает нас праведными перед Богом, а кровь Иисуса Христа, в Которого мы веруем, или, лучше сказать, Которому мы открываемся через веру в Него, чтобы Он очистил нас, в то время, как мы сознаём наши грехи, признаём их и оставляем их. Библия этот процесс называет рождением свыше или рождением от Духа. А крещение — это не возрождение, это подтверждение возрождения. Но возрождения без веры не бывает. Следовательно, если вы сперва крещены, а затем уверовали, это выглядит так, словно бы вы сперва получили свидетельство об окончании школы и только потом приступили к занятиям. А что касается фимиама, то это говорится о молитвах святых и поэтому должно пониматься образно.

Уходя, Тарасов сделал замечание, удивившее Вальдемара:

— Если бы ты даже остался здесь, я не вижу возможности для тебя принять крещение. Сейчас ведутся разговоры, что для крещаемых вводится двухлетний испытательный срок. Согласуется ли это с Библией — уже другой вопрос. Ну, мой брат, Господь да благословит тебя! Передай привет твоей матери! До свидания! Когда на следующий день Вальдемар покидал Молочанск, который так страстно и давно хотел повидать, он с удивлением констатировал, что его тоска прошла. Раньше известный город, с красивым старым центром был во время войны сожжён немецкими войсками. Федю — единственного сына старого Бородая, разорвал немецкий снаряд. Вальдемар понимал, что Федя был единственной надеждой на будущее для своих родителей.

Старых друзей не осталось. Отчий дом был не более, как куча развалин, сад опустошен.

Оправдательный приговор

Начальник отдела кадров на вопрос Вальдемара, за что же он уволен, кратко ответил:

— Рабочих, которые просто так бросают работу и уезжают, нам не надо.

— Но послушайте, если мне дали отпуск, то я имею право уехать, или?..

— Вы внушили себе, что у вас отпуск и уехали. Так не делают. Что будет с нашим лесничеством, если все станут так делать? Так что мы вынуждены выполнить приказ о вашем увольнении, иначе ещё кому-нибудь придёт в голову так же сделать.

Но Вальдемар всё ещё не мог понять, что же происходит:

— Я хотел бы вам рассказать, как всё это произошло, почему я уехал.

— Я это хорошо знаю. Вы хотели ехать в немецкое посольство в Москву. Теперь ищите себе работу, где хотите. — Да не был я ни в каком посольстве!

На следующий день он написал заявление в конфликтную комиссию профсоюза. В нём он изложил свою жалобу на начальника, который решил его отпуск считать недействительным. Когда через несколько дней пришло приглашение из центральной конторы, где будет рассматриваться его жалоба, он позвал с собой Фридриха. Вначале в бюро был только председатель профсоюза, крепкий мужчина с брюшком, напоминающим о недостатке физической деятельности в его повседневной жизни, а может быть, и о нарушении обмена веществ. Это был Сабушев.

Вальдемар только сел на предложенное место, как в бюро вошли начальник отдела кадров и секретарь парторганизации. Затем вошли двое незнакомых ему молодых людей. Сабушев объяснил ему, что эти товарищи помогут разобраться в конфликтной ситуации. Когда явились ещё двое, которых Сабушев представил тоже как членов конфликтной комиссии, заседание началось. Слово взял председатель.

— Дорогие товарищи, — начал он. — Перед нами лежит жалоба бывшего рабочего 17-го лесопункта Вальдемара Кран, в которой он просит проверить правомочность его увольнения с работы по статье 47-й. Затем я должен поставить вас в известность, что профсоюз уже разбирал этот вопрос и решил, что увольнение обосновано. Основание: непредоставление аргументов отсутствия на рабочем месте более трёх дней. Что вы можете по этому поводу сказать?

Все молчали, и тогда председатель спросил: — Может быть, у вас есть вопросы к товарищу Кран? — У меня есть вопрос, — сказал начальник отдела кадров Кондратьев.

— Пожалуйста.

— Что заставило вас, Вальдемар Гергардович, поехать в Москву в немецкое посольство и сказать там, что здесь даже за воду платить надо?

— Я не был в немецком посольстве в Москве, я был в Молочанске, в моём родном городе. И кроме того, я не мог бы совершить это путешествие, если бы мне не были выданы отпускные. Проверьте ведомость выплаты денег.

В разговор вступил секретарь парторганизации: — Скажите-ка, кто в вашей общине руководитель? Вы или Рихард Фёрстер?

— в нашей общине нет другого руководящего, кроме Христа, — ответил, не раздумывая, Вальдемар.

Собрание зашумело. Собравшиеся заговорили все одновременно, перебивая друг друга. Наконец председатель профсоюза начал своё

увещевание:

— Вы должны понять, что выбрали неверный путь. Все готовы помогать займом государству, только вы — нет. Значит, вы помогаете этим капиталистам. Вы это понимаете? Согласны вы с этим?

— Нет!

— Тогда слушайте дальше. Когда Ленинград был в блокаде, мой брат ослеп. Понимаете вы это? — Но какое это имеет отношение ко мне?

— Как, ты (вежливое «вы» было проглочено гневом) не знаешь, какое это имеет отношение к тебе? Ты в этом виноват! — Сабушев так орал, что его наверняка было слышно в другом конце конторы.

Вальдемару ничего другого не оставалось, как улыбнуться в ответ на такую глупость.

— Видите, он ещё и улыбается! Наши солдаты отдали свою жизнь, а ему это в радость!

— Мне было тогда девять лет, как мог я быть тогда в этом виноватым! Ведь это же смешно, если вы это мне в вину ставите.

Сабушев покраснел, как только что сваренный рак, и продолжил с новой силой:

— Мой друг! О, прости, ты не друг, ты преступник! Ты хуже, чем капиталист Неро. Ты его знаешь? Он не советский гражданин, но всё-таки позволил создать в своей стране коллективные хозяйства. Мой дорогой! О, извини, я опять забыл, что ты правонарушитель. Ты фашист, гитлеровская сволочь! Ты недостоин есть наш хлеб и пить нашу воду! Ты пользуешься всем, даже оплаченным отпуском!

— Но за этот отпуск я работал почти три года и от мастера получал неоднократно похвалу!

— Послушайте его: он хорошо работал! Да если бы ему не нужны были деньги для жизни, он бы не ходил на работу! Ведь, правда,

товарищи?

На такую глупость не могли ответить даже его товарищи. Только некоторые смущённо покивали головой.

Сабушев продолжал говорить бессмыслицу и наконец его товарищи согласились со всем, что он болтал. Вальдемар давно оставил попытки отвечать на их несуразицы. К его ответам никто не прислушивался. Он просто молча сидел, как будто его всё происходящее не касается.

Внезапно начальник отдела кадров вскочил с места, его глаза засверкали от ярости. Со всей силой обрушил он свой кулак на стол:

— Нам всё равно, держишь ли ты пистолет перед нашей грудью или за нашей спиной! в любом случае ты ждёшь удобного момента, чтобы нажать на спуск!

Удар кулаком по столу вызвал в Вальдемаре необычную реакцию. Неожиданно для себя самого он вскочил с места и закричал Сабушеву в лицо:

— с меня достаточно! Я не позволю вам называть меня фашистом и гитлеровской сволочью! Вы думайте у меня нет свидетелей? Там, за дверью стоит мой друг. Он всё слышал! Я буду жаловаться дальше, я хочу знать, имеет ли право председатель профсоюза так обращаться со своими членами! Я сейчас же еду к прокурору!

Он повернулся и пошёл к двери.

Сабушев вскочил с места и, сменив тон, перешёл на уговоры:

— Да, конечно, мы были излишне резки с вами. Это всё потому, что мы так много пережили во время войны, вы ведь должны это понимать. Да, мы громко кричали, мы друг друга оскорбили, но всё можно ещё уладить. Не сердитесь на нас! Что сделано, то сделано. У нас к вам одна просьба: когда состоится следующее собрание рабочих, выступите на нём и скажите, что вы были неправы, купив

облигации только на 300 рублей. И тогда всё уладится. Вы меня поняли?

— Да, я вас понял. До свидания. Фридрих стоял за дверью и ждал.

Ну, слушай, у тебя и терпение, — он удивлённо покачал головой. — Тебе давно надо было встать, сказать им своё мнение и уйти. Ты сейчас поедешь к прокурору? Вальдемар коротко подумал и сказал: Знаешь, я не думаю, что от этого будет толк. Он ведь больше, чем эти здесь, знает о моих посещениях немецкого посольства. Они думают, что я и в эту поездку был там. Но это не так. Я был там полтора месяца назад, когда отвозил туда заявления от желающих выехать в Германию.

По дороге на станцию он рассказал другу о своём путешествии в Москву. Каждый посещающий немецкое посольство берётся милицией на заметку. Когда они были там второй раз, то думали, что избежали контроля. Им удалось пройти в метро. Там, под землёй, они несколько раз пересекли Москву вдоль и поперёк. Когда они вышли наверх, и никто не потребовал у них паспортов для проверки, они решили, что на этот раз им удалось уйти от милиции. Но в огромном ГУМе, в многотысячной толпе, к ним подошли двое в гражданской одежде и попросили следовать за ними. Их привели в подвальное помещение, где находилось милицейское отделение, и записав их паспортные данные, извинились и отпустили.

— Так что дважды я уже взят на заметку, — сказал Вальдемар. — А на этот раз они подумали, что мне удалось незамеченным зайти в посольство. Так что они не очень уверены, что тайная служба работает безупречно. Верно?

Среди переселенцев ходили слухи, что первые поезда с военнопленными отправлены уже на запад, а потом настанет их черёд. При этой мысли что-то сжалось в груди Вальдемара. Он не мог себе представить, как это будет, снова вернуться в Германию. Но сейчас, когда будущее было так бесперспективно, он хотел бы уехать прямо сейчас. Но до отъезда в Германию пройдёт ещё долгих восемнадцать лет. Сейчас он ещё не знал, что это столкновение с властью имущими было только началом.

Они доехали почти до дома, когда Вальдемар попросил у Фридриха совет:

— Послушай, я всё-таки решил обжаловать действия нашего начальства и обратиться в суд. Как ты думаешь, я прав?

Фридрих удивлённо посмотрел на своего друга, словно хотел спросить: ты что, серьёзно или шутишь? Но поняв, что друг не шутит, он поддержал его решение.

До суда прошёл месяц. Во время суда, ещё до вынесения приговора, Вальдемар понял, что его признают виновным. Вопросы, которые в процессе суда задавала ему судья, не оставляли в этом сомнения. Приговор гласил: администрация Семигородского леспромхоза права, уволив Вальдемара Гергардовича Крана по статье 47-й, как прогульщика. За ним остаётся право в течение 10-ти дней обжаловать это решение в областном суде.

Когда Вальдемар подошёл к секретарше, чтобы взять это решение, она ему вполголоса сказала:

Суд вынес неправильное решение. Вы можете уверенно обратиться в областной суд.

— Спасибо, я так и намеревался сделать! После суда начальник отдела кадров насмешливо сказал Вальдемару:

— Но, Вальдемар Гергардович, видите, мы оказались правы.

— Нет, вы не правы!

— Вы что, считаете, советский суд судит неправильно? — Советский суд судит правильно, но этот суд был неправ! — ответил Вальдемар и про себя подумал: смотри-ка, как они каверзно ставят вопрос! Ошибись при ответе и тут же попадёшь в тюрьму!

Областной суд пришлось ждать недолго. Через пятнадцать дней Вальдемар и заместитель начальника леспромхоза сидели в том же

самом помещении, только теперь за столом судьи были члены коллегии областного суда. — Товарищ Кран, расскажите нам, как вас уволили с работы, — попросил судья.

Вальдемар рассказал обо всём очень подробно. Прокурор спросил:

— Вы посчитали выплату отпускных как подтверждение вашего отпуска?

— А как я мог иначе считать? Тем более, что у нас все годы так было принято. Заместитель директора леспромхоза попытался очернить Вальдемара перед коллегией, но это ему не удалось. После короткого совещания суд от имени Российской Социалистической Федерации вынес следующий приговор: решение районного суда от 21.06.1956 года считать недействительным и восстановить Крана Вальдемара Гергардовича на прежнее место работы с выплатой среднего заработка за 20 рабочих дней вынужденного прогула. Решение суда может быть обжаловано обеими сторонами в течение 10-ти дней.

Обжалование не состоялось. Вальдемар был снова восстановлен на своё прежнее место работы.

Крещение

В ответ на приветствие Вальдемара: «Добрый вечер, моя любимая!» — сияющая Иоганна ответила: — Мама, наконец-то, согласилась. Я могу принять крещение!

— О, как я рад! Так что в субботу поедem. Насколько я знаю, Инга тоже едет с нами.

Как велико было их разочарование, когда они прибыли в Красавино, а проповедника тамошней общины не оказалось дома! Неужели эти 600 километров пути были проделаны напрасно?! Братья и сёстры обдумывали, что же теперь можно сделать. Вдруг кому-то в голову пришла мысль, что можно съездить в Лименду, там тоже есть община верующих. Туда можно было доехать до вечера, и поэтому они

поспешили в дорогу. Часть дороги — на попутках, часть — на пароходе, и в шесть часов вечера они были на месте. К счастью, братья, могущие преподавать крещение, были дома.

После обычного вечернего собрания было оповещено, что на другой день будет проведено испытание крещаемых, а затем и крещение.

Во время испытания каждый крещаемый должен был рассказать о своём обращении. Собравшиеся братья и сёстры задавали вопросы, чтобы удостовериться, что испытываемые действительно возрождены. Всех троих допустили до крещения. И вскоре потянулись люди разных возрастов к реке. Дорога шла по краю леса. Берёзы опустили свои ветки почти до земли. Редкие жёлтые листья оповещали, что скоро придёт осень. Ветер доносил с речки влажный, смешанный с запахом цветов, воздух. Он развеивал волосы девушек и колыхал платки женщин. Группа шла медленно и торжественно, словно похоронная процессия. В общем-то, это и была похоронная процессия. Ведь несколько умерших для этого мира душ должны быть сегодня похоронены. Ещё немного, и волны реки покроют их, чтобы показать, что ветхий Адам в них умер с Христом, а новый — будет с Ним жить вечно! Но умерли ли они действительно для этого мира? Этот вопрос поставил каждый из них себе ещё раз, когда они слушали проповедь брата Кьюна. — Вы будете погребены с Христом и, как и Он восстал из мёртвых, так и вы восстанете из воды к новой жизни. Не забудьте никогда: вы теперь не менониты, не католики, баптисты или лютеране или ещё кто-то; вы теперь члены тела Христова, соединенные с Ним.

А Христос является главой. Я бы хотел, чтобы вы этого никогда не забывали. Есть только одно святое имя под этим небом: Иисус Христос! Поэтому не позволяйте никакому другому имени быть для вас более важным. Верующие были впервые названы христианами в Антиохии. И пусть это будет всегда так: где бы вы ни были, пусть в вас до конца видят христиан! Сами по себе вы не можете соответствовать такой высокой чести, но Тот, Кто умер за наши грехи на голгофском кресте, восстал из мёртвых и сидит теперь одесную Бога, Он вам в этом поможет. Аминь.

— Аминь, — ответило собрание и все крещаемые, каждый в сопровождении двух братьев, вошли в воду.

Речка была быстрой и крещаемым пришлось бороться с течением, прилагая все силы, чтобы течение не увлекло их за собой. Вначале крестили Ингу, затем — Иоганну и последним — Вальдемара.

Иоганна вошла в воду, сложила в молитвенном жесте руки на груди и от всего сердца про себя вознесла молитву к Господу:

— с этого момента я хочу быть с Тобою, мой Спаситель! Ты для меня теперь всё!

Она взволнованно ожидала вопроса служителя: — Веруешь ли ты от всего сердца, что Христос — Божий Сын и твой Спаситель? — и услышав эти слова, она с радостью ответила:

Да, я верую! — По твоей вере крещу я тебя, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!

И уже покрыли её молодое тело холодные волны устремляющегося вдаль потока, и из воды восстало новое, чистое, омытое не этой водою, но кровью Иисуса Христа, тело.

После переодевания последовало благословение только что крестившихся с возложением рук. Каждый получил из Библии Слово, которое должно сопровождать их жизнь в общине.

— Претерпевший же до конца спасётся, — прочёл Вальдемар.

Это было его самым большим желанием: быть твёрдым до конца. Как много людей начинали хорошо, а потом отступили! Нет, его лозунгом должно быть: «Лучше умереть, чем отступить от истины!» Поэтому он молил Бога вести его, как Он хочет, пусть даже через тяжёлые страдания, но к блаженству. Тогда он ещё не знал, что это значит, если Бог наказывает своих детей. Позже, когда он сам испытал, каково это, то несколько изменил свою молитву. Он просил Бога: «Наказывай

меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоём, чтобы не умалить меня» (Иеремии 10:24).

Жизнь общины

Теперь на 20-м километре регулярно, четыре раза в неделю, собиралась группа верующих людей. У них не было пресвитера-руководителя, не было назначенных проповедников. Но у них был Тот, кто вёл собрание — Святой Дух. Когда они приходили на собрание, все ждали, кому Господь что на сердце положит, чтобы оно служило для общего назидания. Время было так чудесно наполнено Божьим благословением, что старшие члены церкви, получившие свой духовный рост в больших общинах, говорили, что такого они ещё не переживали. Они пели, молились, потом вставал кто-либо из братьев и читал Слово из Библии, излагал Его. Потом кто-нибудь предлагал спеть ещё одну песню, затем снова читалось Слово Божье. И это длилось порой пару часов. Никогда не было заранее известно, кто будет читать Слово Божье, но недостатка в читающих братьях не было.

Совершенная община? Нет! Как бы она могла быть совершенной, если она состояла из несовершенных людей? Но главное они всё же имели: совершенного Учителя — Христа и к Нему они поднимали свой взор, и Его просили их совершенствовать. Но и эта цель иногда казалась недостижимой. Ибо зачинщик всего злого время от времени давал о себе знать в этой доверительной общности людей. Он хотел им помешать исполнить то, что написано в послании к Евреям в 12-й главе, 14-м стихе: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа».

Вскоре в этой общине праздновали крещение. Оно состоялось в лесной речушке Коршанка в шести километрах от посёлка. Сейчас уже находящийся в вечности брат Вибе приложил немало усилий, чтобы такое вообще стало возможным. Он не мог жить со своей семьёй, так как был лишён гражданских прав (потому, что был немец, да ещё и верующий). Но он использовал эту ситуацию, чтобы ходить из посёлка в посёлок и нести свет Евангелия людям. Так однажды

пришёл он в эту маленькую общину, чтобы помочь ей в духовном плане продвинуться вперёд. По его совету из Яхренки был приглашён брат Иоганн Пеннер для совершения крещения.

Было чудесное утро, когда маленькая группа молодых христиан шла по хорошо знакомой лесной тропе к реке. Солнце ещё не взошло, а комары и мошки были уже очень активны. Это было идущим знакомо, и поэтому не только ноги, но и руки были постоянно в движении, безостановочно прогоняя ветками надоедливых насекомых, готовых высосать из человека всю кровь. Крещаемые шли и радовались, что скоро заключат союз чистой совести с Богом, единственным Властителем неба и земли.

Маргарита очень радовалась решению своего мужа. Когда она вернулась к Богу и вновь восхваляла Божью милость, её главной молитвой стала молитва о Божьем милосердии к её мужу Андрею. Он был из католической семьи, ведущей, на их взгляд, безупречный образ жизни, но только понаслышке знал о спасении через Христа. Он считал себя христианином, ведь он был крещён на восьмой день после рождения и считал себя членом церкви. Молитвы только единому Богу в трёх лицах не было достаточно и, как в его семье утверждали, просьбы матери всегда действовали на сердце отца сильнее, чем просьбы дитяти, поэтому молились Божьей Матери. Так объяснял Андрей и добавлял: «А почему бы и нет, ведь написано: ибо отныне будут ублажать меня все народы». И поскольку всё это он впитал с молоком матери, то все уговоры жены и её родственников не помогали. Только Бог мог осветить ему путь. И в своей великой милости Он это сделал. Однажды Андрей получил от своего знакомого книгу, которая была ему очень нужна. Речь в ней шла о жизни Иисуса, и была эта книга написана убеждённой католичкой Анной Эммерих. С самого начала чтения он заметил, что братья в общем-то «не так уж не правы», говоря о «рождении свыше». В этой книге тоже было написано, что нужно родиться свыше, чтобы унаследовать Царство Божие. И что «рождение свыше» ничего общего с крещением не имело, стало ему тоже понятно.

С восхищением воспринял Вальдемар слова Андрея, когда они вместе копали колодец:

— Покаяться я должен, это я понял. Только пока не знаю, как. Но о крещении не может быть и речи.

— Ну, тут ты уже точно прав, — подумал про себе Вальдемар. — Прежде всего, покайся перед Богом, получи мир и прощение грехов во Христе, а потом мы посмотрим, что ты будешь говорить о крещении.

Прошло немного времени, и Андрей при дальнейшем чтении книги, заметил, что первые христиане вначале уверовали, а затем крестились.

«Почему это сейчас не так?» — спрашивал он других католиков. Но в ответ слышал одно:

Смотри, ты можешь заблудиться! Надо следовать предписаниям отцов. Только святая католическая церковь знает, что для нас правильно.

Но ведь Анна Эммерих тоже была католичкой, иначе он эту книгу и в руки бы не взял. Она пишет то же самое, что и в Библии написано. И почему это Библию должны читать только избранные люди?

Его родственники и друзья не уставали предупреждать его о возможном «заблуждении». Всё было напрасно. Он был заблудшим! И теперь ему ничего другого не оставалось, как найти выход из этого заблуждения. Людей он больше не хотел спрашивать, так как они, как и он, тоже могут заблуждаться и не замечать этого. Следовательно, ему осталось только одно: спросить Бога.

В ночь на 19 января 1957 года ярко светила луна. Звёзды в небе блистали, переливаясь то ярче, то тусклее, на его рабочем месте вся эстакада была освещена прожекторами. Только в сердце его было темно. Андрей очень хотел избавиться от этого чувства, зная, что дольше он этого не выдержит. Он стоял у конвейера, который в этот момент бежал без брёвен. Эти минуты затишья на рабочем месте он решил использовать для молитвы Тому, Кто восседает выше звёзд, и Кто может ему помочь. Он хотел иметь веру, такую, какую имели

первые христиане. Теперь он понимал, что у него не было до сих пор никакой веры.

Вдруг с его глаз словно пелена спала, и он понял, что его молитва услышана.

Глубоко тронутый, он прошептал: «Я благодарю Тебя, мой Отец! Я благодарю Тебя, что Ты мне, заблудшему, открыл глаза и принял меня во Христе». Конвейер заработал, и он с новой силой начал снимать с него бревна.

Когда он пришёл домой, Маргарита поняла всё без слов по радости в его глазах. Она думала: «Как Господь милостив к нам! То, что я испортила, преклоняясь под чужое ярмо с неверным (2 Кор. 6:14-15), Он повернул по Его милости к лучшему».

Не меньше радовалась и её мать, Анна Кран. Её молитвы были не напрасны. Её дочь вернулась в церковь Христа, а теперь и её зять был готов заключить завет доброй совести с Богом.

Когда крещённые вышли из воды и преклонили колени, на берегу брат Вибе помолился, благословляя их, с возложением рук.

Община возрастала в числе.

Первая христианская свадьба на 20-м километре

Эрна Белиц и Абрам, Элеонора Фукс и Рихард Фёрстер, Инга Ферншауэр и Клаус Фёрстер, Маргарита Кран и Андрей были уже женаты. Но когда Иоганна думала об этих свадьбах, её охватывало неприятное чувство. Как хорошо, что Вальдемар и она стали Божьими чадами, и у них свадебный обряд будет совершён соответственно этому высокому званию. Точно так думал и Вальдемар.

Чем ближе был день свадьбы, тем больше думал он о своём решении, принятом в Молочанске. Он до сих пор не говорил об этом с Иоганной.

Вечером сидели они в её комнате, и он смотрел в её карие глаза. Ему казалось, что её сияющий взгляд говорит: «Мой любимый, ещё несколько дней и мы будем вместе, пока не разлучит нас смерть. Скоро я буду в полной мере наслаждаться твоей любовью. И ты никогда не причинишь мне сердечную боль! Скоро ты увидишь, что моя теперешняя любовь к тебе — лишь искорка той любви, что я тебе подарю!»

Он ещё раз посмотрел ей в глаза. Да, он не ошибается. И она права, ожидая этого от него, ведь любящий готов на самоотверженность и жертвенность. Как и Библия говорит: «Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь, и предал Себя за неё» (Ефесянам 5:25).

Как много ему предстоит! Он не сомневался, что готов в случае необходимости пожертвовать собою ради неё. Но она ожидает от него большего, чем он есть. У него много слабых сторон, которые он уже больше года как принёс ко кресту, но в некоторых ситуациях эти недостатки оживают.

И всё же, из-за него Иоганне не придётся плакать. Он не будет её доводить до слёз, как это однажды случилось у его отца. Вальдемар вспомнил случай из детства. Он до этого никогда не слышал, чтобы его родители ссорились. Даже повышенного голоса его отца по отношению к жене или детям он никогда не слышал. И всё же однажды его мать плакала. Поводом для этого был он, Вальдемар. В тот день, как уже много раз прежде, он занимался своим любимым делом: просматриванием книг, в которых находил изредка деньги. В этот раз он решил искать на верхних полках книжного шкафа. Возможно, там он обнаружит сокровища, которые в книгах на нижних полках уже были им изъяты. Ему не пришлось долго искать, как он в восторге закричал:

— Мама, вот уже второй рубль! — осторожно ставя словарь сельскохозяйственных машин на место, он добавил. — Теперь в моей кассе уже десять рублей!

Его мать, улыбаясь, ответила: — Ищи дальше! Возможно, чем выше, тем больше найдёшь.

Мать была права. В течение нескольких часов он нашёл пять рублей! В пылу успеха он решил осмотреть верхние полки, пропустив все остальные, так как знал, что у него осталось мало времени для этого занятия.

Посматривая искоса на мать, в любой момент ожидая: «На сегодня довольно, сыночек!» — он взялся за книги на последней полке.

О, что это за книга? в ней он нашел полный конверт с разными бумагами. Вынув его, он позвал мать, чтобы она ему рассказала, что в конверте. К его удивлению, лицо матери сделалось мрачным. Такие морщины на её лбу он до сих пор не видел. Но, увы, чем дальше она читала, тем угрюмее становилась. Вдруг мать быстрыми шагами удалилась в кухню, закрыв за собою дверь. Сердце Вальдемара сжалось, когда он услышал за дверью вначале всхлипывания, а затем и плачь матери.

Нет, и ещё раз нет! Он никогда не допустит, чтобы из-за него Иоганна плакала! Но всё же всем ожиданиям Иоганны он соответствовать не может. Поэтому лучше сказать это сейчас, пока не поздно. Она должна узнать правду.

— Иоганна, — начал он, взяв её за руки и опустив глаза. Какое-то время он не мог произнести ни слова, стыдясь самого себя. Ну разве он должен стыдиться того, что хочет сказать ей? Это ведь не преступление — вовремя признаться в слабостях? Он посмотрел ей в глаза и повторил снова:

— Иоганна, я кое-что хотел бы тебе сказать. Её ресницы затрепетали и в только что сияющих глазах отразилось беспокойство.

— Нет, ничего страшного, любимая, — успокоил он её и продолжил:
— Но всё-таки достаточно неприятное.

Она опять насторожилась. Тут Вальдемар понял, что он только «резину тянет», которая, сорвавшись, может нанести ей ещё большую боль. Поэтому он решил всё сказать без украшений:

— Я хочу тебе сказать, что я не всегда такой, каким ты меня знаешь или за кого принимаешь.

Оба облегчённо вздохнули. Но когда он увидел, что она всё ещё вопрошающе смотрит на него, то он постарался ей объяснить всё другими словами:

— Ты меня видишь, как правило, в воскресной одежде. Но её я одеваю только раз в неделю. А обычно я в рабочей одежде. Понимаешь, что я хочу этим сказать? Я не всегда так хорош, как ты думаешь.

Её глаза засияли снова. Он понял, что она не приняла всерьёз все им сказанное.

А в окно били крупные дождевые капли, оповещая начало весны. День свадьбы был намечен на 1 мая и надо было начинать подготовку к ней. Он нарушил тишину: — Твоё свадебное платье уже сшито?

— Да! А твой костюм? Тебе ведь к свадьбе новый нужен? — За ним надо нам в Вологду съездить. 25-го апреля я получу отпуск, и мы поедем. Хорошо?

— О да! Я буду рада с тобой поехать! Были разосланы приглашения, приглашён и дал согласие провести венчание брат Иоганн Пеннер, и вот уже наступил первый день отпуска.

Когда они с Иоганной сидели в вагоне, Вальдемар ещё раз перебрал в памяти, не забыто ли что. Он вспомнил день свадьбы своей сестры. Прошло лишь четыре года, а насколько стала жизнь легче!

У Маргариты даже чемодана не было, ему пришлось сделать его из досок. Конечно выглядел он не очень-то хорошо, но свои вещи она смогла упаковать. Купить костюм всего лишь за месячную зарплату было тогда невозможно. Как милостив был к ним Бог, Который провёл их через ужасные испытания этих лет, сохранив им жизнь! Нынешние

времена отличались от тогдашних, как день от ночи. Многие молодые люди зарабатывали деньги легче, чем он, так как все его сверстники стали уже крепкими мужчинами. Но на нём остался отпечаток того тяжёлого времени, и с этим он не мог ничего поделать. Что он физически был слабее своих сверстников, его не очень тревожило, но его неудобно... Он перевёл взгляд со своих ладоней и рук на Иоганну. Интересно, замечает она его неудобно или ей это безразлично? Он порой не понимал, как эта девочка может любить такого «кощее»! Если бы он не чувствовал, что она счастлива с ним, то... Инга Ферншауэр, которая, как ему казалось, насмехалась над его торчащими костями, уже три года как замужем. Его детская привязанность к ней была, словно мыльный пузырь, что сияет на солнце всеми цветами радуги, но лопаётся при малейшем прикосновении. Он давно рассказал Иоганне, как однажды забрался тайком в Ингину комнату и спрятался под её кроватью. Что его к этому побудило, он до сих пор не знает. Но в итоге то, что он это сделал, было верно, так как лопнул последний мыльный пузырь его уважения к Инге. Он долго лежал под кроватью, прислушиваясь к разговору Инги с сестрой и подругой, которые зашли в комнату вскоре после него. Он много чего услышал, в том числе и неприятное для себя. В конце концов, не выдержав, вылез из-под кровати, приведя девушек в страшное смущение. Результат не заставил себя ждать: Инга на другой же день потребовала своё фото назад и этим всё закончилось. С тех пор прошло 9 лет.

Он с улыбкой посмотрел на Иоганну. В то время ей было всего лишь девять лет и она часто бывала у них, играя с Хайфи. Неужели правда, что эта весёлая щебетунья через несколько дней станет его женой? Теперь ей было 18 лет, а ему 25.

Светлый голос Иоганны заглушил визг тормозов: — Во-ло-гда! Нам выходить, Вальдемар. Что ты так притих?

Ах, я опять размечтался, моя птичка! Они оставили вагон. Сходящие пассажиры теснились сзади, и Иоганна оказалась плотно прижатой к Вальдемару.

Она и не сопротивлялась этому, а только весело шептала на ухо:

— Совсем неплохо быть лилипутом! Помнишь, ты меня так дразнил?

— Да, да, тогда ты была ещё маленькой, я только что об этом в вагоне вспоминал.

...Комната Анны Кран была переполнена. Проходящие через барак люди бросали любопытные взгляды в «свадебный зал». Такого они ещё не видали. Невеста, покрытая шлейфом, достигающим до пола, с миртовым венком в волосах, рядом с нею жених в строгом черном костюме с маленьким букетиком цветов в петлице пиджака. А что было ещё интереснее, так это то, что жених и невеста время от времени вытирали набегающие на глаза слёзы. Не может такого быть! По крайней мере не в день свадьбы! Если через несколько дней молодая жена ходит с тёмными кругами под глазами, опухшими от слёз, это можно понять. С кем такого не бывало? Но слёзы в свадебный день? Нет, это было непонятно любопытствующим!

— в чём дело? Почему молодые люди и гости то и дело вытирают глаза? — спросила Гурилёва женщину, стоящую у дверей.

— Слёзы не всегда являются слезами печали или горя, хотя жизнь достаточно тяжела, чтобы и в такой день плакать. Об этом только что говорил проповедник. Извините меня, мы поговорим об этом позже. Я хотела бы послушать проповедника.

— Когда двое заключают брак, то становятся, как говорит Божье Слово, одной плотью. И как вы знаете, одна плоть, одно тело — имеют одно чувство. Если рана на левой руке, её перевязывает правая рука. Так и в супружестве: чувства одного отражаются в чувствах другого. Я приведу пример. Когда эмиграция в Америку была прервана, одна семья оказалась разделена. Муж остался в Москве, а жена успела уехать в Америку. После долгих поисков мужу удалось узнать её адрес. Как они радовались, получив друг от друга известие! Но тоска становилась день ото дня сильнее. Однажды жена почувствовала какое-то беспокойство. Она ощутила, что с мужем что-то случилось. Свою печаль она доверила в молитве Господу и ждала от мужа письма. И когда, наконец, пришло письмо, она узнала из него, что в тот день, когда она почувствовала тревогу за мужа, он внезапно заболел и до сих

пор лежит в больнице. Такое сострадание, что чувствуется на расстоянии в 10 тысяч километров, очень редко. Но вы... — он посмотрел на брачующихся. — У вас должно быть то же сострадание.

Вальдемар, и без того озабоченный здоровьем заболевшей перед свадьбой Иоганны, которая до сих пор ещё хворала, посмотрел на свою невесту. Он любил её так сильно, так глубоко, что хотел её видеть самой счастливой.

— Одна плоть, — перебил его мысли проповедник. Это обозначает, что вы отныне покидаете отца и мать и принадлежите друг другу. Вы ничего не можете совершать в одиночку. Где находится один из вас, должен находиться и другой. Вы это поняли? Постараюсь объяснить следующим примером. Одна молодая женщина была очень счастлива в медовый месяц. Но прошло время, и она заметила, что в супружеской жизни бывают и облачные времена. И когда ей стало невмоготу, она пошла к своей матери и пожаловалась ей. Мать, бывшая одной плотью с дочерью когда носила её под своим сердцем, в слепой любви к дочери забыла, что со дня бракосочетания положение изменилось, и что теперь дочь не с нею, а с мужем одна плоть. Мать пожалела её и этим внесла трещину в это супружество. И только то, что молодая женщина опомнилась и поняла свою вину, предохранило это супружество от крушения. Дорогие брачующиеся, запомните, где бы вы ни были, у родителей ли, у родственников или на работе, говорите о другом только то, что вы могли бы сказать в его присутствии. И, дорогие матери, не забудьте, что ваши женатые дети теперь не составляют с вами одну плоть! После почти двухчасовых наставлений началось венчание.

— Вначале, как служитель Божий, я должен узнать, свободны ли вы от обещаний в отношении другого лица? Никогда ещё Вальдемар так не радовался тому, что он, как и Иоганна, честно может ответить на этот вопрос кратким «да». Затем прозвучал главный вопрос: — Дорогой жених Вальдемар Кран! Хочешь ли ты стоящую рядом с тобой невесту, Иоганну Фукс, взять в жёны, любить её всем сердцем, быть ей верным мужем, быть опорой ей и вашим детям, если Господь

вам их подарит, в хорошие и также в плохие дни, пока смерть не разлучит вас? Тогда ответь. — Да! — тут же ответил Вальдемар.

— Теперь я спрашиваю тебя, невеста Иоганна Фукс, хочешь ли ты взять в мужья стоящего рядом с тобой жениха Вальдемара Крана, любить его, быть ему верной и покорной женой как в хорошие, так и в плохие дни, пока смерть не разлучит вас? Тогда ответь. — Да!

— в ответ на ваше обоюдное обещание протяните друг другу руки.

Он взял их руки в свои и продолжил:

— Это обоюдное обещание, данное перед Богом и общиной, подтверждаю я, как слугитель Бога, именем Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Молодая чета встала на колени, вся община встала с мест, слугитель молился с возложением рук о благословении их брака. После молитвы проповедник поздравил чету как супругов и процитировал:

Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучит.

Свадебное путешествие

Через 10 дней новоиспечённая чета поехала в свадебное путешествие. Желанная поездка в страну предков им, как и другим желающим выехать, позволена не была. Они должны были удовольствоваться посещением представителя этой страны, который с недавнего времени находился в Москве, в посольстве ФРГ. Уже на следующий день они были в Москве. Вальдемару была хорошо знакома дорога к немецкому посольству на Большой Грузинской улице. Когда они подошли к этому зданию, из-за туч выглянуло солнце и осветило своими лучами всё вокруг и также ту часть посольства, перед которой они стояли. Перед открытыми воротами стояли два милиционера, а за ними в трёх метрах начиналась территория «маленькой Германии», как называли посольство ссыльные. Сотни людей с момента посещения России

Аденауэром чувствовали себя здесь счастливыми. Многие из них были удостоены чести пить кофе с сотрудниками посольства.

Орёл на гербе, который Вальдемар видел не в первый раз, был похож на орла на гербе фашисткой Германии, который он видел во время войны. Но было одно исключение: символ фашизма — свастика, отсутствовал.

А этой свастикой когда-то, ещё десятилетним мальчишкой, он, как и его друзья, гордился. Тогда они жили в Крушвитце, свастика несколько раз помогла ему сделать доброе дело. Он ездил в Хохензальц на собрание. На вокзале всегда стояли польские мальчики, которые тоже хотели ехать. Но им, как не немцам, не давали билеты. Он был мал ростом и кто-нибудь из взрослых поднимал его к кассовому окошку, чтобы кассир мог увидеть свастику на его пиджачке и удостовериться, что он немец. И только потом получал он билеты, на мальчиков-поляков — тоже.

И как светились их глаза, когда они получали билеты! Свастика словно обладала магической силой. Он носил её на внутренней стороне пиджачка и в случае нужды предъявлял её. Он не понимал тогда, что она была предвестником страшных времён, когда никто не сможет ничего ни купить, ни продать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. — Вы — господин Кран?

На этот вопрос служащего посольства Вальдемар чуть не ответил «нет», так непривычно было ему обращение «господин». К счастью, он сразу вспомнил, что у немцев так принято. И когда он нерешительно ответил «да», в его голове пронеслась мысль: хоть бы не осрамиться! Но конфуз ещё предстоял.

— Господин Кран, кто вы по профессии? — продолжал спрашивать господин Бокк, которого Вальдемар знал с прошлых посещений.

— Я тракторист. Мы перетаскиваем брёвна из леса в определенное место. А оттуда их отправляют в разные страны.

— А где вы работаете, госпожа Кран?

— На узкоколейке.

— Вы служащая?

Молодая женщина не поняла этого слова и смущённо посмотрела на своего мужа.

Господин Бокк попробовал ей помочь: — На железной дороге существуют различные работы. Меня интересует, что вы делаете? Может быть, вы кондуктор?

— Нет, — ответил за неё Вальдемар. — Её бригада занимается ремонтом дороги.

— Что она с дорогой делает? Ведь вы, госпожа Кран сказали, что работаете на железной дороге? — Да, да, — хором ответили они, а Вальдемар продолжил: — Я и имел в виду железную дорогу, Она её исправляет, то есть, если дорога где-нибудь не в порядке, она её опять приводит в порядок. — Ах так, она её «репарировает»!

— О да, она её «репарировает». Теперь я вспомнил это слово. В школе, когда мы ещё жили в Германии, это слово часто употреблялось. Надеюсь, мы скоро вернёмся в Германию, иначе мы вовсе забудем родной язык!

На это служащий ничего не ответил, и Вальдемар повторил свой вопрос:

— Господин Бокк, есть ли перспектива вернуться в Германию?

— Видите ли, господин Кран, — служащий жестом обратил внимание Вальдемара на стопы папок, сложенных у стены, откуда он только что их папку достал. — Все эти люди ждут разрешения на выезд. С немецкой стороны препятствий нет. Но эти... — Вальдемар не расслышал слова, но понял по жесту, кто имелся в виду. — ...Эти, там, постоянно лгут. Сегодня говорят «да», завтра — «нет». То, что вам выдали советские паспорта и то, что вы теперь являетесь военнообязанным, тоже может послужить препятствием для выезда.

Во всяком случае, скажите своим людям, пусть они ходят на работу, сеют и убирают урожай — одним словом, живут так, словно никогда из России уезжать не собираются. А то мы уже слышали, что идут разговоры о скором отъезде. Вы меня поняли?

— Да. Если бы мы так не делали, мы умерли бы уже в 1947 году.

— Ну, а теперь я желаю вам счастливого пути! — Спасибо, — ответили они. Вальдемар почувствовал, как Иоганна подёргала его за рукав, и вспомнил, что главное, зачем они сюда приехали, ещё не решено. — Извините, Господин Бокк! Но переоформление документов моей жены — не единственная причина того, что мы здесь. Мы хотели бы попросить у вас две Библии.

Очень охотно, — ответил он и вернулся через пару минут с двумя Библиями. — Только, пожалуйста, сохраните эти Библии для себя! А то есть люди, которые их продают.

Иоганна не поверила своим ушам. Она в замешательстве переводила взгляд с одного на другого.

— Нет, я не имел в виду, что вы их продадите, но, к сожалению, такие люди встречаются.

Они положили Библии в сумку, поблагодарили господина Бокка и покинули посольство. Тогда они ещё не знали, что пройдёт долгих семнадцать лет, пока они приедут сюда за визами для выезда в Германию. На этот раз Вальдемар не заметил преследования и решил выпить газированной воды, прежде чем они сойдут в метро. Они только взяли в руки стаканы, как около них очутились двое мужчин, которые потребовали у них документы и попросили следовать за ними. Через полчаса их отпустили.

Вальдемар с Иоганной хотели остановиться на ночь у хорошей знакомой, Зины Майер, а на следующий день посетить зоопарк и планетарий. Зина радостно встретила своих бывших земляков.

— Я очень рада принять у себя сына моего учителя с его молодой женой. Как видите, здесь очень мало места, но как говорится — в тесноте, да не в обиде. Так что добро пожаловать!

Она указала на стоящий у дверей диван. При всём её желании она не могла пригласить их пройти дальше, так как за диваном комната вообще-то заканчивалась. Вдоль другой стены, параллельно к дивану, стояла кровать, а между ними — маленький стол. Окно, расположенное между диваном и кроватью, давало достаточно света для этой маленькой комнатки.

— Квартирные проблемы здесь не так уж легко решаются, — сказала хозяйка, заметив разочарование Иоганны при виде этой тесноты. — Но я хотела обязательно назад, в Москву. Я ведь задолго до войны здесь жила. Вначале я жила в другой квартире с двумя женщинами. Та квартира была больше, чем эта. Но моя болезнь... — она взялась за голову. — Мне уже несколько раз делали пункцию, но это мало помогает. Моя болезнь не позволяет мне жить с кем-нибудь вместе. Да и быть одной — значит, никого не обременять своими недугами.

Вальдемар был немного знаком с судьбой этой женщины. Ещё девчонкой она ушла из родительского дома. Когда началась война, она попала на фронт и выдержала все тяготы войны с начала до конца. Была ранена, но после выздоровления снова вернулась в строй. Она дослужилась до звания лейтенанта и хотела служить дальше, но с её здоровьем это было невозможно. Поэтому после войны её уволили из армии. Защитнице Отечества дозволено было вернуться в Москву. Здесь, как и во всём Советском Союзе, до сих пор не были до конца решены проблемы с жильем, жизнеобеспечением и пенсионные проблемы.

Вскоре Зина ушла в магазин, чтобы купить что-нибудь из еды для своих гостей.

— Послушай, — сказал Вальдемар Иоганне, — если такие активисты, как она, живут так скромно, притом, в столице, то что же можем ожидать мы, которые до недавнего времени считались дезертирами?

Вернувшись из магазина, Зина поставила на стол сетку с продуктами.

— Теперь здесь гораздо легче, чем раньше. Если есть деньги, можно купить всё необходимое.

Йоганна и Вальдемар радовались предстоящему ужину, так как были очень голодны, из скромности отказавшись от закуски, предложенной в посольстве. Ужин и разговоры заняли целый час, пока Зина не заметила, как сильно устали её гости. Им давно требовался отдых.

— Куда мне вас положить? — спросила сама себя Зина тут же решила.
— Один ляжет на диван, другая на кровать. Для двоих на них места нет. А я лягу на пол.

— Ну уж нет! Вы — больная, будете спать на полу, а мы на мягком?! Нет, так мы вообще не уснём. Поэтому разрешите нам лечь на пол. — Йоганна поискала глазами место для столика и переставила его к дверям.

Ночь показалось долгой. Они лежали, плотно прижавшись друг к другу на узком пространстве между диваном и кроватью. Йоганна опасалась всю ночь, что скатится под кровать.

Вальдемар не мог спать ещё и из-за того, что в его памяти прокручивались слова, услышанные в посольстве: «То, что вы получили советские паспорта и являетесь военнообязанными, может послужить тормозом для вашего переселения в Германию». Как глупо с его стороны, что он взял военный билет! Но что теперь об этом думать! Да ведь его и не спрашивали! Вот Ханс Пеннер сопротивлялся этому, а что получилось? Да, его тоже тогда спросили, имеет ли он что-нибудь против военной службы? Но прежде, чем ответить на этот вопрос, он спросил представителя госбезопасности, разрешено ли это делать? Но тот ничего на это не ответил, а просто отправил его дальше, к следующему члену военной комиссии.

«Послужит тормозом...» в Вальдемаре снова поднялось то раздвоенное чувство, которое было в нём, когда его вызвали в военкомат в Харовск. На медосмотр было вызвано большое

количество людей. Если они признавались здоровыми, то им вручался военный билет. Пока они, немцы, были под надзором комендатуры, об этом и речи не было, чтобы их призвали в армию. Но как только двери для выезда из ссылки для них были открыты, их тут же признали военнообязанными. В конце концов, они ведь тоже граждане Советского Союза и должны в случае агрессии защищать своё Отечество. Ведь, а это им постоянно повторялось, они уже минимум десять лет едят хлеб и пьют воду этой страны. А что это была высокая привилегия, могли бы подтвердить тысячи людей, умерших с голоду. Это должны те, кто выжил, понять и не возражать против военной службы. Возражений почти и не имелось. Ведь кто хотел бы сравнительно свободную жизнь, — а «клетка», в которой они теперь жили, увеличилась до многих миллионов квадратных километров, — поменять на жизнь за решеткой и колючей проволокой? Ну, а если дело когда-нибудь и дойдёт да войны, — а сейчас было мирное время, — то не обязательно участвовать.

Как, не участвовать? Участвовать, конечно. Но только внешне. Если дело дойдёт до стрельбы, то стрелять не в человека, а вверх.

Вальдемар снова увидел себя в военкомате. Тогда он думал: «Разве христианин может так рассуждать?» Он только что прочёл то, что привело его в шок. На большом полотне были записаны слова, бросающиеся в глаза каждому, заходящему в это помещение. Дословно он эти слова не запомнил, но смысл был таков: он должен клятвенно обещать, что будет защищать своё отечество до последней капли крови. И если он нарушит эту клятву, то пусть его постигнет суровая кара советского закона и презрение общества.

Но это было против его совести. В Библии сказано, что он не должен клясться. А теперь это от него требуется. Имеет ли он право это делать?

В Библии также написано, что нельзя убивать. Но если он даст клятву, то будет обязан её выполнять и убивать людей. Не делать этого или стрелять вверх — разве это будет правильно, если он даст клятву? Другие солдаты будут думать, что рядом с ними настоящий товарищ, на которого можно положиться, а он окажется предателем. Так что

у него не остаётся другого выбора, как только не давать клятву. Но в таком случае он должен будет считаться с тем, что его осудит военный трибунал, и ему придётся бывать наказание не менее четырёх лет в исправительном трудовом лагере. Этого он тоже не хотел. Он уже тогда любил эту девчонку, что стала его женой и так сладко, наконец-то, спала рядом с ним на полу Зининой комнаты, что он боялся пошевелиться, чтобы не потревожить её сон. Они создали семью. Они хотят мирно жить на этой земле, зарабатывать в поте лица свой хлеб, в муках рожать детей. Но только не убивать других! Как страшно в этом мире! Одна страна раздувала ненависть к другой стране, раздувала зависть, мстительность. Разве не могли бы все люди жить в мире? Ведь они люди, а не скот, которому дан инстинкт, а не сознание, и который не имеет возможности выбора между хорошим или плохим. Или люди это забыли? Может быть, им легко было давать эту клятву потому, что они забыли, что ближний — тоже человек? Убивали ли они, потому что сами не знали, кто они?

Он долго тогда размышлял и пришёл к выводу, что уж лучше он будет делать самую презренную работу, которая вообще существует, и даже откажется от семейного счастья, но только не даст клятву, которую не сможет сдержать.

Вальдемару, после осмотра врачей, вписали в его военный билет: годен к военной службе в военное время. Какое счастье, думал Вальдемар, что только в военное время! По крайней мере, меня оставят сейчас в покое. Успокоившись, он заснул.

«Вся комната наполнена чертями!»

Из комнаты, где раньше жили Фуксы, всё чаще доносились странные звуки. Там жили супруги Таракановы, выселившие семью Фукс. Эти звуки были особенно громкими после зарплаты. Тогда «концерты» за стеной длились до глубокой ночи. Сегодня после выдачи зарплаты шум в их комнате был, как никогда прежде, сильным.

Клаус Фёрстер и Вальдемар которые работали на погрузке хлыстов на специальные, сделанные в Веймаре, сцепы, ещё днём заметили, что

у их начальника, товарища Тараканова, плохое настроение. Они должны были с каждым хлыстом или пачкой хлыстов, если им не удавалось это с помощью раскачивания сделать, залезать на сцеп. Устав от этой напряженной работы, они хотели немного отдохнуть, прежде чем начать погрузку нового сцепа. В это время лебедчик обычно и отпиливал электропилой вершинки хлыстов, торчащие за габаритом сцепа. В большинстве случаев эту работу Клаус и Вальдемар вместо Тараканова делали. Но сегодня ему пришлось это, хочешь — не хочешь, не один раз сделать. Тараканова это страшно раздражало. Дело дошло до того, что он ругал даже то, что до сих пор считал чуть ли не святым. В обиходной речи рабочих часто употреблялось для обозначения всего плохого, неудавшегося, нестоящего одно слово — это было слово «колхоз». Например, если один что-нибудь предлагал, а другому это не нравилось, то он не говорил: «твое предложение мне не нравится», или «с твоим предложением я не согласен», а коротко отвечал: «Ну, это колхоз». Колхозы существовали давно и такими патриотами, как Тараканов, ценились высоко. Поэтому выражение «колхоз», когда оно употреблялось в негативном смысле, а в позитивном его так и так нельзя было употреблять, поскольку колхоз в любом случае оставался колхозом, как ни крути, Тараканову очень не нравилось. Но и запретить его употреблять он не мог, так как это слово вросло корнями в практику обыденной речи.

Пятая по счёту в этот день погрузка сцепа должна была вот-вот начаться. Мужчины составляли сцепы и вдруг заметили, что между ними отсутствует соединительный трос.

— Товарищ Тараканов, что делать, где взять трос? — спросил Клаус.

— Если бы порожняк еще здесь был, можно было бы с него снять, но его увезли, — пробурчал их командир, потирая красный лоб, свои усы он давно обрил.

— Из нашего плана сделать полторы нормы — получится «колхоз», если мы не найдём трос, — сказал Вальдемар и показал рукой на группу грузчиков справа. Вот у них получится, а у нас вечно что-нибудь не так!

— Да, это у нас сегодня действительно колхоз, — заключил гневно Тараканов.

И вдруг сообразив, что такое он сказал, быстро добавил:

— Извините, — плохой колхоз.

В этот день они не смогли погрузить сто кубов, а погрузили только восемьдесят. Это, в общем-то, тоже было неплохо, и Тараканов вскоре успокоился.

После окончания рабочего дня выдали зарплату, и он окончательно успокоил свою недовольную душу парой стаканов водки. Компанию ему составил механик 17-го лесопункта Налиухин, который был по совместительству секретарём парторганизации.

Этот широкоплечий, крупный мужчина иногда вводил людей в смущение своим косоглазием. Никогда нельзя было понять, куда он смотрит. Второй его недостаток — рот. Не только то, что он его очень часто широко открывал, чтобы говорить людям «правду-матку», но и то, что он вливал туда огромное количество алкоголя.

В этот вечер они с Таракановым выпили сравнительно немного. Бывали случаи, когда их мертвецки пьяными вытаскивали из канав, но сегодня они сами пришли домой. Но дома всяк по-своему продолжал вместе начатое дело.

— Рая, выпей-ка стопку за моё здоровье! — заикаясь, произнёс Тараканов в привычном командном тоне.

— Я боюсь, что это было бы скорее за твою болезнь, Костя, — его жена отставила стакан. — Ты что, не хочешь со мной выпить?

— Если бы это не было во вред тебе, то конечно. Но пойми меня, я боюсь, что это тебе повредит.

— Посмотрите-ка на неё, — он говорил так, словно комната была полна народу, — она не хочет пить за моё здоровье. Как же мне на неё

не сердиться?

Бедная женщина поняла, что она говорит с безумным, и прибегнула к последнему спасительному средству. — Я выпью, если ты мне пообещаешь сегодня больше не пить.

— Что?! Ты выпьешь, а я не должен пить?! Вы это слышали? Я ещё раз спрашиваю: вы это слышали? Отвечайте! Так, вы тоже все слышали. А теперь я выпью!

И он в пару глотков опорожнил стакан водки. Эти странные разговоры с невидимыми собеседниками вёл он уже не впервые. Но ещё никогда его жена не испытывала такого ужаса, как сегодня. Если бы она могла, то убежала бы. Но куда? в бараке жили почти одни немцы. Это были люди, для которых они с мужем должны были быть примером. Кроме того, её муж должен защищать государство от таких элементов. На них ведь всё ещё нельзя надеяться. Вдруг она вспомнила: её муж часто говорил ей, когда был не совсем трезв, что эти люди никакие не враги государству, напротив, готовы делать государству только добро. Но тем не менее она не могла просто разбудить кого-нибудь из них и попросить утешения. Утешение она наверняка найдёт, но она не хотела причинять своему Косте неприятности. Ей оставался один путь, и он вёл в предпоследнюю комнату барака. Там жил Налиухин с семьёй. Что они пили сегодня вдвоём с её мужем, она узнала ещё с вечера, когда её муж пришёл домой и потребовал простокваши. Тогда она встретила в коридоре Налиухину.

— Твой тоже готов? — спросила та Тараканову.

Теперь, после этого страшного разговора мужа с невидимыми собеседниками, её охватил невыносимый страх. Она побежала к Налиухиной.

— Поля, — прошептала она, слегка приоткрыв дверь, ты не спишь?

Послышались шаги, и Поля подошла к ней.

— Что случилось, Рая?

— Мне так страшно! Костя говорит всякую чушь, мне кажется, его обуяли злые духи!

— Ах, успокойся, это всё водка. Мой тоже всё шумел, вот только что успокоился.

Когда перепуганная женщина вернулась к своей двери, то через закрытую дверь услышала громкую речь мужа. Она остановилась и прислушалась.

— Вы все хотите мне помочь? Это здорово! Там ещё идут, я вас всех проверю, насколько вы надёжны. Красные, заходите!

Он кричал так громко, что она испугалась, что проснутся соседи. Ей было страшно заходить, но всё-таки надо было, ведь она знала, что за этим криком следует. Она зашла и увидела, что он лежит всё в том же положении на кровати, где она

его оставила, уставив глаза в один из углов комнаты.

— Видишь, они там, мои помощники, — сказал он ей, не поворачивая головы.

Она спросила:

— Костя, с кем ты разговариваешь?

— Ты что, не видишь? Эти там хотят мне помочь.

— Я никого не вижу, да и не знаю, в какой помощи ты нуждаешься. Может, смогла бы тебе помочь?

— Они хотят помочь мне всё в пух-прах разбить! закричал он. — Сейчас они начнут. Внимание, вперёд! Внимание! К нападению, вперёд!

Одним прыжком он соскочил с кровати, его глаза горели неистовой яростью. Она едва успела

ОТСКОЧИТЬ В сторону, когда он схватил табуретку за ножку и с силой опустил её на стол. Посуда, остававшаяся после ужина на столе, разлетелась маленькими осколками по комнате. Второй удар табуреткой пришёлся по посудному шкафу. Стёкла на дверцах разбились вдребезги, как и большая часть стоящей в шкафу фарфоровой посуды.

— Костя, что ты делаешь?! Это ведь приданое моей матери! О небо, сжался над нами! Он сейчас всё разобьёт! Но бушевавший Тараканов

не успокоился.

— Если ты тут же не замолчишь, тебе тоже достанется! — орал он, размахивая вокруг себя ножкой табуретки, давно разлетевшейся на куски. Между тем в коридоре слышались голоса.

— Умоляю вас, утихомирьте моего мужа, — кричала в ужасе Тараканова, заламывая руки.

— Только зайдите кто-нибудь, у меня финка наготове!

— Помогите же! Я ещё вечером все ножи спрятала!

С большим трудом удалось нескольким мужчинам дотащить до кровати бушующего Тараканова и связать его верёвкой. Сначала кипел он от гнева, потом возбуждение спало и казалось, он вот-вот уснёт. Внезапно, задёргавшись, уставился он вытаращенными глазами в правый угол и закричал:

— Смотрите, они снова там! О, как их много! Вся комната наполнена чертями!

Невыдержанное искушение

После такого кутежа и общения с потусторонним миром явился Тараканов на следующий день на рабочее место таким взведённым, что казалось, что его усилие сдержаться может лопнуть в любой момент. Все знали: если это совершится, то беда тому, кто попадёт в сорвавшуюся спираль. Клаусу и Вальдемару доставалось от их мастера больше всего. Особенно тяжело было Вальдемару, опять чувствовавшему себя больным. Но это не было главной причиной того, что он сегодня не радовался своему бытию. Он снова был полон жалости к себе, а это было хуже всего.

В эти жаркие летние месяцы рабочие страшно потели. Чтобы было не так жарко, они снимали рубашки, на что не мог решиться Вальдемар, боясь выставить свою худобу на всеобщее обозрение.

Сегодня работа была особенно напряженной. Они торопились загрузить сцеп лесом и поэтому безостановочно бегали то с хлыстами к сцепу, то порожняком за новым хлыстом назад. Наконец двадцать пять кубов были загружены, Вальдемар был мокрым, словно вытащенным из воды, и то, что он хотел скрыть, не снимая рубашки, вырисовывалось под мокрой тканью: его торчащие кости. Может, другого это бы и не тревожило, но у него было преувеличенное чувство стыда от того, что он так тощ, и с этим чувством он ничего поделать не мог.

А дома его ожидала гостья, двоюродная сестра Иоганны. С его теперешним настроением он охотнее всего не пошёл бы домой, а остался здесь.

Было уже 17 часов. Рабочие отёрли пот и грязь с лиц и устремились к вагону, который должен был доставить их домой. Вальдемар шёл к дому и думал, с каким удовольствием лёг бы он сейчас в кровать, чтобы ни с кем не общаться. Но только вошёл он в дверь, как Иоганна начала его поторапливать:

— Скорее умывайся, переодевайся, и мы пойдём к Элеоноре.

Ну, хоть то хорошо, что не здесь все соберутся. Вальдемар не очень-то приветливо поздоровался с гостьей и начал снимать сапоги. Разувшись, подождал немного, но сразу понял, что гостья скоро уходить не собирается, судя по оживленному разговору с Иоганной. Пройдя к умывальнику, стал, не снимая рубашки, умываться.

— Ну, Вальдемар, сними же рубашку! — слегка повышенный тон Иоганны звучал как приказ, и это ещё больше ухудшило его настроение. Не мог же он раздеться при гостье и показать ей все свои торчащие кости и худые руки? Не выставять же всё это на показ?! И только когда он нервно ответил: «Я как-нибудь сам разберусь, как мне следует мыться», — Альма ушла. Если бы здесь не было матери, Вальдемар дал бы выход своему накопившемуся раздражению. Но он молчал, хоть внутри всё кипело. Если уж никто в мире его не понимает, то хотя бы жена должна была понимать!

Он снял рубашку, встал к умывальнику и задумался. Иоганна пару раз взглянула в его сторону, он стоял к ней спиной и не умывался. Она не могла понять, что бы всё это значило. Наконец, она не выдержала:

— Не можешь ли ты немного поторопиться? Там уже ждут нас, у Элеоноры еда остынет.

— с меня хватит! — взорвался он. — Пусть этот ужин остывает! Вы что, думаете, я буду под вашу дудку плясать? Иоганна от неожиданности опустилась на табурет и уставилась на него непонимающими глазами. Ему стало совсем не по себе. Он чувствовал себя таким виноватым, что не мог взглянуть ей в лицо. И в то же время в нём поднялся протест: она ведь должна знать, что не имеет права командовать им! Видишь ли, у её сестры остынет ужин, поэтому он должен торопиться! А каково ему сейчас, об этом даже и не спрашивается! Но разве знает она, что случилось у него на работе и каково ему там пришлось? И если сейчас, через три месяца после бракосочетания, он уже её упрекает, то что принесёт совместное будущее! в гостях он с трудом проглатывал еду. В общем разговоре он тоже почти не участвовал. Как он был рад, когда Иоганна сказала, что чувствует себя плохо и хочет домой.

К счастью, матери дома не было. Ему было стыдно перед Йоганной. Он не мог начать разговор. Но внутренний голос подсказывал, что если уж ему было не стыдно на неё кричать, то не должно быть стыдно в этом покаяться.

Они сидели на кромке кровати и молчали. Как обычно перед уходом ко сну, он взял Библию, чтобы почитать и помолиться. Но не нашёл в себе силы открыть её. Наконец-то он вымолвил:

— Иоганна, можешь ли ты меня простить? Она положила голову ему на грудь. Он обнял её крепко, прижал к себе, и Иоганна услышала биение его сердца. На его руку упали горячие капли. Жена плачет из-за него! Какое он ничтожество!

Когда у обоих иссякли слёзы, они вновь отдали свою жизнь Господу. Вскоре домой вернулась мать. Она легла, не включая свет, в постель.

Вальдемар долго не спал, размышляя о случившейся ситуации.

«Что, ты плакала? Ну нет, моя жена никогда не будет из-за меня плакать!» — так сказал он однажды своей матери, когда она рассказала ему, как однажды она и отец его плакали из-за стычки между ними. Вальдемар теперь на собственном опыте понял истину библейских слов:

«Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Матфея 26:41). Он вспомнил библейскую историю темпераментного Симона-рыбака.

«И сказал Господь: Симон! Симон! Се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя... Он отвечал Ему: Господи! с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти» (Луки 22:31-33). Это было хорошее намерение духа, но исполнить его мешала ему его немощная плоть.

Да, Пётр совершил великий грех, но и раскаяние его было велико. И был ему прощён грех отречения. И даже больше: Иисус доверил ему пасти Его овец и агнцев.

«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1-е Иоанна 1:9). Как рад был Вальдемар, что мог опереться на эти слова!

Их супружеские узы от этого происшествия не пострадали. Но, что он тогда ещё не знал: это происшествие вызовет у него 50 лет спустя, при воспоминании о нём, слёзы! *

* Переводчица этой книги не имела возможности напечатать этот перевод, поэтому передала мне его в рукописном варианте. Сегодня 7 марта 2007 года, когда, печатая, я дошел до этого события, я все ещё сожалею о том происшествии. Если бы моя жена Лиля (Иоганна) мне раньше сказала, что именно мои костлявые руки и пальцы ей так нравились, то, возможно, этого бы не произошло. С уважением Ваш Вальтер (Вальдемар).

Первый отпрыск

Февраль 1958 года был суровым. К сильным морозам добавился ветер, что для этого месяца было необычным. И хотя ветер и мороз дружно взялись за дело, в бараках было тепло и уютно. Люди с лета заготовили достаточно дров и теперь их не экономили, и не мёрзли.

Йоганна и Вальдемар сидели у окна и смотрели, как мороз рисует всё новые и новые узоры на окнах. Через два часа придёт поезд, на котором они поедут в Семигороднюю, где Йоганне предстояло скоро рожать.

— Ты уже придумал другое имя? — спросила Йоганна, когда он ласково прижал её к себе и погладил по волосам. — Мне что-то имя Генриетта не очень-то нравится. Они давно решили, что если родится сын, то они назовут его Эрнстом, а вот с именем дочери до сих пор не решили. — Ну, если тебе не нравится Генриетта, то пусть будет Йоганна, — ответил Вальдемар.

— Нет, Вальдемар, так не годится! Откуда тогда мы будем знать, кого ты имеешь в виду, если в доме будут две Йоганны?

— Не так уж и страшно, — пошутил Вальдемар, — просто вы придёте обе. Но почему ты меня спрашиваешь? Ты ведь и сама могла бы подобрать имя.

— Знаешь, у меня была подруга. Её звали Ингрид. — Ясно, — перебил её муж. — Мне это имя тоже нравится, ты давно могла бы его назвать.

Вскоре сидели они в поезде. И хотя грядущая Ингрид этого не хотела, она всё-таки причиняла беспокойство своим будущим родителям. Йоганна боялась предстоящих родов. А Вальдемар боялся ещё и предстоящего воспитания. По его представлению его дети должны стать порядочными людьми. До недавнего времени он рассчитывал,

что с этой задачей справится, но теперь он точно знал: если Бог не будет к ним милостив, то им самим с этим никогда не совладать.

Но всё это — дело будущего. То, что случится сегодня ночью или завтра, было важнее.

Маргарита радушно встретила свою невестку. Судя по всему, осталось недолго ждать прибавления семейства. Больница была поблизости, так что нечего было тревожиться, даже если схватки начнутся ночью. Иоганна никогда так хорошо не понимала 21-й стих 16-й главы Евангелия от Иоанна: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришёл час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир».

Она утешала себя мыслью, что хотя она сейчас терпит скорбь, а это утверждал сам Иисус, — зато потом, после родов, будет ещё больше радоваться новому человеку, пришедшему в мир. Какое это чудо! Какую честь ей и всем матерям оказывает Бог! Она думала о Еве, об Анне, матери Самуила, о матери Моисея, о Марии, матери Христа, — и вновь и вновь заканчивалась их совместная вечерняя молитва словами: «Господь, позволь нам стать хорошими родителями! Мы благодарим Тебя, что Ты за нас умер! Излей Твою милость и на наше ещё не рождённое дитя, чтобы и оно было преданно Тебе!» За ужином все оживлённо разговаривали, забыв на короткое время о предстоящих родах. Так как в кровати не было места для двоих, то Вальдемар, чувствуя желание Иоганны быть рядом с ним, решил лечь головой к её ногам. Как счастлива была Иоганна, когда она почувствовала нежные прикосновения: Вальдемар целовал её ноги.

Под утро Иоганна ласково разбудила Вальдемара и сказала, что пора идти в больницу.

После горячей молитвы они тронулись в путь. По дороге в больницу до них доносились свистки съезжающего с горы локомотива, тянущего за собой длинный состав леса. Трижды прозвучал свисток. Это стоявшему в последнем тамбуре проводнику сообщалось о необходимости срочного торможения. И Вальдемар вспомнил далёкое прошлое, тот первый, холодный и мокрый день в тайге. Перед

его глазами опять возникли те гружённые доверху платформы с сидящими на них стариками и детьми. Платформы, висящие по обеим сторонам подвесной дороги, летели с горы, а женщины бежали следом и в ужасе кричали... Ему казалось, что он должен удержать канат платформы, скользящий по пням и кустам, должен задержать платформу: ведь там сверху сидела Иоганна!

Локомотив просвистел два раза. Это значило: отпустить тормоза. Паровоз, тяжело пыхтя, пошёл в гору. Опасность миновала. Иоганна спокойно шла рядом.

Ну, тогда она об опасности ничего не знала. Как чудно устроена жизнь: тогда, четырнадцать лет назад, ему не было за неё страшно. Тогда он думал о Хайфи, которая сидела завернутая в одеяло на платформе.

Медсестра, одетая в белый халат, открыла дверь, за которой, наскоро попрощавшись, исчезла Иоганна. Ему надо было уходить. Он шёл, смотрел на небо и знал, что где-то там сидит на троне Тот, кто спас тогда Иоганну. То же самое Он сделает и теперь. Сердце у Вальдемара забилося спокойнее, и он поблагодарил Бога за то, что Он, в Чьей власти земля и небо, есть у него.

А через два часа в стенах больницы звонко прозвучал до того ещё не слышанный голос. Это новорождённая Ингрид заявила плачем о своём появлении на свет.

Утром Андреас перед уходом на работу передал Иоганне привет и пошутил:

— Надеюсь, у тебя не будет, как у твоего дяди: у того четверо детей, и только четверо из них — девочки!

— У тебя ведь тоже дочь, — парировал Вальдемар. Да, впрочем, я рад дочери не меньше, чем радовался бы сыну. И буду радоваться, даже если у нас родятся ещё три дочери, или больше, одна за другой.

Через девять дней Иоганну и Ингрид выписали из больницы. Все радовались, разглядывая новорождённую девочку. Но больше всех

радовались молодые родители. Вальдемар с ещё большим нетерпением ожидал окончания рабочего дня, зная, что дома ожидают его теперь два, таких дорогих ему, создания.

Но вскоре эта радость была омрачена: в первую же неделю Ингрид заболела бронхитом. Поднялась высокая температура. Врачи сделали всё возможное и опасность как будто исчезла. Но через неделю её состояние опять ухудшилось и Йоганне пришлось лечь с ней в больницу. Дитя выглядело очень плохо и плакало день и ночь напролёт. Несмотря на антибиотики, которые она получала в виде инъекций, температура не падала. Девочка сильно похудела.

Молодая мать от недостатка сна и от забот о здоровье девочки была так напряжена, что и во сне говорила об Ингрид. Как рассказывали лежащие с ней в одной палате женщины, однажды она во сне протестовала против кого-то, кто хотел забрать её дочь. Она кричала: «Это мой ребёнок, я его не отдам! Нет, никто его не получит!» Услышав этот рассказ, она обрадовалась. Да, это её дитя, она гордилась им и готова была всё отдать, чтобы только оно жило!

Вальдемар думал так же, Он сидел за рычагами трактора, на который с помощью лебёдки затаскивались хлысты деревьев, и трелевал их на эстакаду. Из-за свисающих перед смотровым стеклом веток почти не видно было дороги. Зимой это было не так страшно, потому что снег делал волока ровными. Но когда снега не было, особенно весной, когда все неровности были заполнены водой, эта работа была очень опасной.

Вальдемару было трудно сосредоточиться на работе. Ингрид — выздоровеет ли она? Или Бог возьмёт её к Себе? Смогут ли они с Йоганной сказать «да будет воля Твоя»? Но имеет ли он право сказать на решение Бога «нет»? Ведь он — христианин! Он чётко понимал, что этого права у него нет. Но почему он не готов, если Бог этого захочет, отдать свою дочь? Разве не он сам на одном недавнем богослужении так убедительно рассказывал присутствующим о героическом поступке Авраама? «Братья и сёстры, — говорил он. — Бог хотел испытать Авраама, доверяет ли он Ему. И даже если Бог требует у нас самого дорогого, мы должны Ему это отдать». Он

задумался над своими словами. Разве он не так думал, как говорил? Нет, так! Разница была лишь в том, что тогда речь шла о сыне Авраама, а сейчас — о его дочери. Отдать её было намного труднее, чем он это себе представлял. «Но Бог не хотел смерти Исаака, и Он не хочет смерти твоей дочери», — успокаивал себя Вальдемар, идя домой по скрипучему снегу. Но вопрос возвращался снова и снова: «Сможешь ли ты её отдать?»

А если ты её не отдашь, а она потом не будет следовать за Господом, тогда что? Не будешь ли ты себя всю оставшуюся жизнь обвинять в этом? Почему ты так сопротивляешься тому, что Господь хочет взять её к Себе, пока её душа так чиста? Почему?

Как всё это тяжело! У него не было выбора: если он и дальше хочет оставаться христианином, он должен подчиниться Божьей воле.

Он встал на колени на том же месте, где впервые молился о прощении грехов. Тогда ему казалось, что его молитва не услышана Им. Но теперь его молитва была совсем другой. Теперь он знал, что есть Тот, Кто всё слышит и знает, что ему и его близким нужно. Из глубины сердца неслись слова молитвы: «Дорогой Отец! Я благодарю Тебя за то, что Ты подарил нам дочь! Ты знаешь, как мы хотели бы, чтобы она осталась с нами. Но Тебе известно будущее, и если она не познает Тебя, тогда... тогда...» — он подумал, как ему сказать то, что он хотел? Должен ли он действительно сказать: «Тогда возьми её к Себе?» Но если он её действительно любит, тогда не захочет удержать её любой ценой. Ведь Всемогущий лучше знает, что для Ингрид лучше!

Так, теперь он может закончить молитву. И, решительно положившись на Божью мудрость и милосердие, твёрдо завершил: «Тогда возьми её к Себе, пока она маленькая».

Счастливый тем, что пересилил себя, встал Вальдемар с колен. Но ещё счастливее были родители, когда через десять дней везли свою дочь домой здоровой.

Вальдемар был рад, что выздоровление дочери одновременно даёт ему уверенность, что она обязательно будет принадлежать Господу.

Через двенадцать с половиной лет

Хайфи жила уже несколько лет в Тульской области. Климат там был почти такой же, как и в Вологодской области. И если бы мать была с ней рядом, она не тосковала бы по 20-му километру, но теперь порой тоска становилась почти невыносимой. Хотя её Герман был рядом с ней, но мать, брат и сестра были так далеко!

Ещё сильнее затосковала она, получив от матери письмо, в котором та писала: «Мы прожили здесь, в тайге, так долго. Из нашего отъезда в Германию, видимо, ничего не получится, поэтому в общине стали поговаривать о переезде в Казахстан».

Как хотела бы Хайфи снова побывать на 20-м километре! Не все воспоминания о нём были хорошими. Когда мать работала уборщицей в школе, Хайфи самой приходилось вечерами приводить в порядок классную комнату, в которой она училась. Снабжать класс водой для питья входило также в её обязанность. Мать была очень нездорова и нуждалась в её помощи. А ещё мать шила и вязала для людей, чтобы заработать немного денег.

А в классе наряду с хорошими детьми, были и такие, как Сергей Молотов, который постоянно плевал в ведра с водой. Ей приходилось эту воду выливать и идти за новой. Ему доставляло удовольствие мучить её. Так же, как и Лёве Гурилёву, который к концу занятий наплевывал целую лужицу возле своей парты. Ей приходилось это убирать. Её до сих пор тошнило при этом воспоминании. Были и мастера ругаться и обзывать. Но были и хорошие, порядочные люди, как, например, учительница Лидия Галактионовна, которая всегда становилась на сторону матери, если той грозило увольнение. Место школьной уборщицы имело спрос, и всегда находилась женщина, желающая занять это место. Как она там сейчас, её учительница? Хайфи очень хотела бы её увидеть, поговорить с ней. Если бы у неё были крылья!

Между тем подготовка к переселению шла на 20-м километре полным ходом. Семь семей, относящихся к общине, хотели бы ещё до начала

весны быть в Казахстане. Дело было лишь за руководством лесопункта, которое не торопилось с их увольнением. Как раньше их презирали, так теперь их уговаривали остаться. Но благодаря недавно вышедшему закону руководство не имело права задерживать работников более, чем на 12 дней после подачи заявления об увольнении. Их отпустили, высказав при этом просьбу: если им на новом месте не понравится, то чтобы они вернулись назад, на прежнее место жительства.

— И вы меня снова возьмёте на работу? — спросил Вальдемар.

Ещё два года назад они хотели от него избавиться. — Да, конечно, возвращайтесь все, — ответил начальник, вручая ему характеристику о его долгой безупречной работе. Вальдемар поблагодарил его и пошёл домой.

Сколько раз за прошедшие с момента приезда сюда двенадцать с половиной лет шёл он этой дорогой! Этой дорогой он нёс хлеб с 17-го километра в магазин на 20-й. Этой дорогой шёл он в контору лесопункта. Ему знакомы были здесь все деревья, все кусты. И, конечно, не в последнюю очередь — кюветы по обеим сторонам этой дороги: выкапывая их, он иногда стоял почти по колена в воде. Как следствие — ревматизм, от которого страдает он до сих пор, хромя на правую ногу. И всё же, как велика милость Господня! Он может без отдыха одолеть этот путь, как и здоровые люди. Неужели он идёт этой дорогой последний раз?

Он шёл медленно, не торопясь, домой. День был тёплым, безветренным. Перед ним тянулись две полосы узкоколейки. По обе стороны лежали горы снега, счищенные за зиму с рельсов. Как часто их поднимали ночами, чтобы они помогли локомотиву со снегоочистителем очистить узкоколейную дорогу! Что не могла техника, то делали дети, работая деревянными лопатами. А под двухметровыми сугробами лежали те кюветы, о которых он вновь вспомнил. Да, ему тогда было 14-15 лет, ещё ребёнок, которому для развития требовалось нормальное питание. Но взамен этого ему предоставлялось огромное количество воды, как в супе, который он до четырёх литров в день хлебал, так же и в этих кюветах... Но

почему он снова попал в этот «водоворот», из которого его вытащила сильная рука Господа?! «Забудь, не вспоминай, ведь ты в последний раз идёшь этой дорогой!»

Но вот и поворот направо. Это уже 18-й километр. Недалеко отсюда он однажды сидел и плакал, так как не мог идти дальше. О, он же не хотел больше об этом вспоминать! Почему вновь? *

* Почему вновь сегодня 17 марта 2007 года, печатая перевод, автор должен бороться со слезами? Наверняка и у Вас, дорогой читатель, появляются слёзы при воспоминании, как дивно Господь предусмотрел: «...что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу» (Римлянам 8:28).

Вскоре остался позади и 19-й километр. За ним было место, где однажды, когда они строили узкоколейку, пути пересёк «хозяин тайги» — бурый медведь. Кто знает, где он теперь спит? Или может, он давно попал под пулю охотника? А, возможно, и в петлю, подвешенную для лося? Какой вкусный суп он ел тогда с семьёй, когда в такой петле Гурилёв обнаружил медведя и подарил им кусок мяса! Его взгляд скользил по покрытым снегом ёлочкам, стоящим за сугробами снега.

Он словно слышал, что кто-то говорил ему: «До свидания». До свидания? Нет — прощай!

С радостным сердцем пришёл он домой. Он только вошёл в длинный коридор барака, как почему-то вспомнил свой поход в деревню для пастушества. И как будто вновь услышал крик той женщины: «Вот тебе за молоко! Вот тебе за хлеб!» — и почувствовал на своей спине и голове удары резиновых бот. Каким беспомощным он был тогда, но благодаря той милой, сострадательной молодой секретарше сельсовета ему удалось избавиться от этой пьяной женщины.

Да, не только плохих людей встречал он в своей жизни, но немало и хороших, память о которых останется на всю жизнь!

В дверях комнаты его встретила Иоганна. — Что случилось? Ты так взволнованно выглядишь, она посмотрела в его серо-зелёные глаза.

— Теперь всё в порядке.

— Но что-то было? У тебя что, были трудности, связанные с увольнением? Ведь двенадцатидневный срок уже прошёл?

— Нет, с этим у меня проблем не было. Просто я вспомнил тяжёлые и хорошие события, случившиеся здесь за эти годы.

28 марта 1958 года наступил день отъезда. Возле узкоколейки собралось человек двадцать, нагруженных багажом. Все молчали, поглядывая то на часы, то на пути в сторону 21-го километра, откуда должен показаться поезд.

— Если поезд сегодня вовремя придёт, то это будет первый раз за всё время, — заметил кто-то.

— Но от 28-го километра он отъехал уже с полчаса назад, мне дежурная сказала, — уточнил Абрам.

— Если бы Хайфи была здесь, можно было её попросить сбегать на 22-й километр, чтобы уточнить, — пошутил Вальдемар.

22-й километр был её бывшим рабочим местом. — Когда она там работала дежурной, то всегда знала... — он не успел закончить, как послышался свисток приближающегося локомотива.

Через некоторое время все сидели в тёплых вагонах и смотрели на убегающие назад деревья и кусты. На 17-м километре в вагон зашло несколько местных жителей. Когда они услышали, что немцы собрались навсегда уезжать, то на их лицах появилось отчуждение. «Странно, — видимо, так думали они, — что этим людям здесь не нравится, ведь это самое лучшее место на земле».

Вскоре справа показались бесконечные болота 12-го километра. Анна Кран неподвижно сидела у окна и всматривалась вдаль. Наверняка вспоминала она ту Троицу, которую провели они здесь, собирая клюкву. Она молчала. Вальдемар проследил за её взглядом, потом посмотрел на неё и почувствовал, что они оба думают об одном и том

же: об их безуспешных усилиях в тот день. «Что в воскресенье приобретёшь, то в понедельник с собой не возьмешь».

Искорки, летящие из трубы паровоза, и его тяжёлое пыхтение оповестили приближение поезда к 4-му километру. Двенадцать с половиной лет назад на этом самом месте испытали они страх, когда неуправляемые платформы помчались под гору. А сколько ещё ужаса пережили они за эти тяжёлые годы, кроме Бога, никто не мог сосчитать. Через несколько минут поезд остановился возле деревянного строения. Это было станционное здание узкоколейной железной дороги Семигородняя. Отсюда после обеда начнётся их 4000-й километровый путь по железной дороге.

— Куда Вальдемар делся? — взволнованно спросила Иоганна зятя, пытаясь успокоить плачущую дочь. — Не бойся, сейчас придёт. Он тут ни за какие деньги не останется.

А за поездом, за последним вагоном, стоял молодой мужчина и смотрел вдаль. Сколько явной Божьей помощи и поддержки, сколько небесного мира заключал в себе этот короткий путь! А ведь это были только 20 километров.

Бригада Лисечко. Дядя Антон — второй слева; Вальдемар — первый справа.

Балластировка УЖД. На ваге слева сидит Иоганна.

Голод позади.

Слева направо: вторая — Марианка, третий — Рихард Фёрстер, пятый — Клаус Фёрстер, шестой — Вальдемар Кран. Слева направо: первая — Инга Ферншауэр, вторая — Эльфрида Фукс, третья — Маргарита Кран, четвертая — Элеонора Фукс, пятая — Элла Ферншауэр.

Брат Пеннер крестит Рихарда Фёрстера

Брат Вибэ благословляет крещёных

Вальтер Веделъ